

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал входит в первую категорию
периодических научных изданий,
рекомендуемых ВАК для публикации
основных результатов диссертаций на
соискание ученых степеней кандидата
и доктора наук, включен в ядро Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

The Journal is included in the first category
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 13, No. 3, 2023

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL



ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПЛЯЙС Я.А., доктор исторических наук, доктор политических наук, председатель Профессорского клуба Финансового университета, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор Кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий Кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, директор Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор Кафедры современной социологии Социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Зубец А.Н., доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований Финансового университета, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций ФСН и МК по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан Факультета массовых коммуникаций Венского университета, Венский университет, Вена, Австрия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан Социологического факультета, заведующая Кафедрой современной социологии Социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего Кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, Депутат Государственной Думы VI–VII созыва

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор Кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент Финансового университета, Научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Южно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

PLYAYS YA.A., D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodovskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgoplov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russia

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI–VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА: НАВСТРЕЧУ 105-ЛЕТИЮ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Пряжников Н.С., Камнева Е.В., Коробанова Е.В. Командообразование в деловых отношениях: мифы, парадоксы и перспективы развития 6

Кондрахина Н.Г., Южакова Н.Е. Особенности педагогического менеджмента в управлении конфликтами в рамках иноязычного обучения в неязыковом вузе 14

Ерохина О.В., Коваленко Д.С. Модель формирования цифрового доверия в России 21

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Кулакова Н.Н. Национальные интересы как вектор развития государства 27

Котов Д.А. Социальная напряженность и возможность оценки ее влияния через анализ социальных медиа 32

Махмутова Е.В., Окумбеков Р.С. Децентрализация в неопатримониальной демократии: преимущества, недостатки и путь к потенциальному миру 39

Крушельницкая О.И., Третьякова А.Н. Проблема методов исследования ценностно-мотивационной сферы личности в эпоху перемен 44

Артютюнян А.С. Номенклатура и группы интересов: эхо постсоветских реформ 52

Алексеев С.В. Старшинство в роду Рюриковичей: социально-культурные представления и легитимность 59

Шатилов А.Б. Становление и политизация российской преступности на рубеже XIX–XX веков 66

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цыбаков Д.Л., Василенко И.К. Милитаризация постсоветской Украины как фактор современного международного кризиса 72

Бутырина С.А., Симонова М.М. Этапы отчуждения Украины от России: проектный анализ 79

Зубенко В.В., Зубенко В.А., Сунь Ю. Российско-китайское сотрудничество в области цифровой экономики 86

Евгеньева Т.В., Евгеньев В.А. Политические представления и ценности российской молодежи в контексте их историко-культурных оснований 94

Филатов Д.Л. Молодежное служение РПЦ В XXI в.: идеологические и практические принципы 101

Рогов И.И. Гейминг в его социальном и политическом контексте последних лет 106

Чимирис Е.С. Метод анализа мифов (по Р. Барту) как инструмент для исследования процесса легитимации политической системы на примере переосмысления исторического опыта СССР в современной России 114

Логина Ю.В. Разработка решений для маркетинговой стратегии креативного кластера на основе применения метода «мозговой штурм» 121

Домбровская А.Ю., Огнев А.С. Измерение образа будущего Российской Федерации в сознании российской молодежи: когнитивистика и киберметрия в прикладном политическом исследовании 128

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Ирицян Г.Э., Гаража Н.А. Экономические и идеологические причины использования Третьим рейхом принудительного труда «восточных рабочих» 135

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Наумов В.Б., Просвириин Е.А. Анализ взаимодействия государства и бизнеса в нефтегазовой отрасли на фоне санкционного давления в 2022 году: вызовы и возможности 141

Уличкина Л.Ш. Эффективность действия режима параллельного импорта в условиях экономических санкций 152

COVER STORY: TOWARDS THE 105TH ANNIVERSARY OF THE FINANCIAL UNIVERSITY

- Pryazhnikov N.S., Kamneva E.V., Korobanova E.V.** Team Building in Business Relations: Myths, Paradoxes, and Prospects of Development. 6
- Kondrakhina N.G., Yuzhakova N.E.** Peculiarities of Pedagogical Management in Conflict Management in the Framework of Foreign Language Teaching in an Extralinguistic University. 14
- Erokhina O.V., Kovalenko D.S.** The Model of Digital Trust Formation in Russia. 21

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Kulakova N.N.** National Interests as the Trajectory of State Development. 27
- Kotov D.A.** Social Tensions and the Possibility of Assessing their Impact Through the Analysis of Social Media. 32
- Makhmutova E.V., Okumbekov R.S.** Decentralisation in Neopatrimonial Democracy: Advantages, Disadvantages, and the Path to Potential Peace. 39
- Krushelnitskaya O.I., Tretyakova A.N.** The Problem of the Research Methods of the Value-Motivational Sphere of Personality in the Times of Transformations. 44
- Arutiunian A.S.** The Governing Establishment and Groups of Interest: The Echo of the Post-Soviet Reforms. 52
- Alekseev S.V.** Seniority in the Rurikid Dynasty: Socio-Cultural Ideas and Legitimacy. 59
- Shatilov A.B.** Formation and Politicisation of Russian Crime at the Turn of the XIX–XX Centuries. 66

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Tsybakov D.L., Vasilenko I.K.** Militarisation of Post-Soviet Ukraine as a Factor of the Modern International Crisis. 72
- Butyrina S.A., Simonova M.M.** Stages of Alienation of Ukraine from Russia: Project Analysis. 79
- Zubenko V.V., Zubenko V.A., Sun Yu.** Russian-Chinese Cooperation in the Sphere of Digital Economy. 86
- Evgenyeva T.V., Evgenyev V.A.** Political Perceptions and Values of the Russian Youth in the Context of Their Historical and Cultural Foundations. 94
- Filatov D.L.** Youth Ministry of the ROC of the XXI Century: Ideological and Practical Principles. 101
- Rogov I.I.** Gaming in Its Social and Political Context of Recent Years. 106
- Chimiris E.S.** Approach to the Method of Myths Analysis (according to R. Bart Methodology) as a Tool for Studying the Process of Legitimation of the Political System on the Example of the Rethinking of the Historical Experience of the USSR in Contemporary Russia. 114
- Loginova Yu.V.** Development of Solutions for the Marketing Strategy of a Creative Cluster Based on the Application of the «Brainstorming» Technique. 121
- Dombrovskaya A. Yu., Ognev A.S.** Measuring the Image of the Russia's Future Among Russian Youth: Cognitive Science and Cybermetrics for the Political Study. 128

HISTORICAL EXCURSE

- Iritsyan G.E., Garazha N.A.** Economic and Ideological Reasons for the Use by the Third Reich of Forced Labor of “Eastern Workers”. 135

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Naumov V.B., Prosvirin E.A.** Analysis of State-Business Interaction in the Oil and Gas Industry Against the Backdrop of Sanctions Pressure in 2022: Challenges and Opportunities. 141
- Ulichkina L.S.** The Effectiveness of the Parallel Import Regime in the Context of Economic Sanctions. 152

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 13, № 3 (63), 2023

Главный редактор –
А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютина

Корректор – **С.Ф. Михайлова**

Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **Н.А. Пунтус**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,

Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6

Тел.: **8 (499) 553-10-74**

(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки

в редакции

по тел.: **8 (499) 553-10-71**

(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 07.08.2023

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 19,75 п. л.

Заказ № 805

Отпечатано в отделе полиграфии

Финансового университета

(Москва, Ленинградский пр-т,
д. 51)

© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **S.F. Mihaylova**

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **N.A. Puntus**

Editorial address:

53, Leningradsky prospect, office 5.6

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**

(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 553-10-71**

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 07.08.2023

Format 60 x 84 1/8.

Size 19,75 printer sheets.

Order № 805

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospect,
Moscow)

© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-6-13
УДК 159.9:331.546(045)

Командообразование в деловых отношениях: мифы, парадоксы и перспективы развития

Н.С. Пряжников, Е.В. Камнева, Ж.В. Коробанова
Финансовый университет Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье отмечается ценность командной работы, условия ее эффективности, а также рост сомнений в универсальности командообразования применительно к решению всех возможных проблем. На этой основе выделяются наиболее распространенные мифы (мифологемы) командообразования и соответствующие парадоксы командной работы, а также пути преодоления этих мифов. В статье предлагается расширенное понимание команды с учетом возможности включения в нее работающих в удаленном режиме и так называемых «виртуальных» участников, чьи идеи и методы могут использоваться в групповой работе. Также рассматриваются основные ошибки со стороны психологов-тренеров, руководителей и преподавателей на тренингах командообразования. В качестве главной идеи, являющейся командообразующей, мы выделяем не только ориентацию на общие цели и ценности, но и принятие участниками общего стиля и метода решения определенных проблем. Сам стиль является особой ценностью, которая и определяет эффективность командной работы.

Ключевые слова: командообразование; культура взаимоотношений; ценности; мифологемы; эффективность командной работы

Для цитирования: Пряжников Н.С., Камнева Е.В., Коробанова Ж.В. Командообразование в деловых отношениях: мифы, парадоксы и перспективы развития. *Гуманитарные науки*. 2023;13(3):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-6-13

ORIGINAL PAPER

Team Building in Business Relations: Myths, Paradoxes, and Prospects of Development

N.S. Pryazhnikov, E.V. Kamneva, Zh.V. Korobanova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article points out the value of teamwork and highlights the conditions for its effectiveness. There is also a growing doubt about the universality of team building in relation to solving all possible problems. On this basis, the most common myths (mythologemes) of team building and the corresponding paradoxes of team work are singled out, as well as the ways to overcome these myths. The article proposes an expanded understanding of teams, taking into account the possibility of including participants in modern teams who work not only remotely, but also the so-called “virtual” participants, whose ideas and methods can be used in teamwork. The article also discusses the main mistakes on the part of psychologists- coaches, managers and teachers at team building training sessions. As the main idea, which is “team-building”, we emphasise not only the orientation towards common goals and values, but also the adoption by the participants of a common style and method for solving certain problems. The style itself is a special value, which determines the effectiveness of teamwork.

Keywords: team building; culture of relationships; values; mythologemes; effectiveness of teamwork

For Citation: Pryazhnikov N.S., Kamneva E.V., Korobanova Zh.V. Team building in business relations: Myths, paradoxes, and prospects of development. *Humanitarian sciences*. 2023;13(3):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-6-13

ВВЕДЕНИЕ

Командообразование уже давно является наиболее популярным направлением подготовки управленческих кадров [1–5]. Проблематика командообразования и его эффективного функционирования отражается в исследованиях по самым разным направлениям, особенно касательно высокотехнологичных производств, где целые поточные линии или даже заводы-автоматы все чаще управляются командой хорошо подготовленных операторов. Важную роль эффективные команды играют и в армии (экипажи, боевые расчеты и другие слаженные группы специалистов в разных родах войск), они все больше востребованы в сфере услуг, в организации досуговой деятельности населения, в управлении и т.п. [1]. Даже в семейной психологии сама семья рассматривается не только как «союз любящих сердец», родителей и воспитателей, но и в контексте выполнения «экономической функции», как особая команда [6]. Эффективность команд во многом подтверждается и в фольклоре, отражающем трудовую деятельность, например в известных поговорках: «один ум хорошо, а два лучше», «один в поле не воин» и даже в сказках, например в знаменитой «Репке». Однако в специальных научных исследованиях нередко оговаривается, что только числом работников серьезные вопросы не решаются. Более того, нередко профессионализм, эффективность, рентабельность и т.п. как раз и определяются тем, насколько удалось сэкономить ресурсы (в том числе и человеческие) для решения тех или иных задач. И идеалом здесь была бы такая минимизация человеческого ресурса, когда задачу выполняет лишь один работник.

Основные проблема и задачи исследования

Сказанное выше определяет *главное противоречие и, соответственно, главную проблему настоящего теоретико-методологического исследования*, когда, с одной стороны, все громче звучат призывы расширять командообразование, увеличивая и усиливая готовность работников к командной (и проектной) работе, а с другой стороны — требование минимизации затрат (особенно человеческих) заставляет искать варианты минимизации численности работников, в том числе команд. Причем, если ранее к сокращению персонала приводила механизация и автоматизация производства, то в современных условиях все больше развиваю-

щаяся цифровизация производства позволяет не только обеспечивать эффективную трудовую деятельность, но и замещать бывшие коллективы всего лишь одним работником.

Правда, данное противоречие во многом компенсируется необходимостью использовать небольшие, но при этом высококвалифицированные команды (экспертные группы и пр.), что лишь подчеркивает важность командообразования. Но одновременно это ставит и новую задачу — уточнение численности таких команд, срока их эффективной деятельности, а также проблему отбора, подготовки и обеспечения функционирования [7].

Соответственно, упрощенное понимание командообразования как панацеи от всех бед часто оказывается неоправданным и порождает множество мифов, точнее — мифологем (как некой искаженной реальности), специальное рассмотрение которых является, на наш взгляд, важным условием их преодоления. Публикуются специальные работы, где все чаще рассматриваются мифы командообразования¹. Разные авторы часто выделяют следующие наиболее популярные мифы, связанные с командной деятельностью: 1) команда появляется быстро, важно лишь собрать соответствующих людей; 2) команда может решать все проблемы лучше, чем отдельные специалисты; 3) команда обязательно предполагает сближение людей; 4) эффективная команда важнее, чем ментальность ответственных руководителей (соответственно, не обязательно менять позицию руководителей, а нужно лишь предлагать готовые решения); 5) в основе эффективности команды — психологическая совместимость и благоприятная психологическая атмосфера; 6) тренинг командообразования можно проводить для всех сотрудников предприятия; 7) в тренинге командообразования важнее процедура (игры, упражнения), чем методология, идеи и ценности². Мы не будем подробно анализировать эти мифы, так как это сделано другими авторами, но обратимся к их опыту и попробуем обозначить иные мифологемы.

Также важно в контексте данных мифов рассматривать возникающие парадоксы, не только иллюстрирующие суть этих мифов (через уточнение различных несостыковок, проблем более

¹ URL: <https://katarsis.ru/mify-i-realnost-komandoobrazovaniya/>

² URL: <https://studfile.net/preview/1664835/page:19/>

частного характера, относящихся к конкретной деятельности), но и помогающие лучше понять пути совершенствования командообразования. Заметим, что суть любой трудовой деятельности как раз и определяется осмыслением тех проблем и противоречий, для решения которых предназначена данная профессия, данный трудовой пост или данная трудовая функция. Еще академик ЕА. Климов определял суть трудовой (эргатической) функции как «любое уменьшение степени неопределенности между элементами эргатической системы» [8]. Парадоксальность при этом лишь подчеркивает живучесть и стойкость многих мифов, связанных с командообразованием. Она понимается нами как противоречие, возникающее между обыденными (а часто и весьма распространенными) представлениями о каком-то явлении, с одной стороны, и фактами, противоречащими этим представлениям, — с другой.

На этом основании выделим *основные задачи нашего теоретико-методологического исследования*:

1. Уточнение сущности командообразования, в частности через сравнение с другими близкими понятиями, и выделение наиболее важных характеристик современных эффективных команд.

2. Уточнение особенностей формирования, развития и функционирования эффективных команд.

3. Определение перспективных путей преодоления имеющихся парадоксов и соответствующих мифов командообразования.

УТОЧНЕНИЕ СУЩНОСТИ КОМАНДООБРАЗОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ, РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНЫХ КОМАНД

Различные авторы выделяют примерно одинаковые характеристики эффективной команды, в частности: общее понимание цели (и соответствующих параметров эффективности деятельности), общая мотивация, ценности (и их принятие большинством участников), иногда — общие идеалы и общие интересы, определенное оптимальное количество участников команды (часто не более 3–7, максимум 12–15 человек), высокая сплоченность, согласованность действий, высокое мастерство (компетентность) участников, взаимоподдержка (взаимопомощь,

взаимозаменяемость); нередко подчеркивается обязательное наличие лидера [1]. В дальнейшем мы рассмотрим некоторые из этих сущностных характеристик команды, обозначив популярные на уровне общественного сознания мифы и соответствующие парадоксы, связанные с этими характеристиками.

1. *Миф о существенном отличии «эффективной команды» от «коллектива».* Возникает вопрос: чем команда отличается от коллектива, от рабочей группы? Предполагается, что команда обычно организуется для решения наиболее важных производственных задач и частично с этим можно согласиться. Но, если учесть, что и команда в своем развитии проходит ряд этапов (стадий) прежде, чем стать «эффективной», то данная логика становления характерна и для коллективов, и для рабочих групп. Возможно, здесь следует руководствоваться следующей закономерностью: рабочая группа по мере своего развития может стать коллективом (более развитым образованием), а уже затем — «эффективной командой».

Но возникает и другой правомерный вопрос: если говорить о командообразовании, то с какого момента, на каком этапе развития появляется именно команда? Парадоксальность ситуации состоит в том, что полноценная команда сразу может и не появиться, если у данной группы людей не произойдет развитие, часто связанное с преодолением определенных проблем. Примерно так же это происходит с человеком, но ведь никто не скажет, что ребенок или подросток (во многом наивный и неумелый) — это не личность. Однако, по этой логике, еще неразвитая рабочая группа или коллектив тоже может считаться командой. Несколько проясняет ситуацию видение перспективы развития рабочей группы (или коллектива). Если перспектива связана с совершенствованием трудовой деятельности, то можно говорить о потенциальной эффективной команде, но если работники довольствуются скромными достижениями и не собираются совершенствоваться, то об этом говорить не приходится.

Важной характеристикой эффективной команды является ее ценностная направленность. Рассматривая основные циклы развития организации, Т. Ю. Базаров выделяет следующую логику: 1) «тусовка», где главная ценность — межличностное общение при формальном решении

деловых вопросов; 2) «механизация», когда на первый план выходят ценности качественного выполнения заданий (при возможности заменять «неэффективных» сотрудников); 3) «внутреннее предпринимательство», где главной ценностью выступает личная ответственность каждого специалиста за свою работу; 4) «управление качеством», когда главная ценность — это «всемерная ориентация всех и каждого на качество» совместной деятельности, что предполагает взаимопомощь, общие радости и общие переживания [9]. Мы считаем, что подобная логика развития вполне применима и к конкретным коллективам, и к командам. Соответственно, сами ценности не всегда могут быть установлены и приняты всеми участниками сразу, так как иногда требуется определенное развитие этих ценностей в ходе совместных действий, а нередко — и дискуссии, и даже избавление от участников с совершенно чуждыми ценностями.

2. Не меньше проблем и соответствующих мифов возникает и с *общим пониманием целей и эффективности командной работы*. Например, сами цели могут быть социально сомнительными, не ориентированными на интересы потребителей и клиентов. Нередко коллективы (как потенциальные команды) понимают, что приходится что-то делать лишь для того, чтобы удовлетворить амбиции каких-то высоких начальников, а иногда сотрудники вынуждены отчитываться о псевдоинновациях. Как ни парадоксально, даже в такой работе может быть определенная эффективность и соответствующие эффективные команды. В таких случаях не всегда целесообразно напрямую конфликтовать с некомпетентным руководством (или с заказчиками), а следует искать точки соприкосновения, и пусть даже в «параллельном» формате (с ориентацией на ожидания руководителей и рассчитывая на собственную совесть и профессионализм) находить возможности для решения тех задач, за которые потом не будет стыдно [10].

3. Другой распространенный миф связан с численностью «эффективной команды», когда считается, что она не должна быть большой (не более 3–7 чел., в крайнем случае — не более 12–15). Но как быть с командами кораблей (например, парусный линейный корабль середины XIX в. с 135 пушками на борту), где трудились иногда до 300–800 чел.; с воинскими

подразделениями (ротами, батальонами)? А с рабочей группой, состоящей всего из двух человек, которым поручено разработать сложный проект в сжатые сроки? Аналогично, возникают вопросы с определением количества соавторов какой-то книги или статьи. К этому можно добавить и ситуации, когда в решении каких-то производственных вопросов участвуют специалисты либо работающие в удаленном режиме, либо, вообще — по переписке.

Получается, что определить оптимальный фактический состав команды достаточно сложно. К тому же иногда даже ее присутствующие участники очень неэффективны, выполняя второстепенные роли, а то и просто наблюдая за дискуссией лидеров при обсуждении сложных вопросов. Но как это ни парадоксально, такие работники нужны более активным участникам команды, так как создают они «фон», «атмосферу» и выполняют рутинную работу. Правда, остается вопрос: каков же оптимальный состав команды, с учетом того, что не все ее участники одинаково эффективны? Мы считаем, что многое здесь определяется совокупностью факторов, упомянутых выше.

Очень важно учитывать специфику целей и производственных задач, а также другие факторы (сроки исполнения, наличие различных ресурсов, мотивацию работников, их усталость и т. п.). Важной особенностью при этом является также учет сложившихся индивидуальных стилей работников.

4. Четвертый миф связан с *такими характеристиками команды, как «согласие», «высокая сплоченность» и «единомыслие»*. Ранее уже говорилось о том, у участников команды, по мере прохождения ими разных этапов в своем развитии, постепенно появляются общие представления о целях, ценности и эффективности [11]. Но важно отметить, что нередко решение проблем предполагает рассмотрение разных точек зрения, а это неизбежно приводит к спорам, дискуссиям и даже определенным внутрисрупповым конфликтам, преодоление которых способствует решению поставленных задач.

В этом случае на первый план в эффективной команде выходит готовность всех ее участников соблюдать определенные правила споров. Недаром, выделяя традиционные ролевые позиции в команде, эксперты говорят не только о «генераторах идей», но и о «критиках». Важно и то, что именно в ходе таких культурных

дискуссий команда постепенно обретает свою самооценку, внутреннюю идентичность.

На этой основе можно обозначить распространенную ошибку многих руководителей, психологов и преподавателей, стремящихся заниматься командообразованием. Она заключается в том, что участников всячески оберегают от обозначения альтернативных точек зрения, особенно при обсуждении острых вопросов производства или общественной жизни, с тем, чтобы избежать настоящих дискуссий. Одно из возможных объяснений таких опасений связано, на наш взгляд, с тем, что организаторы не понимают сущности дискуссии и не могут управлять ею. Получается, что проще симитировать единодушие и согласие, часто основанное на доминирующих взглядах какого-то лидера группы. Но нежелательна и другая крайность, когда эффективность командной работы определяется высоким эмоциональным накалом участников.

5. Пятый миф связан с *приоритетом демократических и даже либеральных взаимоотношений в команде*. В частности, многие отрицают то, что в команде может быть авторитарный лидер. Но если исходить из того, что в основе команды — принятие большинством общих ценностей (включая и ценности самого стиля взаимоотношений), то возможно и существование эффективных команд, основанных на жестком управлении.

В этой связи возникает вопрос: какие стили управления наиболее целесообразны в учебных группах или на начальных стадиях командообразования? Нам представляется, что новой группе следует дать возможность для саморегуляции, — пусть участники сами попробуют выработать нормы взаимоотношений. Но если эти пробы слишком затянутся, то целесообразнее более жесткое вмешательство ведущих: руководителей, преподавателей, тренеров-психологов. При этом желательно, чтобы группа сама «созрела» для того, чтобы воспринять свои ошибки и обратиться за внешней поддержкой, особенно, когда необходимо решить важный вопрос в определенные сроки.

6. Шестой миф связан с тем, что некоторые *отрицают в командах какую-то иерархию, хотя нередко и признают необходимость лидера*. Мы бы разделили иерархии на «постоянные» и «ситуативные». Например, при решении и обсуждении определенных вопросов можно было

бы ввести правило «полного равенства», когда высказываться на равной основе могут все участники, а в том, что касается организации самой работы группы, кто-то должен руководить, контролировать участников и даже прекращать работу группы. Кроме этого, можно разграничить иерархии «компетентностные», «организационные» и иные — в зависимости от состава группы и решаемых ею задач. Таким образом, группы могут быть и иерархическими, но в каких-то случаях, особенно при обсуждении важных вопросов, желательно на время отказаться от иерархии и всем, включая лидеров и организаторов, работать на равных.

7. Седьмой миф связан с *убежденностью многих в том, что при обсуждении важных и сложных вопросов надо давать каждому участнику высказываться столько, сколько требуется*. По сути, это отказ от регламента, поэтому важно вырабатывать у участников «чувство времени» (тайм-менеджмент).

Как уже отмечалось ранее, важным условием развития сплоченности и групповой идентичности в команде является постепенное освоение участниками культурных правил взаимодействия. А одним из признаков такой культуры является как раз уважение к другим участникам.

8. Восьмой миф связан с мнением о том, что *команды можно легко создавать, если использовать определенные психолого-педагогические правила, а то и вовсе — путем распоряжений начальства*. Справедливости ради следует сказать, что иногда это получается. Но при решении особо творческих задач директивные методы формирования эффективных команд не всегда себя оправдывают. К сожалению, даже эффективные команды, созданные на основе воодушевления, не всегда бывают долговечными, — иногда они распадаются, хотя могут собираться вновь.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КОМАНДООБРАЗОВАНИЯ

На основе анализа мифов (мифологем) и парадоксов командообразования можно наметить *перспективы развития командообразования*:

1. Важно учитывать общую логику превращения обычной группы в коллектив, а потом и в эффективную команду. В большинстве случаев не следует сразу ожидать от новой команды высокой эффективности.

2. Цели и ценности команды могут меняться по мере ее развития. Более того, само обсуждение и принятие новых ценностей способно стать предметом особой деятельности команды, и, возможно, ее за это будут рассматривать в качестве примера успешного развития.

3. Численность команды следует определять, исходя из поставленных целей и имеющихся ресурсов. При этом надо всячески стремиться к ее оптимизации. Кроме того, важно по-новому взглянуть на так называемые «виртуальные» команды, работающие в сетевом пространстве, и даже на «виртуальных» участников.

4. В основе единомыслия команды могут выработать не только идеи и цели, но и общие методы, общую культуру. Принятые правила взаимодействия в итоге обеспечат команде сплоченность и взаимопомощь.

5. Внутри одной команды могут сосуществовать как либерально-демократические, так и директивные стили руководства (лидерства) и взаимоотношений. При этом перспективным представляется разделение таких стилей на организационные (связанные с функционированием команды) и деловые (связанные с решением проблем, — для чего данная команда и создавалась).

6. Команды могут быть как иерархическими, так и эгалитарными (без выраженных иерархий). При этом мы считаем, что иерар-

хия неизбежна, так как участники могут различаться по квалификации, опыту, личным особенностям. Но в моменты принятия каких-то сложных решений желательно работать на равных. Это не исключает и ролевого распределения участников («генераторы идей», «критики», «оппоненты» и др.), но сами роли не должны навязываться участникам. Более того, каждый из участников команды может менять и пробовать роли по своему усмотрению.

7. Команды могут создаваться искусственно (включая в особых случаях и директивное формирование) и образовываться самостоятельно, на основе добровольных усилий работников. Со стороны руководства, тренеров-психологов или педагогов к каждому случаю должен быть особый подход. Особенно важно вовремя увидеть новую эффективную команду и всячески поддерживать ее, а в случае прекращения ее деятельности — изучать позитивный и негативный опыт.

ВЫВОДЫ

Необходимо накапливать опыт эффективных команд и чаще использовать его в целях совершенствования командообразования, минимизации ошибок и преодоления пока еще популярных мифов (мифологем), связанных с эффективными командами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авдеев В.В. Работа с командой: психологические возможности. М.: ИНФРА-М; 2021. 152 с.
2. Камнева Е.В., Пряжников Н.С., Полевая М.В. Тренинг командообразования и групповой работы. М.: Прометей; 2019. 219 с.
3. Гаража Н.А., Рзун И.Г., Ирицян Г.Э. Социальные сети как феномен виртуального обучения в условиях информационного общества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):125–132.
4. Петренко А.А. О необходимости формирования компетенций руководителей образовательных организаций в области командообразования. *Тенденции развития науки и образования*. 2021;73–6:116–119.
5. Никаева Р.М., Дикаева Х.М. Командообразование в условиях современной организации. *ФГУ Science*. 2021;4(24):149–154.
6. Пряжников Н.С. Психология нестабильной семьи: проблемы, парадоксы и немного оптимизма. М.: Изд-во МПСУ; 2020. 164 с.
7. Пряжников Н.С., Камнева Е.В. Модели профпригодности в управлении персоналом, профориентации и самоменеджменте. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):64–70.
8. Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: Культура и спорт. ЮНИТИ; 1998. 350 с.
9. Базаров Т.Ю. Психология управления персоналом. М.: Юрайт; 2023. 381 с.
10. Камнева Е.В., Пряжников Н.С., Бабанова Е.В., Буянова С.М. Имитация личной и профессиональной ответственности в условиях директивных предписаний. *Вестник Омского университета. Серия: Психология*. 2020;(4):27–41.

11. Клементьева М.В. Рефлексия образовательных проектов современных студентов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):117–124.

REFERENCES

1. Avdeev V.V. Working with a team: psychological possibilities. Moscow: INFRA-M; 2021. 152 p. (In Russ.).
2. Kamneva E. V., Pryazhnikov N. S., Polevaya M. V. Team building and group work training. Moscow: Prometheus; 2019. 219 p. (In Russ.).
3. Garazha N. A., Rzun I. G., Iritsyan G. E. Social networks as a phenomenon of virtual learning in the information society. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):125–132. (In Russ.).
4. Petrenko A. A. On the need to form the competencies of heads of educational organizations in the field of team building. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education*. 2021;73–6:116–119. (In Russ.).
5. Nikaeva R. M., Dikaeva Kh. M. Teambuilding in the conditions of modern organization. *FGU Science = Scientific Journal of the Department of Public Administration*. 2021;4(24):149–154. (In Russ.).
6. Pryazhnikov N. S. Psychology of an unstable family: problems, paradoxes and a bit of optimism. Moscow: Publishing house of MPSU; 2020. 164 p. (In Russ.).
7. Pryazhnikov N. S., Kamneva E. V. Models of aptitude in personnel management, career guidance and self-management. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):64–70.
8. Klimov E. A. Introduction to the psychology of work. Moscow: Culture and sport. UNITI; 1998. 350 p. (In Russ.).
9. Bazarov T. Yu. Psychology of personnel management. Moscow: Urait; 2023. 381 p. (In Russ.).
10. Kamneva E. V., Pryazhnikov N. S., Babanova E. V., Buyanova S. M. Imitation of personal and professional responsibility in the conditions of directive prescriptions. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psihologiya = Bulletin of Omsk University. Series: Psychology*. 2020;(4):27–41. (In Russ.).
11. Klement'eva M. V. Reflection of educational projects of modern students. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):117–124. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Николай Сергеевич Пряжников — доктор педагогических наук, профессор, профессор департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия

Nikolay S. Prjazhnikov — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Psychology and Human Capital Development Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9909-7372>

Автор для корреспонденции / Corresponding author
nsp-22@mail.ru

Елена Владимировна Камнева — кандидат психологических наук, доцент, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena V. Kamneva — Cand. Sci. (Psychological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6165-1339>

ekamneva@yandex.ru

Жанна Владимировна Коробанова — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия

Zhanna V. Korobanova — Cand. Sci. (Psychological Sciences), Associate Professor of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7230-5335>

korobanova_j@mail.ru

Заявленный вклад авторов

Н.С. Пряжников — разработка общей концепции, постановка проблемы, написание раздела «Основные проблема и задачи исследования».

Е.В. Камнева — написание разделов «Уточнение сущности командообразования и особенностей формирования, развития и функционирования эффективных команд» и «Перспективы развития командообразования».

Ж.В. Коробанова — написание аннотации, введения, выводов.

Declared contributions of the authors

N. S. Pryazhnikov — development of the general concept, problem statement, writing the section “The main problem and tasks of the research”.

E. V. Kamneva — writing of the sections “Clarification of the essence of team building and peculiarities of formation, development and functioning of effective teams” and “Prospects of team building development”.

Zh. V. Korobanova — writing the abstract, introduction, conclusions

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.02.2023; accepted for publication on 15.03.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-14-20
УДК 378(045)

Особенности педагогического менеджмента в управлении конфликтами в рамках иноязычного обучения в неязыковом вузе

Н.Г. Кондрахина, Н.Е. Южакова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В рамках статьи рассматривается специфика педагогического менеджмента в управлении конфликтами в вузе в контексте иноязычного обучения. Проанализирована роль управления конфликтами, описаны ключевые классификации и типы конфликтов в контексте разных уровней образовательного процесса. Отмечается, что для иноязычного образования управление конфликтами является крайне значимым, потому что его эффективность напрямую обусловлена качеством коммуникаций между педагогом и студентами, которое зависит от эффективности управления конфликтами и характера коммуникационной среды в целом. Авторы обращают внимание на сущность и эволюцию педагогических конфликтов, особенности и специфику их разрешения. Отмечается, что при управлении конфликтами в рамках иноязычного образования важна реализация стратегии сотрудничества (кооперация, интеграция), характеризующиеся высоким уровнем направленности интересов обоих субъектов конфликтного разрешения, выстраиванием баланса интересов, признанием ценности межличностных отношений. Ведущая стратегия поведения должна отражать этапы и принципы нивелирования конфликтов в рамках современной конфликтологической парадигмы, основанной на медиативных технологиях, как со стороны студентов, так и со стороны педагога.

Ключевые слова: иноязычное образование; педагогический конфликт; педагогический менеджмент; управление конфликтами; неязыковой вуз

Для цитирования: Кондрахина Н.Г., Южакова Н.Е. Особенности педагогического менеджмента в управлении конфликтами в рамках иноязычного обучения в неязыковом вузе. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):14-20. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-14-20

ORIGINAL PAPER

Peculiarities of Pedagogical Management in Conflict Management in the Framework of Foreign Language Teaching in an Extralinguistic University

N.G. Kondrakhina, N.E. Yuzhakova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article deals with the specifics of pedagogical management in conflict management in higher education in the context of foreign language teaching. The role of conflict management is analysed, key classifications and types of conflicts in the context of different levels of the educational process are described. It is noted that conflict management is extremely important for foreign language education because its effectiveness is directly related to the quality of communication between teachers and students, which depends on the effectiveness of conflict management and the nature of the communication environment as a whole. The authors pay attention to the essence and evolution of pedagogical conflicts, peculiarities and specifics of their resolution. It is noted that when managing conflicts in foreign language education it is important to implement the strategy of cooperation (cooperation, integration), characterised by a high level of orientation of interests of both subjects of conflict resolution, building a balance of interests, recognition of the value of interpersonal relations. The leading strategy of behaviour should reflect the stages and principles of conflict levelling within the framework of the modern conflict resolution paradigm based on mediation technologies, both on the part of students and on the part of the teacher.

Keywords: foreign language education; pedagogical conflict; pedagogical conflict management; conflict management; non-language and extralinguistic university

For citation: Kondrakhina N.G., Yuzhakova N.E. Peculiarities of pedagogical management in conflict management in the framework of foreign language teaching in an extralinguistic university. *Humanitarian sciences.* 2023;13(3):14-20. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-14-20

Педагогический менеджмент в управлении конфликтами представляет собой деятельность, нацеленную на конструктивную трансформацию отношений субъектов конфликтной коммуникации через осуществление определенных принципов, методов и функций управленческого характера [1]. Она направлена на изменение отношений сторон конфликта в лучшую сторону, ведущее к элиминации вызвавших конфликт факторов или значительному уменьшению их влияния, регулированию действий участников конфликта и выстраиванию антиконфликтной профессиональной ориентации студентов и педагогов вуза. Управление конфликтами важно как в рамках организации педагогического процесса в целом, так и для его отдельных аспектов, в частности иноязычного образования [2].

Педагогический менеджмент в управлении конфликтами в любом вузе на любом уровне образовательного процесса реализуется тремя основными активными субъектами:

- руководством организации, устанавливающим общий статус данной структуры (факультета, института и т.д.) в системе образовательного целого;
- деканом или директором, определяющим базовый подход к преодолению конфликтов и реализующим управление ими;
- сотрудниками учебного заведения, которые могут регулировать отношения в коллективе, осуществлять воспитательную функцию, объединять учащихся и коллег вокруг профессиональных идей и задач, интенсифицировать их ощущение принадлежности к группе, создавать атмосферу сотрудничества и взаимной поддержки, высказывать свое беспристрастное и компетентное мнение при зарождении конфликтных ситуаций [3].

Все участники управления конфликтами играют важную роль в данном процессе, но ключевое место отводится руководителю структурного подразделения, ставшего или становящегося «ареной конфликта». Для успешной профилактики и устранения подобных ситуаций руководитель должен уметь осмысливать сложившуюся обстановку и оценивать ее конфликтногенный потенциал; иметь четкое представление о человеческой психике и детерминантах поведения людей; демонстрировать хладнокровие, объективность и системность при взаимодействии с другой стороной; владеть навыками проведения

личных бесед в деловом, профессиональном ключе; обладать достаточным влиянием и административным ресурсом [4]. Для языкового образования характерна значимость как руководителя подразделения, так и непосредственно педагогов при управлении конфликтами.

Рассмотрим специфику упомянутого подхода в контексте реальных конфликтов, возникающих в образовательной среде вуза в рамках иноязычного обучения.

Деятельность любого вуза невозможна без спорадически появляющихся проблем и разногласий по различным вопросам у сотрудников, руководителей, а также людей, имеющих непосредственное или косвенное отношение к организации. При этом нужно подчеркнуть, что социальная значимость, миссия и роль, специфика функционирования именно образовательной организации делает ее подчас даже более, чем другие, подверженной возникновению конфликтов. В обществе сложно найти столь многочисленные и неоднородные по составу социальные институты, как образовательные организации. К тому же ситуация осложняется разнородностью участников межличностного взаимодействия в вузе по множеству параметров: социальному статусу, авторитету, уровню образования, потребностям, целям, возрасту, ценностным ориентациям и т.д. [5].

В то же время образовательный процесс изначально не может существовать без ситуаций противоречия — т.е. потенциально конфликтной ситуации, поскольку именно в них и заключается движущая сила развития образовательной среды. В вузе все возможные конфликтные ситуации принято рассматривать как педагогические конфликты, поскольку они в той или иной степени влияют на решение задач обучения и воспитания.

Одним из признаков конфликта всегда является биполярность — взаимосвязанность и взаимопротивоположность точек зрения одновременно. Разрешение конфликта возможно только в ходе реализации действий, направленных на устранение имеющегося противоречия. Таким образом, конфликт — характерная черта социальных систем, и он неизбежен, так как каждому субъекту — элементу социальной системы — присущи собственные установки, взгляды на проблему, ценности и т.д.

Для понимания сути конфликтных ситуаций и выработки возможных путей их разрешения

большое значение имеет анализ и отнесение конкретного конфликта к одной из категорий. В то же время на современном этапе развития конфликтологии нет однозначной классификации конфликтов, — каждый из исследователей принимает попытки структурировать имеющиеся представления о конфликте с определенной точки зрения, которая и становится основой классификации. Рассмотрим наиболее важные классификации для понимания конфликтов, возникающих в рамках вуза.

Что касается классификации по существу и содержанию конфликта, то здесь за основу берется существенная содержательная сторона конфликтной ситуации. Прежде всего, в данном случае необходимо определить, что на самом деле привело к сложившейся конфликтной ситуации. В этой связи выделяют два основных типа конфликта — существенный и эмоциональный. Существенный конфликт — это имеющие место серьезные фундаментальные разногласия по отношению к целям, поставленным задачам и способам их решения в трудовом (образовательном, коммуникативном и т.д.) процессе.

Сутью эмоционального конфликта являются в первую очередь глубинные переживания участников конфликтного взаимодействия. Часто эти переживания связаны со страхом, недоверием, тревогой и прочими негативными эмоциями. Примером эмоционального конфликта в вузе может служить ситуация, когда обостряется взаимодействие между педагогами, имеющими серьезные различия по возрасту и уровню подготовки. Возрастной педагог может стараться обезопасить себя и создавать ситуации, в которых будет целенаправленно обращать внимание сотрудников и руководителя на недостаточный уровень компетентности молодого коллеги [6].

По масштабу (числу участников) конфликта выделяются внутриличностные, межличностные, межгрупповые и межорганизационные. Внутриличностный конфликт в образовательной среде встречается относительно редко.

Конфликт между личностью и группой может возникать в вузе в том случае, если групповые ожидания вступают в противоречие с ожиданиями конкретного индивида. Межличностный конфликт возникает в ситуации противостояния двух и более индивидов. Он может быть как существенным, так и эмоциональным.

Конфликт между группой и руководителем тоже относится к данной категории. Он может

возникнуть, например, между классным коллективом и педагогом либо между директором (заместителем директора) и педагогическим коллективом.

Появление межгруппового конфликта обосновано тем, что организация так или иначе всегда состоит из формальных и неформальных групп. Неформальные группы могут проявить высокий уровень сплочения при возникновении конфликтной ситуации. Как правило, в этом случае конфликт является существенным.

Межорганизационный конфликт на уровне педагогических коллективов различных образовательных организаций встречается достаточно редко, но, тем не менее, его возникновение тоже не исключено. Часто он протекает в скрытой форме. Существенной основой такого конфликта может стать борьба за количество студентов в условиях современной модели финансирования образовательных организаций либо стремление к более высокому позиционированию по качеству предоставляемых образовательных услуг, а следовательно, к повышению качества имиджевых характеристик образовательной организации за счет принижения и искажения информации о другой образовательной организации. На уровне студентов также могут возникнуть подобные конфликты. Например, из-за усиленной демонстрации принадлежности к определенной образовательной организации, которую сами участники конфликта считают лучше организации оппонентов [7].

Межорганизационные конфликты весьма сложны для разрешения, поскольку в них задействовано большое количество участников. Часто они протекают скрыто, что, в свою очередь, затрудняет возможность их своевременного обнаружения и управления их развитием. Кроме того, частенько они являются более эмоциональными, чем существенными, а значит, при их разрешении необходимо организовывать сложную работу с переживаниями, отношениями и чувствами участников, что, опять-таки, усложняется их большим количеством и неоднородной степенью сопричастности к конфликту.

По источнику возникновения чаще всего бывают следующие виды конфликтов: личностные, учебные, коммуникативные, организационные, методические.

Личностные конфликты возникают в связи с индивидуальными различиями участников взаимодействия. Частой причиной таких кон-

**Модель эволюции конфликта, предложенная Ю.Ф. Лукиным /
A model of conflict evolution proposed by Yu.F. Lukin**

Стадии эволюции конфликта	Этапы эволюции конфликта
Возникновение конфликта (конфликтная ситуация)	<ul style="list-style-type: none"> – Зарождение конфликтной ситуации. – Формирование маркеров конфликта, психологического дискомфорта, напряженности, инцидентов и случаев осложненного взаимодействия. – Осмысление потребностей и трудностей каждого из участников конфликта, демонстрация недружелюбного отношения
Разворачивание конфликта – осуществление и интенсификация агрессивных действий, эскалация деструктивных тенденций	<ul style="list-style-type: none"> – Начало противостояния участников конфликта, поведение оппонентов, нацеленное на причинение друг другу морального вреда и отрицательных эмоций. – Усиление возникшего противостояния, его проявление на уровне информации и энергии
Устранение конфликта – преобразование конфликта	<p>Дезактуализация конфликта, которая представляет собой его завершение тем или иным путем.</p> <p>Взаимодействие после конфликта:</p> <ul style="list-style-type: none"> а) гармонизация общения, сотрудничество; б) превращение конфликта в новое столкновение, часто приобретающее затяжной характер

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

фликтов является недостаточная профессиональная компетентность педагогических работников. Например, педагог, базируясь на знаниях и представлениях, полученных при обучении в педагогическом вузе, не готов перестраивать собственную систему взаимоотношений с учащимися и взаимодействует с ними без учета современной ситуации.

Кроме того, многим педагогам свойственен повышенный уровень тревожности, результатом которого становится их личная психологическая защита даже в минимальной конфликтной ситуации [8]. Учебные конфликты возникают из-за низкой мотивации обучающихся и высокого уровня требований педагога.

Коммуникативные конфликты обусловлены специфическими особенностями, состоящими в том, что их участники почти никогда не осознают ни предмета, ни объекта конфликта. Отражение конфликтной ситуации у них редко соответствует реальному положению дел. Возникновению коммуникативного конфликта способствует перебивание собеседника, высказывание отрицательного мнения о его личности, указание на свое превосходство над партнером, обвинения, угрозы, принижение значимости проблемы.

Организационные конфликты в образовательном учреждении чаще всего связаны с несовер-

шенством организационных структур и управленческой деятельности системы образования. Их может породить отсутствие согласованности и преемственности звеньев образовательного процесса.

Еще один вид конфликтов, характерный для образовательной организации, — методические. Они обусловлены несовершенством методического сопровождения образовательного процесса, отсутствием четких единых требований к оцениванию результатов и достижений студентов. Примером может служить манипулирование оценками между двумя педагогами, каждый из которых старается получить наивысший средний балл у учащихся, которым преподает предмет, с целью более высокого позиционирования себя как профессионала.

По мнению В.П. Шейнова, противоречия, возникающие в учебном заведении, можно разделить на 10 типов, в зависимости от субъекта конфликтной ситуации: студент-педагог, студент-студент, студент-родители, студент-администратор, педагог-педагог, педагог-администратор, педагог-родители, родители-администратор, родители-родители, администратор-администратор [9]. Со всеми этими видами руководителю образовательной организации так или иначе приходится иметь дело. Он выступает в качестве либо

участника таких ситуаций, либо — медиатора.

Обычно в динамике конфликта принято выделять несколько периодов, этапов и стадий, основными из которых, по мнению Н.Н. Шаш, являются: предконфликтная ситуация, инцидент, эскалация, кульминация, завершение конфликта, постконфликтная ситуация [10]. Ю.Ф. Лукин выделяет три основные стадии конфликта, которые подразделяются на этапы (см. *таблицу*) [11].

Анализируя данную *таблицу*, мы приходим к выводу, что на первой стадии происходит осмысление интересов и трудностей каждого из участников конфликта, возникает враждебность, и конфликт постепенно развивается, перерастая в целенаправленное действие друг против друга. На второй стадии происходит эскалация конфликтного взаимодействия, оппоненты используют все имеющиеся ресурсы и конфликт достигает своего пика. На третьей стадии предполагается разрешение, урегулирование, устранение конфликта с помощью посредников или медиатора. Таким образом, на стадии завершения происходит гармонизация взаимодействия или перерождение конфликта в новое столкновение.

На любой из рассмотренных стадий есть возможность нивелировать возникший конфликт — т.е. уничтожить его, сгладить, основываясь на индивидуальных особенностях субъектов взаимодействия. И если на первой стадии конфликт можно погасить из-за того, что ситуация еще не перешла в целенаправленные действия друг против друга, на второй требуются переговоры и посредничество, а на третьей — подключение медиатора, выполняющего роль организатора процесса, выступающего равноприближенным помощником в ходе выработки договоренностей по существу спора. Следовательно, управление конфликтами следует трактовать как активность, реализуемую на всех этапах их развития.

Вопросы нивелирования и управления конфликтами в отечественной и зарубежной науке представлены в трудах Р. Килмана, К. Томаса, В.И. Андреева, А.Я. Анцупова, Н.В. Гришиной, О.Н. Громовой, Н.С. Данакина, А.А. Ершова, В.И. Журавлева, Ю.Д. Красовского, М.М. Лебедевой, В.А. Соснина, Л.С. Троновой, В.П. Шипилова и др. Поднимая вопрос разнообразия понятий, используемых в области изучения конфликтов, стоит отметить, что существует многообразие терминов, отражающих возможные формы работы с конфликтами.

В работе Н.В. Гришиной упоминается, что «разрешение конфликтов» является устаревшим термином, тогда как «управление конфликтами» в обоюдном выгодном, конструктивном ключе, их грамотное нивелирование представляет собой длительный, порой весьма трудоемкий процесс, результатом которого становится преодоление конфликтных ситуаций [3]. Анализ работы А.Я. Анцупова показал, что управление конфликтом нужно позиционировать как систему осмысленных действий, направленных на него и реализуемых на каждом этапе его зарождения, протекания и устранения сторонами конфликта или кем-либо еще [12].

Управлять конфликтами, по мнению по мнению Т.А. Сергеевой, значит, целенаправленно воздействовать на устранение и минимизацию причин, порождающих конфликтную ситуацию, или корректировать поведение участников конфликта. Нивелировать конфликт — значит, обладать способностью воздействовать на него в правильном направлении, содействовать изменению поведения участников конфликтного столкновения.

Ю.Ф. Лукин отмечает, что подобная деятельность осуществляется по отношению к конфликтам в формате содействия, переговоров, применения стандартных и нетрадиционных способов преодоления конфликтов, использования различных поведенческих стратегий [11].

В процессе нивелирования конфликтов важно учитывать их причины и факторы, а также характер субъектов конфликтной ситуации. Выделим основные этапы нивелирования межличностных конфликтов:

- прогнозирование конфликта — изучение индивидуально-психологических особенностей участников конфликтной ситуации, распознавание и осмысление первых признаков латентного конфликта на этапе зарождения конфликтной ситуации;
- предупреждение конфликта — углубленный анализ причин и факторов назревающего конфликта, принятие мер по их нейтрализации;
- регулирование конфликта — обеспечение осознания противоборствующими сторонами реальности возникшего конфликта, корректное напоминание им о необходимости придерживаться правил вежливого общения, применение технологии конфликторазрешения и ограничение круга участников конфликтной ситуации;

• разрешение конфликта — предпринятие одного из способов конфликто-разрешения: административного (увольнение, перевод и т.п.) или педагогического (беседа, убеждение, просьба, разъяснение и т.п.) [5, 8].

В заключение отметим, что в вузе конфликтные ситуации могут возникать на различных уровнях с участием разного количества субъектов образовательного процесса. Они могут быть как содержательными, так и эмоциональными и определяться достаточно широким спектром объективных и специфических факторов, повышающих напряженность и стимулирующих возникновение неконструктивных способов реагирования.

Можно заметить, что нивелирование конфликта путем включения в конфликтную ситуацию

третьей стороны представляет собой деятельность, направленную на управление конфликтом через симптоматику явления, диагностику, прогнозирование, профилактику, разрешение, урегулирование, ослабление и предупреждение на каждом из этапов и стадий его развития.

При этом важна реализация стратегии сотрудничества (кооперация, интеграция), характеризующейся высоким уровнем направленности интересов обоих субъектов конфликто-разрешения, выстраиванием баланса интересов, признанием ценности межличностных отношений. Ведущая стратегия поведения должна отражать этапы и принципы нивелирования конфликтов в рамках современной конфликтологической парадигмы, основанной на медиативных технологиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванова Е.Н. Иду на конфликт. М.: ДНК; 2002. 240 с.
2. Leveillee M. Exploration of Conflict Management Styles Used by Medical-Surgical Nurses. Master's Theses, Dissertations, Graduate Research and Major Papers Overview. URL: <https://digitalcommons.ric.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1277&context=etd>
3. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер; 2018. 576 с.
4. Никулина И.В. Управление конфликтами в образовательной организации. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2019;25(1):76–81.
5. Емельянов С.М. Конфликтология. М.: Юрайт; 2018. 322 с.
6. Муртазина Э.И. Развитие у студентов навыков разрешения конфликтов на занятиях по английскому языку с использованием методов активного обучения. *Вестник Марийского государственного университета*. 2019;13(2):189–195.
7. Замылин Е.И. Стадии конфликта применительно к ситуации, явившейся следствием посткриминального воздействия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stadii-konflikta-primenitelno-k-situatsii-yavivshesya-sledstviem-postkriminalnogo-vozdeystviya>
8. Сергеева Т.А. Управление конфликтами в современном обществе. *Бюллетень науки и практики*. 2018;4(8):262–267.
9. Шейнов В.П. Управление конфликтами. СПб.: Питер; 2019. 576 с.
10. Шаш Н.Н. Шпаргалки по конфликтологии. М.: Экзамен; 2014. 46 с.
11. Лукин Ю.Ф. Конфликтология: управление конфликтами. М.: Академический Проект; 2007. 799 с.
12. Анцупов А.Я. Конфликтология в схемах и комментариях. СПб.: Проспект; 2016. 336 с.

REFERENCES

1. Ivanova E.N. Feeling confrontational. Moscow: DNA; 2002. 240 p. (In Russ.).
2. Leveillee M. Exploration of Conflict Management Styles Used by Medical-Surgical Nurses. Master's Theses, Dissertations, Graduate Research and Major Papers Overview. URL: <https://digitalcommons.ric.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1277&context=etd>
3. Grishina NV Psychology of conflict. St. Petersburg: Peter; 2018. 576 p. (In Russ.).
4. Nikulina I.V. Managing conflicts in an educational organization. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology*. 2019;25(1):76–81. (In Russ.).
5. Emelyanov S.M. Conflictology. Moscow: Yurait; 2018. 322 p. (In Russ.).
6. Murtazina E.I. Development of students' conflict resolution skills in English classes using active learning methods. 2019;13(2):189–195. (In Russ.).

7. Zamylin E. I. Stages of the conflict in relation to the situation resulting from the post-criminal impact. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stadii-konflikta-primenitelno-k-situatsii-yavivsheysya-sledstviem-postkriminalnogo-vozdeystviya> (In Russ.).
8. Sergeeva T. A. Conflict management in modern society. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of science and practice*. 2018;4(8):262–267. (In Russ.).
9. Sheinov V. P. Conflict Management. St. Petersburg: Peter; 2019. 576 p. (In Russ.).
10. Shash N. N. Cribs on conflictology. Moscow: Exam; 2014. 46 p. (In Russ.).
11. Lukin Yu. F. Conflictology: conflict management. Moscow: Academic Project; 2007. 799 p. (In Russ.).
12. Antsupov A. Ya. Conflictology in diagrams and comments. St. Petersburg: Prospect; 2016. 336 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Наталья Геннадиевна Кондрахина — кандидат филологических наук, доцент, профессор департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
Natalya G. Kondrakhina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of English Language for Professional Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3299-2617>
NKondrakhina@fa.ru

Нина Евгеньевна Южакова — старший преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия
Nina E. Yuzhakova — Senior Lecturer of the Department of English Language for Professional Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3683-7166>
Автор для корреспонденции / Corresponding author
NYuzhakova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare

Статья поступила 05.04.2023; принята к публикации 30.04.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 05.04.2023; accepted for publication on 30.04.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-21-26
УДК 323.2(045)

Модель формирования цифрового доверия в России

О.В. Ерохина, Д.С. Коваленко

Финансовый университет, Москва Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению социальных аспектов цифровизации, связанных с взаимодействием политических и общественных институтов, а именно процессу формирования цифрового доверия. В результате анализа историографии сформулированы основные направления в изучении многоаспектного феномена доверия в цифровой реальности. На основе применения метода моделирования предложена авторская модель формирования цифрового доверия применительно к российскому политическому процессу. Для анализа процесса формирования цифрового доверия продуктивно использовать неокорпоративную модель, в рамках которой доминирующую роль играют властные институты при непосредственном участии субъектов бизнес-процессов. Соответствующий подход позволяет построить модель формирования цифрового доверия в России. Стоит отметить, что в таком случае корреляции с видом политического режима в государстве не наблюдается. Основной движущей силой цифровизации и в России, и в других странах выступает именно государство в лице уполномоченных институтов, а не общественность.

Ключевые слова: цифровое доверие; правительство; власть; общество; барьеры цифровизации

Для цитирования: Ерохина О.В., Коваленко Д.С. Модель формирования цифрового доверия в России. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):21-26. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-21-26

ORIGINAL PAPER

The Model of Digital Trust Formation in Russia

O.V. Erokhina, D.S. Kovalenko

Financial University, Moscow Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the social aspects of digitalization associated with the interaction of political and public institutions, namely the process of forming digital trust. Based on the analysis of the historiography the main directions in the study of the multidimensional phenomenon of trust in digital reality are formulated. Based on the application of the modeling method, the author's interpretation of the concept of digital trust formation in relation to the Russian political process is proposed. To analyze the process of digital trust formation, it is productive to use a neo-corporate model in which the dominant role is played by government institutions with the direct participation of business process actors or subjects. The corresponding approach allows us to build a model of digital trust formation in Russia. It is worth noting that in this case there is no correlation with the type of political regime in the state. The main driving force of digitalization in Russia and in other countries is the state represented by authorized institutions, and not the public.

Keywords: digital trust; government; power; society; barriers to digitalization

For citation: Erokhina O.V., Kovalenko D.S. The model of digital trust formation in Russia. *Humanitarian sciences.* 2023;13(3):21-26. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-21-26

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования проблематики, связанной с взаимодействием властных институтов и общества в процессе цифровизации, обусловлена формированием новых условий для функционирования политической системы. Внедрение цифровых технологий продиктовано новыми вызовами не только технологического, но и политического характера: необходимость обеспечения устойчивости системы в цифровой

реальности требует создания и поддержания новых институтов. Одним из таковых выступает цифровое доверие, отражающее новые аспекты взаимодействия власти и общества, своего рода цифровая форма легитимности власти.

Понятие цифрового доверия в политической науке

«Цифровое доверие» — относительно новое понятие, недостаточно подробно разработанное

в политической науке. Общие вопросы, связанные с формированием доверия в социальных структурах, рассматриваются в работах К. Швабба [1] и М. Кастельса [2], проблема доверия к новым идеям и технологиям изучается в рамках теории диффузии инноваций (Э. Роджерс [3], Т. Хагерstrand [4]), теории социального конструирования технологий (Дж. Веджкман и Д. Маккензи [5]), теории восприятия технологий (Ф. Дэвис [6]). Также стоит отметить анализ отношения доверия человека к технике в рамках социологической теории (Б. Мюр [7], С. Левандовски [8]). Наконец, к настоящему времени накоплен и ряд наработок российских исследователей цифрового доверия (Ю. Веселов [9], К. Горлов и В. Пеньков [10], Р. Нурмухаметов и Н. Торин [11], С. Чепелюк [12] и др.).

Многоаспектность обуславливает сложности в определении понятия цифрового доверия. Как правило, оно непосредственно связано с понятием цифровой среды как интегрированного коммуникационного пространства, созданного информационно-коммуникационными технологиями и пользователями для передачи данных. К основным компонентам такой среды относят цифровые технологии, веб-сайты, поисковые системы, социальные сети. При этом доверие можно назвать частью эффективной коммуникации, базой для развития цифровой экономики и цифрового пространства в целом. Существует и понятие «цифровая среда доверия», которое включает формирование регуляторной среды, способствующей созданию благоприятного правового режима для возникновения и развития современных цифровых технологий и использования их в экономической деятельности. В частности, такая трактовка представлена в паспорте национального проекта «Цифровая экономика». В данном случае речь идет о нормативно-правовом обеспечении, но аспект социальных взаимодействий, связанных с адаптацией к технологическим изменениям, не раскрывается. Эту задачу решает такое направление, как социальное конструирование технологий. В. Вираккоди и Л. Картер конкретизируют фактор доверия через разделение на доверие к ИКТ и доверие к органам власти, предоставляющим электронные услуги [13]. А. М. Хорст, М. Кутшройтер, Я. М. Гуттелинг уточняют последнее, разделяя его на доверие к способности органов власти управлять предлагаемыми технологическими изменениями

и доверие к надежности самой инфраструктуры новых технологий и тем, кто эту инфраструктуру обслуживает [14].

Трактовка доверия, связанного с восприятием других участников взаимодействия как надежных и ответственных (в пределах сферы коммуникации) наиболее близка к пониманию цифрового доверия как готовности применять цифровые технологии, несмотря на возможные риски. Таким образом, в социально-политическом контексте представляется наиболее актуальным понимание цифрового доверия как уверенности в безопасном использовании предлагаемых цифровых решений [15]. К ключевым параметрам, которые способствуют росту уровня цифрового доверия, эксперты относят надежность цифровой платформы, которая обеспечивается ее функциональными возможностями, честность, открытость и профессиональный подход [16].

Основные барьеры, снижающие цифровое доверие

Обобщенно можно выделить четыре группы барьеров, влияющих на формирование цифрового доверия. Среди них правовые (существование пробелов в законодательстве, регулирующем цифровизацию), политические (наличие жесткой административной вертикали, конфликт интересов элит относительно цифрового будущего страны, недостаточное внимание к общественному мнению в процессе принятия решений), социально-экономические (снижение уровня жизни и высокий уровень диспропорций социально-экономического развития), а также барьеры — последствия политики цифровизации (низкий уровень цифровой грамотности и цифровых компетенций граждан, цифровое неравенство регионов) [17]. Существование этих преград снижает эффективность политического курса на цифровизацию, поэтому остаются востребованными не только усилия по внедрению и продвижению цифровых технологий, но и систематизированные меры по уменьшению барьеров для роста цифрового доверия.

Формирование цифрового доверия в России

В России формирование цифрового доверия — необходимая часть эффективной реализации мер программы «Цифровая экономика», принятой во исполнение указов Президента от 07.05.2018

№ 204¹ и от 21.07.2020 № 474². Масштабная программа затрагивает различные аспекты цифровой трансформации: правовое регулирование, развитие кадрового потенциала, подготовка цифровой инфраструктуры, вопросы информационной безопасности при условии использования российских технологий и т.д. Цифровая экономика, создавая нормативно-правовую базу, не определяет цифровое доверие как самостоятельный аспект политики цифровизации, однако при анализе ряда приоритетов программы, таких, как информационная безопасность, правовое регулирование цифровой среды и цифровая грамотность, можно обнаружить компоненты структуры цифрового доверия.

При изучении политики цифровизации в России эксперты используют неокорпоративную модель [18]. Это тип взаимодействия государства и общества, для которого характерно доминирование властных институтов в процессе принятия решений при участии субъектов бизнес-среды. Неокорпоративизм предполагает централизованное проведение курса на цифровизацию, который властные структуры считают приоритетным, вне зависимости от типа сформированного в государстве политического режима.

В России неокорпоративный характер взаимодействия основных участников цифровизации можно описать следующим образом. Государство как институт обозначает приоритет цифровизации в таких сферах, как создание «информационного» государства (внедрение электронных технологий документооборота, информатизация деятельности органов власти), «электронного» государства (цифровизация государственных услуг, использование биометрических данных), цифровая трансформация в субъектах Федерации (цифровая зрелость как показатель оценки деятельности региональной исполнительной власти, предоставление грантов на реализацию инфраструктурных проектов), развитие информационных технологий и поддержка IT-отрасли. Последнее особенно актуально в связи с необходимостью разработки российских технологических и программных продуктов, развитием

цифровой грамотности населения и обеспечением безопасности для участников коммуникации в интернет-пространстве (в том числе, защиты от киберпреступлений и утечек персональных данных). Эти направления работы координирует государство (правительство) в лице профильного ведомства — Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, которое действует в сотрудничестве с Роскомнадзором. Задачи последнего связаны с противодействием распространению деструктивного, противоправного контента в интернет-пространстве. Законодательная власть в лице Государственной Думы и Совета Федерации обеспечивает нормативно-правовую поддержку процесса цифровой трансформации и оперативное регулирование ключевых вопросов, для которых правовое поле еще не сформировано.

Бизнес-игроки представлены в изучаемом процессе в первую очередь компаниями сектора информационных технологий. Задача бизнеса в рамках темы работы — содействовать формированию цифрового доверия путем разработки и внедрения эффективных технологических решений для цифровизации. Государство играет определяющую роль и в этом аспекте, формируя реестр компаний, получающих финансовую поддержку (налоговые льготы, гранты и др.), а также поддерживая создание специальных инвестиционных фондов для IT-сектора (Российский фонд развития информационных технологий, Фонд содействия инновациям). Кроме того, государство инвестирует в образование, обеспечивая рост бюджетных мест по специальностям, связанным с информационными технологиями, и стимулируя создание новых образовательных программ. Стоит отметить и образовательное направление работы бизнеса в сфере IT: так, компания «Мегафон» при поддержке Института изучения детства, семьи и воспитания РАО запустила платформу «Цифровое доверие» для обучения детей навыкам безопасных действий в интернет-пространстве.

Роль гражданского общества в формировании цифрового доверия отражают такие институты, как Общественная палата (ОП) с региональными «филиалами». Ключевые направления деятельности связаны с разработкой предложений для совершенствования законодательства, регулирующего цифровизацию и обеспечивающего общественный контроль в сфере создания безопасного интернет-пространства. Основной механизм — проведение дискуссий, «нулевых»

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://base.garant.ru/71937200/>

² Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://base.garant.ru/74404210/>

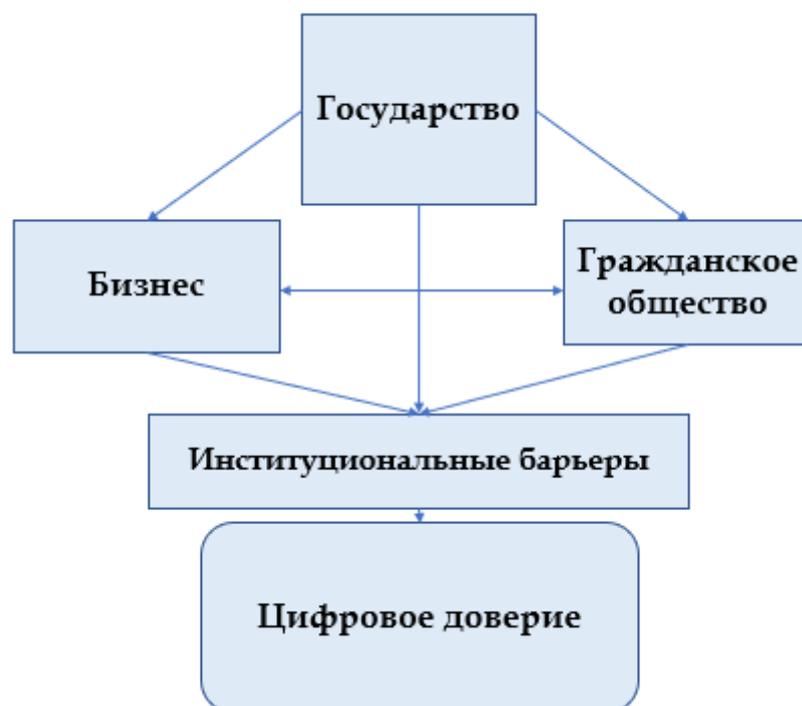


Рис. / Fig. Модель формирования цифрового доверия в России / A model for the formation of digital trust in Russia

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

чений законопроектов, организация диалога между представителями власти и бизнеса по наиболее сложным аспектам внедрения цифровых технологий (противодействие распространению фейковой информации и деструктивного контента, незаконному получению и использованию данных и пр.). Общественную деятельность координирует созданная в рамках ОП «Лига безопасного Интернета». Также палата развивает образовательную деятельность, содействуя повышению уровня цифровой грамотности населения путем создания и распространения методической литературы и учебных пособий для школьников.

ВЫВОДЫ

Цифровое доверие — неотъемлемая часть цифровой среды, которая включает в себя положительное отношение субъектов цифровизации к использованию новых технологий, сервисов, услуг, основанное на убеждении в безопасности этого процесса. Риски, связанные с применением ИКТ, часто трактуются участниками цифровизации как наиболее значимые, однако в условиях высокого уровня доверия они оцениваются как менее важные, чем ценности повышения эффективности управления, возможность виртуального доступа к принятию решений и пр. Для большинства государств, использующих цифро-

вые технологии в ходе госуправления, высокий уровень цифрового доверия остается целью, вряд ли достижимой в краткосрочной перспективе. Россия не является исключением, при этом снижение институциональных барьеров (в том числе сопротивление бюрократии, выступающей за сохранение традиционных административных принципов принятия решений) может иметь решающее значение для успеха цифровой трансформации. Важным аспектом, заслуживающим отдельного исследования, выступает информационная безопасность: угроза недостаточной защиты персональных данных пользователей выступает одним из наиболее распространенных факторов, подрывающих доверие граждан не только к цифровым инструментам, но и к политической системе в целом. Представленная неокорпоративная модель формирования цифрового доверия в России (см. рисунок) отражает взаимодействие государства, бизнеса и общества в ходе цифровизации при доминирующей роли властных институтов. Важно подчеркнуть, что в цифровой реальности происходит трансформация понятия «доверие», что связано с распространением сетевой формы коммуникации в отношениях между политическими акторами. В этих условиях востребован дальнейший поиск возможностей для теоретического описания цифрового доверия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции: М.: Эксмо; 2018. 320 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ; 2000. 609 p.
3. Rogers E. Diffusion of Innovations. 5th ed. N.Y.: The Free Press; 2003.
4. Hagerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago: The University of Chicago Press; 1967. 334 p.
5. McKenzie D., Wajcman J. The Social Shaping of Technology. United Kingdom: Open University Press; 1985. 327 p.
6. Davis F.D. Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology. *MIS Quarterly*. 1989;13(3):319–339.
7. Muir B.M. Operators' Trust in and Use of Automatic Controllers in a Supervisory Process Control Task. Doctoral diss. Synopsis. Canada: University of Toronto; 1989. 282 p.
8. Lewandowsky S., Mundy M., Tan G.P.A. The Dynamics of Trust: Comparing Humans to Automation. *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 2000;(6):104–123.
9. Веселов Ю. Доверие в цифровом обществе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2020;(2):129–143.
10. Горлов К.Н., Пеньков В.Ф. Формирование доверия бизнеса и власти в условиях цифровизации Российской экономики. *Власть*. 2021;(3):36–47
11. Нурмухаметов Р.К., Торин С.С. Цифровое доверие (digital trust): сущность и меры по его повышению. *Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки*. 2020;(1):32–38.
12. Чепелюк С.Г. Феномен «цифрового доверия» и его влияние на становление цифрового правительства в России. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2022;(3):447–459.
13. Carter L., Weerakkody V. E-government Adoption: A Cultural Comparison. *Information Systems Frontiers*. 2008;(10):473–482.
14. Horst M., Kuttschreuter M., Gutteling J.M. Perceived Usefulness, Personal Experience, Risk Perception and Trust as Determinants of Adoption of E-Government Services in The Netherlands. *Computers in Human Behavior*. 2007;(23):1838–1852.
15. Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г. Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования. *Социологические исследования*. 2021;(6):57–68.
16. Liu X., Yuan C., Hafeez M., Faisal C.M.N. Digital Trust Mediated by the Platform in the Sharing Economy from a Consumer Perspective. *Advances in Intelligence Systems and Computing*. 2020;(1190):670–684.
17. Малышева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества. *Власть*. 2018;(1):40–46.
18. Мытенков С.С., Желенков Б.А. Цифровизация в России и мире через призму взаимодействия государства, бизнеса и населения. *Бизнес. Общество. Власть*. 2022;(44–45):141–155.

REFERENCES

1. Schwab K., Davis N. Technologies of the Fourth Industrial Revolution: Moscow: Eksmo; 2018. 320 p. (In Russ.).
2. Castels M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Translated from English. Moscow: Higher School of Economics; 2000. 609 p. (In Russ.).
3. Rogers E. Diffusion of Innovations. 5th edition. New York: The Free Press; 2003. 512 p.
4. Hagerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago: The University of Chicago Press; 1967. 334 p.
5. McKenzie D., Wajcman J., eds. The Social Shaping of Technology. United Kingdom: Open University Press; 1985. 327 p.
6. Davis F.D. Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology. *MIS Quarterly*. 1989;13(3):319–339.
7. Muir B.M. Operators' Trust in and Use of Automatic Controllers in a Supervisory Process Control Task. Doctoral diss. Synopsis. Canada: University of Toronto; 1989. 282 p.
8. Lewandowsky S., Mundy M., Tan G.P.A. The Dynamics of Trust: Comparing Humans to Automation. *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 2000;(6):104–123.
9. Veselov Yu. Trust in a digital society. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. 2020;(2):129–143. (In Russ.).

10. Gorlov K.N., Penkov V.F. Formation of business and government trust in the conditions of digitalization of the Russian economy. *Vlast' = Power*. 2021;(3):36–47. (In Russ.).
11. Nurmukhametov R.K., Torin S.S. Digital trust: the essence and measures to improve it. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Vestnik of TulSU. Economic and legal sciences*. 2020;(1):32–38. (In Russ.).
12. Chepelyuk S.G. The phenomenon of “digital trust” and its influence on the formation of digital government in Russia. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya = Bulletin of the RUDN. Series: Political Science*. 2022;(3):447–459. (In Russ.).
13. Carter L., Weerakkody V. E-government Adoption: A Cultural Comparison. *Information Systems Frontiers*. 2008;(10):473–482.
14. Horst M., Kuttschreuter M., Gutteling J.M. Perceived Usefulness, Personal Experience, Risk Perception and Trust as Determinants of Adoption of E-Government Services in The Netherlands. *Computers in Human Behavior*. 2007;(23):1838–1852.
15. Veselov Yu.V., Skvortsov N.G. Trust in the era of digital transformation: the experience of sociological research. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2021;(6):57–68. (In Russ.).
16. Liu X., Yuan C., Hafeez M., Faisal C.M.N. Digital Trust Mediated by the Platform in the Sharing Economy from a Consumer Perspective. *Advances in Intelligence Systems and Computing*. 2020;(1190):670–684.
17. Malysheva G.A. On socio-political challenges and risks of digitalization of Russian society. *Vlast' = Power*. 2018;(1):40–46. (In Russ.).
18. Mytenkov S.S., Zhelenkov B.A. Digitalization in Russia and the world through the prism of interaction between the state, business and the population. *Biznes. Obshchestvo. Vlast' = Business. Society. Power*. 2022;(44–45):141–155. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Оксана Валерьевна Ерохина — кандидат политических наук, доцент факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Oksana V. Erokhina — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor of the Department of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5453-4118>

Автор для корреспонденции / Corresponding author

o.v.erokhina@gmail.com

Дмитрий Сергеевич Коваленко — студент 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Dmitry S. Kovalenko — 4th year Student of the Department of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0009-2966-2802>

abrakadabrushka@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-27-31
УДК 327(045)

Национальные интересы как вектор развития государства

Н.Н. Кулакова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Направление развития внешней и внутренней политики государства находится в прямой зависимости от того, кем и как определяются и продвигаются его национальные интересы в сложившихся исторических реалиях. Отношения напряженного соперничества – как открытые, так и латентные попытки изменить однополярный мировой порядок, существовавший предыдущие тридцать лет, постоянный тренд на эскалацию взаимодействия в политической, экономической сферах жизни, нарастающее информационное и идеологическое противостояние – логично вернули планету в эпоху «больших» войн. В реальной международной обстановке любое государство, пренебрегающее военной безопасностью и стремлением к военному паритету, ставит под угрозу сам факт своего существования. Рациональное и четкое определение коренных интересов государства, отражающих потребности и ментальные ценности максимального числа населения, является неотъемлемым компонентом ведения политики, направленной на благо государства, его рост и процветание. Позиция России в международном взаимодействии, ее самоидентификация и выбор направления развития имеет особенно важное значение для планеты. Эта исключительность связана не только с огромной территорией страны, значительным количеством населения, но и с тем фактом, что РФ располагает одним из самых больших арсеналов ядерного и других видов оружия массового уничтожения.

Ключевые слова: национальные интересы; государство; общество; международные отношения; силовой фактор; конфликт

Для цитирования: Кулакова Н.Н. Национальные интересы как вектор развития государства. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):27-31. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-27-31

ORIGINAL PAPER

National Interests as the Trajectory of State Development

N.N. Kulakova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The direction of development of the foreign and domestic policies of states is directly dependent on who and how determines and promotes their national interests in the current historical realities. Relations of intense rivalry, both open and latent attempts to change the unipolar world order that existed for the previous thirty years, the constant trend towards the escalation of interaction in the political and economic spheres of life, and the growing informational and ideological confrontation – have logically brought the planet back to the era of “big” wars. In such an international environment, any state that neglects military security and the desire for military parity jeopardizes the very fact of its existence. A rational and clear definition of the fundamental interests of the state, reflecting the needs and mental values of the maximum number of its citizens, is an integral component of conducting a policy aimed at the benefit and the well-being of the state, its growth, and its prosperity. Russia’s position in international interaction, its self-identification, and its choice of direction of development is of particular importance for the planet. This exclusivity is associated not only with the vast scale of the country’s territory and the significant number of its population, but also with the fact that the Russian Federation has one of the largest arsenals of nuclear and other types of weapons of mass destruction.

Keywords: national interests; state; society; international relations; power factor; conflict

For citation: Kulakova N.N. National interests as the trajectory of state development. *Humanitarian sciences.* 2023;13(3):27-31. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-27-31

Потребность в реализации своих интересов свойственна любому биологическому виду — ее корневая основа лежит в инстинкте самосохранения, в рефлекторной потребности продления жизнедеятельности своего рода. Но из всех живых существ лишь человек может осознавать и формулировать свои потребности, на их основе формировать интересы, определять цели и переходить к практическим действиям по их достижению. Интересы функционально определяют положение субъекта по отношению к другим субъектам. Они могут:

- объяснять намерения субъекта;
- мотивировать его на практическую деятельность;
- быть оценочными.

«На земле, — писал К. Гельвеций, — интерес есть всесильный волшебник, изменяющий в глазах всех существ вид всякого предмета» [1].

Принципиально важным при этом является ответ на вопрос: кем и как определяются и конкретизируются интересы? Доктор философских наук, профессор О.А. Бельков, отмечает: *«Субъективная форма выражения, проявления интересов делает необходимым при его изучении выяснение того, кто является их носителем и выразителем»* [2]. Формирование интересов преломляется через сознание субъекта, его внутренний мир, а значит, находится под действием разделяемых субъектом ценностей, страхов, предрассудков. Люди могут искренне считать, что действуют в своих интересах (интересах общества или государства), но, к сожалению, из этого вовсе не следует, что это и в самом деле так. Люди *«добиваются удовлетворения своих интересов, но, благодаря этому, осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не осознавалось ими и не входило в их намерения»* [3].

Действительно, одни и те же события, факты трактуются тем или иным человеком по-разному — в зависимости от его субъективных пристрастий, мировоззрения, широты мышления или умения и желания видеть перспективу и себя в ней. При этом обычно приводятся убедительные доказательства для аргументации правильности своего мнения, а предьявленная позиция соответствует этическим критериями исторического периода. Еще Т. Гоббс писал: *«Один человек называет мудростью то, что другой называет страхом, один называет жестокостью то, что другой называет справедливостью, один — мотовством то, что другой — великодушием, один — серьезностью то, что другой — тупостью»* [4].

Деятельность людей для достижения поставленных целей порой приводит их не к запланированным и предвкушаемым результатам, которые они надеялись получить, а к совершенно обратным и неблагоприятным последствиям. Последствия действий далеко не всегда могут предопределяться и осознаваться людьми в силу того, что выходят за пределы их воли и сознания. Исходя из этого, можно утверждать, что разграничение между истинными и ложными интересами определить крайне сложно. Их реальная оценка зачастую возможна лишь по истечении определенного времени. Поэтому в практической деятельности субъект исходит из своего представления об истинности интересов в каждый конкретный временной промежуток.

Как известно, историю нашей цивилизации невозможно рассматривать в качестве «арены счастья». Она порой вызывает скорбь и разочарование, потому что мы, сегодняшние, *«отчаиваемся когда-либо найти здесь совершенно разумную цель»* [5]. Известно немало прецедентов, когда, например, военно-политические интересы формулировались и навязывались нациям по субъективной воле или же по произволу отдельных политиков и не имели ничего общего с интересами государства. В истории человеческого рода господствуют страсти, своекорыстные и ложно понятые интересы, удовлетворение эгоизма и расплата за это. Степень истинности интереса может быть повышена с помощью углубленного изучения сущности политических отношений, в которой субъекту приходится действовать путем выявления закономерностей их функционирования и развития, определения принадлежности к социальной группе.

Рациональная трактовка собственных интересов обуславливает направление развития общества с включением системы мероприятий по его сохранению и обеспечению безопасности. Несовпадение или же противопоставление интересов, несмотря на то что это традиционное состояние, приводит к формированию напряженности в отношениях между субъектами с вероятным переходом к конфликту. Для согласования и продвижения своих интересов люди целенаправленно разрабатывают способы и методы, создают разного рода институты и международные организации. Но нельзя не признать, что на сегодняшний день именно силовой аргумент по-прежнему остается самым результативным.

«Содержательно-смысловая характеристика понятий “интересы” и “нация” позволяет сформулировать определение категории “национальные интересы”. По мнению автора, национальные интересы — это совокупность социально осознанных и официально выражаемых государством потребностей общества, обусловленных ценностями составляющих его социальных образований и групп, по созданию, сохранению и развитию благоприятных условий для стабильного существования и прогресса страны» [6]. Такое определение понятия «национальные интересы» позволяет рассматривать его как социально-духовное образование, объединяющее интересы общества и государства. «Национальный интерес, — отмечает М.В. Ильин, — есть интерес нации как двуединства суверенного территориального государства и гражданского общества. Государственный же интерес не только содержательно связан с понятием “национальный интерес”, но и в значительной мере определяет его смысловую структуру» [7]. Таким образом, термины «национальные интересы» и «национально-государственные интересы» нашли применение в политической науке и практике формулировки государственных документов как тождественные.

Существует несколько классификаций национальных интересов, градируемых по разным критериальным основаниям. Всесторонне и подробно классификация была проанализирована автором в работе «Военный фактор в международных отношениях» [8].

В настоящее время стоит акцентировать внимание на следующем: допустимый уровень компромисса по поводу коренного интереса нации в выживании и развитии минимален. Следующий уровень интересов более мобилен — основные интересы могут временно меняться местами с второстепенными, при этом последние всегда могут стать предметом компромисса, т.е. быть принесены в жертву ради достижения главнейших целей. Но в любом случае основные и второстепенные рассматриваются как формы и средства достижения интересов коренных.

Национальный интерес проявляется через конкретные действия представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти. Национальные интересы находят свое воплощение во внешнеэкономических, внешнеполитических и военных доктринах, концепциях, программах, лежат в основе побудительных мотивов и причин политических действий. В осознании и формулировании национальных

интересов участвуют различные силы: политические партии, общественные движения, в какой-то степени — СМИ и граждане. Но, в первую очередь, основной элемент политической системы общества — государство в лице его лидеров и правящей элиты. При этом интересы элиты и/или государственной бюрократии преобразуются в интересы государства и практически подавляют интересы общества и личности.

В России на протяжении нескольких столетий господствовал культ государства и мнимой мудрости сановника. Нельзя сказать о кардинальном изменении ситуации и в настоящее время. Рядовой гражданин с его заботами и чаяниями, правами и свободами, личными интересами и даже сама его жизнь зачастую воспринимается государственной машиной как винтик, средство, «помеха для укрепления государственного могущества» [9].

Просчеты неадекватных политиков и стратегов, издержки реформ в «эпоху перемен» в любом конфликте все равно оплачивает народ. Как ни печально, но общественный прогресс в прошлом (да, видимо, и в настоящем) осуществляется только за счет минимально защищенных социальных групп.

Благие пожелания и заверения столетиями звучат из уст власть имущих; о необходимости сбережения народа заявляли цари, президенты, общественные деятели, писатели; ценность человеческой личности закреплена конституционно. Увы, часто *de facto* и *de jure* не совпадают. Может быть, сейчас, в очень сложный для страны период, придет, наконец, осознание, что реализовывать национальные интересы государства надо не за счет рядового россиянина, что необходимо беречь каждую человеческую жизнь, а одерживать военные победы — «не числом, а умением»?! Хотя бы из сугубо прагматической цели — сохранения населения России, которое показывает отрицательный прирост.

Возможности и практическая работа государства по реализации национальных интересов определяется комплексом различных условий, но потребность в обеспечении суверенитета остается неизменной для всех государств и во все времена. Следовательно, «испытывать терпение» государства на международной арене допустимо до определенного предела, т.е. «до границ его главных интересов, за которыми оно перестает быть сговорчивым и готово пойти на любые меры, чтобы оградить свои главные интересы» [10].

При выстраивании иерархии национальных интересов у всех исследователей на первый план

выдвигаются непреложные ценности: «национальное выживание» и «самосохранение», «безопасность», которые определяются политологами в терминах территориальной целостности, политической независимости. Их главная идея заключается в том, что национальный интерес как образование «теснейшим образом связан с силой, обеспечением внешней безопасности государства, а также созданием наиболее выгодных внешних условий для его жизнедеятельности» [11].

Понятие «национальные интересы» очень часто используется при рассмотрении вопросов, касающихся проблем исследования национальной безопасности и деятельности по ее практическому обеспечению. Как отмечает А. Вольфэрс, «формулировка национальных интересов практически стала синонимом формулы национальной безопасности» [11]. Нелишним будет отметить, что американские теоретики, разрабатывая национальные интересы, четко привязывают их к реализации интересов безопасности государства во внешнеполитическом пространстве.

Несмотря на то что существуют определенные нормы международного права, реализация государствами своих интересов во внешней политике происходит не на основе декларируемой в юридических актах справедливости, а на основании традиционного права сильнейшего. Ценность же справедливости «является всего лишь дополнительным пиар-ходом, а не самоочевидной предъявляемой и декларируемой ценностью» [12]. В реальной практике отношения между государствами основываются на их национальных интересах, причем, проблемы власти не выражаются в терминах морали. В далекую эпоху Возрождения Н. Макиавелли констатировал тот факт, что политики основываются не на христианских догматах, не на моральных принципах, а на практике и опыте, где решающую роль играет сила.

Наше время — не исключение: как и на протяжении всей истории человечества, военная сила остается решающим фактором международной политики. Практически каждый отдельный человек скажет, что он хочет жить в мире, однако, как мы видим, силовые методы разрешения споров и противоречий остаются одними из самых распространенных и действенных. На протяжении XX–XXI вв.

в международных отношениях сложно найти даже один относительно мирный день. За прошедшие два с небольшим десятилетия с начала XXI в. на планете разгорелось 40 неурегулированных конфликтов, а активная борьба проходила в 5–10 из них. Однако эти конфликты стали предтечей изменений глобального масштаба — возвращения международного сообщества в эпоху «больших» войн, ведущихся с использованием практически всего арсенала, за исключением ядерных сил.

Таким образом, один из самых значимых аспектов безопасности на мировой арене, который всегда был и остается таковым в настоящее время, — военный фактор. Соответственно, возможности государства адекватно реагировать на вызовы и угрозы во многом обуславливаются, прежде всего, таким состоянием его вооруженных сил, которое позволит сдерживать потенциального противника от агрессии или же ее отразить. Это невозможно без достаточной деятельности в сфере военного строительства, поэтому важнейшей задачей государства является определение и обеспечение военно-политических интересов, а также базовой части его национальных интересов. Военно-политические интересы государства можно охарактеризовать и как потребность иметь военную мощь, способную адекватно сдерживать военную силу государств условных противников. Очевидно, это требует наличия современного военно-промышленного комплекса, вооруженных сил, развития военной науки, ведения военно-патриотического воспитания элит и населения.

При этом не стоит забывать, что именно человек, его «моральные силы в конечном счете решают исход любого сражения». Фактор духовных возможностей человека в обеспечении безопасности является многогранным явлением, во многом определяемым целенаправленным воспитательным воздействием, которое в настоящее время нуждается в экстренной реанимации. Одним из важнейших компонентов при этом выступают глубокие знания исторического прошлого, современных реалий международных и военно-политических отношений, рационального и комплексного понимания национальных интересов государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гельвеций К. Об уме. М.: ОГИЗ; 1938.
2. Бельков О.А. Политология военного управления. М.: ВУ; 2008.
3. Гегель Г. Соч., Т. 8, М.-Л.: Соцэкгиз; 1935.

4. Гоббс Т. Левиафан. М.: Соцэкгиз; 1936.
5. Кант. И. Соч. Т. 6. М.: Мысль; 1966.
6. Кулакова Н.Н. Военно-политические интересы РФ и их реализация в современных условиях. Дис. ... канд. полит. наук. М.: Военный университет; 2011. 178 с.
7. Ильин М.В. Критерии современности в политике. Материалы круглого стола. *Полис*. 1995;(1):80–87.
8. Н.Н. Военный фактор в международных отношениях. Учебное пособие. М.: КноРус; 2020.
9. Медведев Д.А. Послание президента РФ Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1968>
10. Поздняков Э.А., ред. Национальные интересы: теория и практика. М.: ИМЭМО РАН; 1991.
11. Бэттлер А. Национальные интересы, национальная и международная безопасность. *Полис. Политические исследования*. 2002;(4):146–158.
12. Громыко Ю.В. К новой военной доктрине России и новой стратегии национальной безопасности. URL: https://web.archive.org/web/20071022232337/http://www.situation.ru/app/j_art_1179.htm

REFERENCES

1. K. About the mind. Moscow: OGIZ (State socio-economic publishing house); 1938. (In Russ.).
2. Belkov O.A. Political science of military management. Moscow: Military University; 2008. (In Russ.).
3. Hegel G. Collection of works. Vol. 8. Moscow — Leningrad: Sotsekiz; 1935. (In Russ.).
4. Hobbes T. Leviathan. Moscow: Sotsekiz; 1936. (In Russ.).
5. Kant. I. Collection of works. Vol. 6. Moscow: Mysl' = Thought; 1966. (In Russ.).
6. Kulakova N.N. Military-political interests of the Russian Federation and their implementation in modern conditions. Dis. ... cand. polit. Sciences. Moscow. Military University; 2011. 178 p. (In Russ.).
7. Ilyin M.V. Criteria of modernity in politics (materials of the round table). *Polis*. 1995;(1):80–87. (In Russ.).
8. Kulakova N.N. Military factor in international relations. Textbook. Moscow: KnoRus; 2020. (In Russ.).
9. Medvedev D.A. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1968> (In Russ.).
10. Pozdnyakov E.A., ed. National interests: theory and practice. Moscow: IMEMO RAN; 1991. (In Russ.).
11. Battler A. National interests, national and international security Quoted. *Policy. Political research*. 2002;(4):146–158. (In Russ.).
12. Gromyko Yu. Towards a new military doctrine of Russia and a new national security strategy. URL: https://web.archive.org/web/20071022232337/http://www.situation.ru/app/j_art_1179.htm (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Нина Николаевна Кулакова — кандидат политических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Nina N. Kulakova — Candidate of political Sciences, (Cand. Sci. Politology) the Senior lecturer of the Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6776-6084>

nnkulakova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 22.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-32-38
УДК 316.012(045)

Социальная напряженность и возможность оценки ее влияния через анализ социальных медиа*

Д.А. Котов

Аналитическое агентство Vox populi, Москва, Россия;
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена вопросу возможности анализа и мониторинга социальной напряженности в современном обществе через изучение цифровых следов пользователей социальных медиа. В рамках статьи представлены ключевые аспекты социальной напряженности, проанализированы современные достижения по использованию социальных медиа в исследовательских целях и оценены возможности их применения с учетом текущих социально-экономических условий. Кроме того, в данной работе рассмотрен подход к оценке уровня социальной напряженности при возникновении кризисной ситуации.

Ключевые слова: социальная напряженность; социальные медиа; социальные сети; социальные индикаторы; социальные ожидания; цифровизация

Для цитирования: Котов Д.А. Социальная напряженность и возможность оценки ее влияния через анализ социальных медиа. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):32-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-32-38

ORIGINAL PAPER

Social Tensions and the Possibility of Assessing their Impact Through the Analysis of Social Media**

D.A. Kotov

Vox populi analytical agency, Moscow, Russia; Finance University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article discusses the issue of the possibility of analysing and monitoring the phenomenon of social tensions in modern society through the analysis of digital footprints of social media users. Within the framework of the article, key aspects of social tension are studied, modern achievements and current advances in the use of social media for research purposes are considered. An assessment was made of the possibilities of using social media to analyse social tensions, taking into account the current socio-economic conditions. In addition, this paper analyses the approach to assessing the change in the level of social tension in the event of a crisis.

Keywords: social tension; social media; social networks; social indicators; social expectations; digitalization

For citation: Kotov D.A. Social tensions and the possibility of assessing their impact through the analysis of social media. *Humanitarian sciences.* 2023;13(3):32-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-32-38

Социальная напряженность является одной из важнейших проблем в современном обществе, которая негативно сказывается на экономике, политике, социальных отношениях и здоровье. Тему социальной напряженности в экономике затрагивали в своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс. Впоследствии исследования были

продолжены многими учеными в области социологии, политологии, экономики, психологии и других научных дисциплин [1].

Социальная напряженность может возникать в связи с большим количеством причин и приводить к негативным результатам, таким как увеличение уровня насилия и преступности в обществе [2–5].

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University

Вместе с тем она не всегда имеет негативное влияние на общество и может служить двигателем социальных изменений и приводить к улучшению условий жизни определенных групп населения [6, 7].

Оценка влияния социальной напряженности на различные сферы жизни и ее динамики — сложная задача, требующая комплексного и многомерного анализа, однако с развитием социальных медиа и возможностей анализа больших объемов данных в этой области открываются новые перспективы.

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ: ФАКТОРЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА

Социальная напряженность — комплексное явление, имеющее очень широкую вариацию определений, анализ которых показывает, что она совмещает в себе как психологические аспекты, присущие отдельным индивидам (связанные с их эмоциональным состоянием и чувствами неудовлетворенности), так и социальные, свойственные группам, сообществам (они связаны с социальным действием, самоорганизацией и направлены на формирование коллективного ответа и изменение сложившейся социально-экономической ситуации) [8–12].

Среди основных факторов возникновения социальной напряженности можно выделить следующие:

- экономические: экономический кризис, безработица, ухудшение условий труда и т.д.;
- политические: коррупция, недоверие к власти, неравенство в политическом участии, отсутствие гражданской свободы и т.д.;
- социальные: расовые и этнические конфликты, неравенство в социальном статусе, сегрегация, миграция и т.д.;
- культурные: межкультурные конфликты, проблемы культурной идентичности, недостаток культурного понимания и т.д.;
- экологические: экологические катастрофы, изменение климата, экологическая деградация и т.д.;
- технологические: технологический прогресс, автоматизация, роботизация, угрозы кибербезопасности и т.д.;
- психологические: страх, тревога, неопределенность, стресс и т.д.

Экономические факторы могут играть значительную роль в возникновении социальной напряженности. Одним из них является экономический кризис, который способен привести к увеличению

безработицы, сокращению заработной платы и росту инфляции. Таким образом, ухудшается благосостояние населения, увеличивается бедность и социальное неравенство. Экономические реформы, например, направленные на сокращение государственных расходов и льгот, могут вызвать протесты [1, 13, 14].

Влияние политических факторов также достаточно велико [15]. К ним относятся: противостояние различных сил и группировок, политические события, такие как выборы, изменения в законодательстве, политические скандалы и др. [6, 16–18].

Еще одним фактором является культурный конфликт, который особенно опасен, если он приводит к ксенофобии и расизму [19].

Технологический прогресс также может способствовать возникновению социальной напряженности. Например, автоматизация производства способна привести к потере рабочих мест и увеличению неравенства [20].

Экологические факторы включают в себя загрязнение окружающей среды, изменение климата и другие проблемы [21]. Многие исследования подтверждают, что все это может способствовать конфликтам [22].

К психологическим факторам относится, например, переживание страха. Дискуссии в социальных медиа стимулируют чувство напряженности у пользователей, особенно при обсуждении тем, связанных с политикой, экономикой и другими социально значимыми вопросами [23, 24].

Механизмы возникновения социальной напряженности довольно сложны и многообразны. При их рассмотрении необходимо учитывать множество факторов, связанных с экономикой, политикой, социальной структурой, культурой и другими аспектами жизни общества. Для лучшего их понимания можно обратиться к теории социальных конфликтов, согласно которой данное явление возникает из-за несовпадения интересов разных социальных групп и неравенства в распределении ресурсов между ними [20, 25].

Социальные медиа могут играть значительную роль в формировании общественного мнения и активизации гражданской позиции. Например, исследование Туфеси показало, что использование Twitter и Facebook способствовало тому, что люди приняли участие в политических протестах в Египте в 2011 г. Анализ сообщений позволил исследователям понять, какие темы наиболее важны для протестующих, какая общая атмосфера на митингах и как распространялись новости и слухи

[26–28]. Социальные медиа могут стимулировать возникновение «эхо-камер», где люди «схлопываются» в узкие группы и не слышат мнения других, что приводит к углублению социальных различий и конфликтов [29, 30].

Существует несколько подходов к измерению социальной напряженности, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки. Один из них — опросы общественного мнения, которые охватывают такие аспекты, как уровень доверия к государственным институтам, социальная справедливость, предубеждения и т.д. Например, в работе Шмида и Харрисона использовался опросник, который содержал шкалы, измеряющие уровень страха, безнадежности, ощущения угрозы, восприятия социального раскола и неудовлетворенности жизнью [31].

В связи с ограничениями опросных методов некоторые исследователи для измерения социальной напряженности стали анализировать социальные медиа, поскольку они являются основным каналом для обмена информацией и мнениями. Изучение данного контента может дать представление о том, какие темы вызывают наибольшую тревогу в обществе и какие группы населения испытывают наибольшее напряжение [32].

Применение алгоритмов машинного обучения позволяет анализировать множество данных из социальных сетей, что может помочь выявить тенденции в социальной напряженности через анализ использования определенных ключевых слов и фраз в постах пользователей [33, 34]. Широко применяется автоматическое определение тональности текста — положительной, отрицательной или нейтральной [35, 36].

Другой метод — это использование машинного обучения для классификации текстов и определения конкретных тем или событий, связанных с социальной напряженностью [37–40].

Кроме этого, социальные медиа позволяют проводить анализ социальных групп и их взаимодействия. Исследования групповой динамики показывают, что группы пользователей в социальных медиа и в реальной жизни могут быть аналогичны, также возможно формирование лидеров и осторожного поведения [41].

Несмотря на разнообразие методов измерения социальной напряженности, некоторые из них субъективные и недостаточно точные, а другие слишком затратные и трудоемкие. Поэтому для более верной и всесторонней оценки рекомендуется использовать комбинацию различных методов.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках статьи в качестве модельной ситуации, способной вызвать социальную напряженность, рассматривается чрезвычайное происшествие — разлив нефтепродуктов в г. Норильске.

В ходе исследования проведен анализ сообщений, собранных из русскоязычного сегмента сети Интернет, посвященных вышеуказанному событию, произошедшему 29 мая 2020 г. в городе Норильске (Красноярский край, Россия). В первую очередь анализировались электронные публикации ведущих федеральных, региональных и местных СМИ, а также публикации в социальных сетях, блогах и т.д.

Данные для исследования были собраны с помощью программно-аппаратного комплекса «Крибрум». Временной период собранной информации: с 05.06.2020 по 25.11.2020 г. Для сбора использовались поисковые запросы, содержащие ключевые слова, связанные с выбранным событием и выделенные из поисковых запросов пользователей.

Собранный массив данных (150 тыс. материалов) был очищен от нерелевантных сообщений, проанализирована временная динамика публикаций, оценена тональность сообщений, а также определено наличие слов-маркеров, свидетельствующих о проявлениях социальной напряженности.

АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ массива собранных данных показывает, что представленность сообщений меняется в зависимости от типа источника информации и широты использования населением. Соцсети, охватывающие, по разным оценкам, более 80% интернет-пользователей, содержат наибольшее количество сообщений о выбранном объекте анализа (рис. 1).

В то же время достаточно большое количество сообщений представлено в микроблогах, на форумах. В совокупности с материалами социальных медиа это свидетельствует об активном обсуждении выбранной темы в интернет-пространстве и обществе. Средства массовой информации как таковые представлены значительно меньшим количеством сообщений. Выделяются только интернет-СМИ, что логично, так как основа собранных данных — это материалы, размещенные в Сети.

Совокупное рассмотрение собранных данных показывает, что они присутствуют в достаточном количестве, чтобы проводить анализ таких ситуаций и их представленности в информационном поле, и, следовательно, данной информации может быть достаточно, чтобы иметь возможность оценить

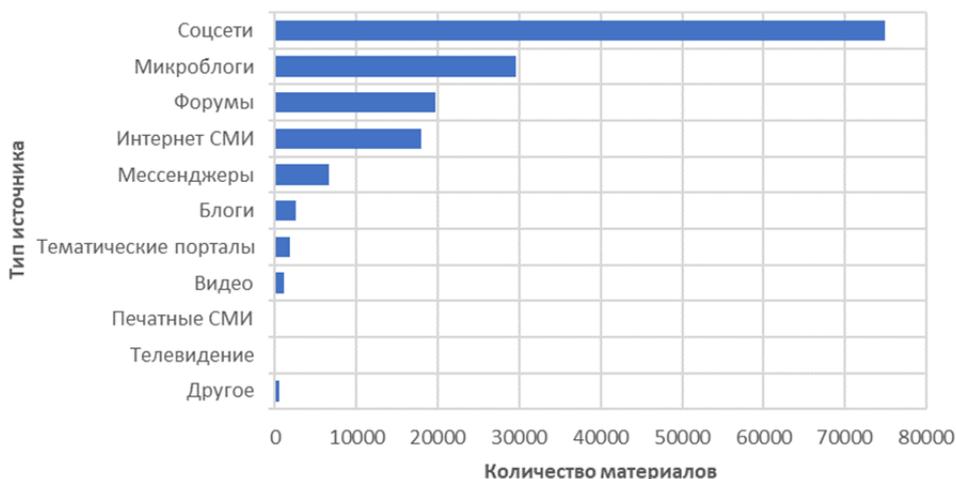


Рис. 1 / Fig. 1. Наличие материалов, посвященных техногенной катастрофе в Норильске, в разрезе типа источника информации / Availability of materials dedicated to the technogenic disaster in Norilsk, by type of information source

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

уровень социальной напряженности, связанной с возникшей ситуацией.

При первичном анализе и оценке социальной напряженности, проявляющейся при том или ином событии, важно определить тональность сообщений, что даст возможность понять распространенность настроений и мнений, присутствующих в обществе. Как показывает анализ тональности собранных материалов, практически все типы источников информации имеют сообщения как негативной, так и нейтральной, и позитивной тональности (рис. 2). При этом количественное соотношение материалов разной тональности может значительно отличаться в зависимости от типа источника: во всех анализируемых источниках преобладают сообщения нейтральной тональности, а количество негативных материалов превышает количество позитивных. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в интернет-СМИ и мессенджерах, которые зачастую имеют значительное влияние на распространение информации в обществе и формирование общественного мнения (и, следовательно, могут усиливать социальную напряженность за счет доставки до аудитории информационных сообщений с негативной тональностью), присутствует наибольшая доля негативных сообщений.

Оценка динамики публикаций материалов показывает, что, прежде чем событие получило широкий резонанс в обществе, в течение месяца после его начала обсуждение в информационном пространстве шло на латентном уровне, после чего последовал «информационный взрыв» — всплеск

публикационной активности и интенсификация обсуждения (рис. 3). Нарастание количества сообщений происходило постепенно, вместе с ростом социальной напряженности, вызванной сложившейся ситуацией, о чем можно судить как по общей динамике публикаций, так и по количеству позитивных и негативных материалов, вышедших в один период времени. Опираясь на характер сообщений, можно сказать, что одной из причин такого резонанса явилось то, что все это время население ожидало от представителей региональных органов власти решения проблемы. Но отсутствие целенаправленных и активных действий с ее стороны привело к всплеску социальной напряженности и необходимости вмешательства органов федеральной власти для разрешения возникшей ситуации.

Предпринятые усилия позволили постепенно снизить уровень социальной напряженности, но на это потребовалось достаточно много времени, и, как показывает анализ данных, обсуждения в негативной тональности продолжалась длительное время, периодически то усиливаясь, то ослабевая.

Помимо анализа тональности материалов, существует возможность более точного определения социальной напряженности и ее уровня через отслеживание ключевых слов и словосочетаний, связанных с реакциями на возникающие напряжения, в том числе эмоционального характера. Анализ частотности слов всего собранного массива сообщений показывает, что в них присутствуют нейтрально окрашенные слова, описывающие ситу-

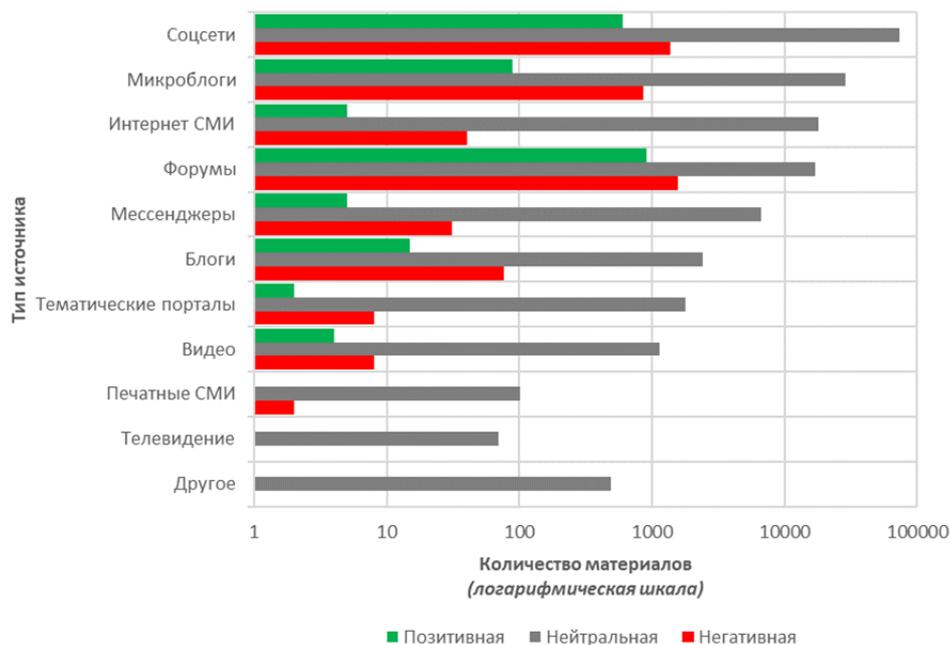


Рис. 2 / Fig. 2. Тональность материалов, посвященных техногенной катастрофе в Норильске в различных источниках информации / Tonality of materials on the technogenic disaster in Norilsk in various sources of information

Источник: / Source: составлено автором / compiled by the author.

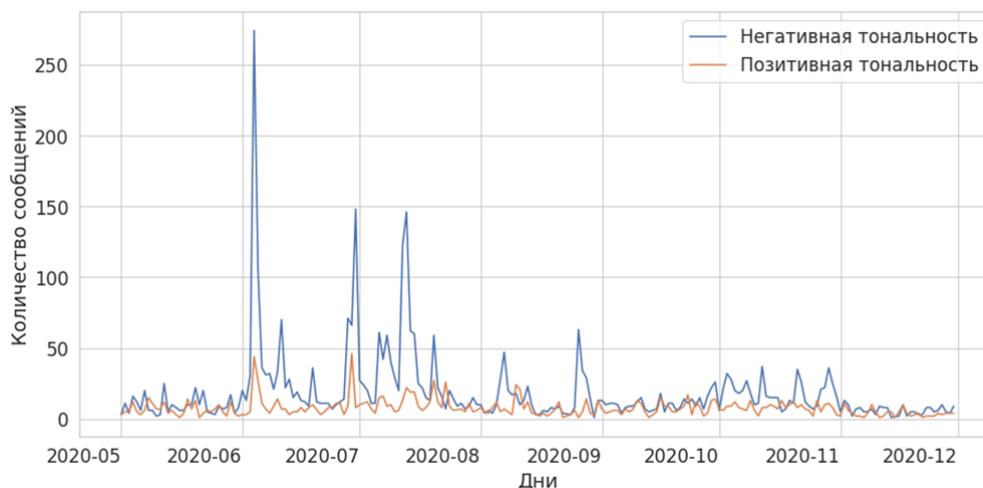


Рис. 3 / Fig. 3. Динамика публикаций материалов, посвященных техногенной катастрофе в Норильске, в разрезе тональности / The dynamics of sentiment from the publication of information dedicated to the technogenic the disaster in Norilsk, by tonality

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ацию, связанные с участниками событий, властью, бизнесом, географическими точками, предметом катастрофы, нанесенным ущербом и др. В то же время использование большого массива сообщений позволяет выделить слова и словосочетания — маркеры, свидетельствующие о высоком уровне эмоционального, негативного отношения к ситуации и значительной напряженности. Данные слова могут быть дополнительно категоризированы и собраны

в специальные словари, сопоставление с которыми позволит впоследствии более точно оценивать уровень социальной напряженности.

ВЫВОДЫ

Первичный анализ собранных данных показал, что имеется существенный потенциал по совершенствованию подходов для изучения социальной напряженности через анализ социальных медиа.

В дальнейшем необходимы разработка новых подходов для более глубокого анализа собираемых данных и использование алгоритмов детекции причин возникновения социальной напряженности и факторов, влияющих на нее и определяющих ее уровень.

Последующая доработка подходов к анализу социальной напряженности через социальные медиа позволит:

- создать специализированные мониторинговые инструменты для оценки социальной напряженности в режиме реального времени;

- использовать инструменты аналитики, способные выделить наиболее важные сообщения и тренды, связанные с социальной напряженностью;

- создать систему предупреждения, которая будет уведомлять о возможных конфликтах и напряженности;

- усилить диалог с гражданами по выявлению причин социальной напряженности;

- внедрить оценку рисков возникновения социальной напряженности при разработке управленческих решений.

REFERENCES

1. Merton R.K. Social theory and social structure. Simon and Schuster; 1968.
2. Häusermann S. Socioeconomic inequality and the rise of populism: A political-economic approach. *Swiss Political Science Review*. 2018;(24):351–374.
3. Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty. London: Profile books; 2012.
4. Stoker G. Why politics matters. London: Springer; 2019.
5. Cullen F.T., Wright J.P., Blevins K.R. Taking stock: The validity of self-report data in offender research. Washington, DC: National Institute of Justice; 2006.
6. Snyder D.K., Kelly J.R. Psychological costs of participation in a political campaign. *Journal of Applied Social Psychology*. 1976;(6):270–281.
7. Klandermans B. Identity politics and politicized identities: Identity processes and the dynamics of protest. *Political Psychology*. 2014;(35):1–22.
8. Brewer M.B., Kramer R.M. The psychology of intergroup attitudes and behavior. *Annual review of psychology*. 1985;(36):219–243.
9. Gurr T.R. Why men rebel. New York: Routledge; 2011.
10. Klandermans B. The Social Psychology of Protest. Blackwell Publishers Ltd; 1997.
11. Runciman W.G. Relative deprivation and social justice: A study of attitudes to social inequality in twentieth-century England. Berkeley: University of California Press; 1966.
12. Tufekci Z. Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest. New Haven: Yale University Press; 2013.
13. Alesina A., Glaeser E.L. Fighting poverty in the US and Europe: A world of difference. Oxford: Oxford University Press; 2004.
14. World Bank. Poverty and shared prosperity 2020: Reversals of fortune. Washington, D.C: World Bank Group; 2020.
15. Jungherr A., Jurgens P., Schoen H. Why the pirate party won the German election of 2009 or the trouble with predictions: A response to Tumasjan A., Sprenger T.O., Sandner P.G., Welpel I.M. Predicting elections with Twitter: What 140 characters reveal about political sentiment. *Social Science Computer Review*. 2012;(30):229–234.
16. Heaney M.T., Rojas H. Ethnicity, race, and nationalism in global perspective. New York: Polity Press; 2011.
17. Wilson G.K. The politics of truth and reconciliation in South Africa: legitimizing the post-apartheid state. New York: Routledge; 2016.
18. Krastev I. After Europe. Philadelphia: University of Pennsylvania Press; 2017.
19. Galtung J. Cultural violence. *Journal of Peace Research*. 1990;(27):291–305.
20. Inglehart R., Norris P. Rising tide: Gender equality and cultural change around the world. Cambridge, England: Cambridge University Press; 2003.
21. Hutchinson E., Mulvale J.P., Chaiyasit W. Climate change, conflict and health. *Journal of the Royal Society of Medicine*. 2014;(107):222–224.
22. Mouat D.A., Lourie M.A. Disproportionate exposure to air pollution from vehicles in low-income and minority communities: A review of the relevant literature and environmental justice interventions. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;(17):6286.

23. Coenders M., Lubbers M., Scheepers P. Online discussion on Twitter: How affective and deliberative threads differ. *Social Science Computer Review*. 2019;(37):383–399.
24. Esser F., Hanitzsch T., eds. Handbook of comparative communication research. New York: Routledge; 2012.
25. Coser L. The Functions of Social Conflict. Glencoe, IL: Free Press; 1956.
26. Tufekci Z., Wilson C. Social media and the decision to participate in political protest: Observations from Tahrir Square. *Journal of communication*. 2012;(62):363–379.
27. Tufekci Z. Big questions for social media big data: Representativeness, validity and other methodological pitfalls. *In Eighth international AAAI conference on weblogs and social media*. 2014;8(1):505–514.
28. Llorente A., Garcia-Herranz M., Cebrian M., Moro E. Social media fingerprints of unemployment. *PloS one*. 2015;(10):1–13.
29. Bollen J., Mao H., Zeng X. Twitter mood predicts the stock market. *Journal of Computational Science*. 2012;(1):1–8.
30. Campbell A., Converse P.E., Rodgers W.L. The quality of American life: Perceptions, evaluations, and satisfactions. New York: Russell Sage Foundation; 1976.
31. Schmidt A., Harrison J. The social climate in the aftermath of the attacks in Paris: An analysis of online comments. *European Journal of Communication*. 2015;(30):179–196.
32. Schmidt A., Rizk R., Thies F. The refugee crisis in Europe: A text analytic approach to understanding social media reactions. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021;(47):2498–2517.
33. Craig R.T., Zhang Y., Amazeen M.A. Big data and protest: The social media pulse during Ferguson. *New Media & Society*. 2020;(22):1479–1499.
34. Chen Y., Zhang X. Data-intensive applications, challenges, techniques and technologies: A survey on Big Data. *Information Sciences*. 2014;(275):314–347.
35. Liu Y., Li S., Sun X. A comprehensive review of social media sentiment analysis research from 2009 to 2018. *International Journal of Information Management*. 2019;(49):356–364.
36. Bleiweiss A. A Hierarchical Book Representation of Word Embeddings for Effective Semantic Clustering and Search. Portugal: In ICAART; 2017.
37. Choi D., Han J., Chung T., Ahn Y.Y., Chun B.G., Kwon T.T. Characterizing conversation patterns in reddit: From the perspectives of content properties and user participation behaviors. *In Proceedings of the 2015 acm on conference on online social networks*. 2015;(11):233–243.
38. Conover M.D., Ferrara E., Menczer F., Flammini A. The digital evolution of Occupy Wall Street. *PloS one*. 2013;(8):7–41.
39. Chen W., Wang Y., Yang S., Yang J. Political action awareness in social media: A case study on the 2010 congressional election in the United States. *Journal of Information Technology & Politics*. 2012;(9):1–16.
40. Tufekci Z. Social media and the decision to participate in political protest: Observations from Tahrir Square. *Journal of Communication*. 2013;(63): 363–382.
41. Drury J., Cocking C., Reicher S. Everyone for themselves? A comparative study of crowd solidarity among emergency survivors. *British Journal of Social Psychology*. 2009(48):487–506.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Дмитрий Алексеевич Котов — генеральный директор, аналитическое агентство Vox populi, Москва, Россия; старший преподаватель департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Dmitry A. Kotov — General Manager, Vox populi analytical agency, Moscow, Russia; Senior Lecturer, Department of Sociology, Finance University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3330-4292>

kotov-da@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 22.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-39-43
УДК 32(045)

Децентрализация в неопатримониальной демократии: преимущества, недостатки и путь к потенциальному миру

Е.В. Махмутова, Р.С. Окумбеков
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются особенности реформ децентрализации и их результаты в странах с неопатримониальной демократией. Отдельное внимание уделено преимуществам и недостаткам делегирования части государственных полномочий и власти на местный уровень. В работе подробно рассматривается специфика неопатримониализма в его теоретико-методологическом измерении. Кроме того, акцент сделан на возможностях децентрализации способствовать мирному урегулированию конфликтов в стране или, при условии слабых общественных и политических институтов, наоборот, усилить неопределенность и угрозу военного столкновения. Примером децентрализации в неопатримониальной демократии является Республика Казахстан, где в 2022–2023 гг. были проведены реформы, направленные на изменение контура политической системы, а именно конституционные изменения, затронувшие, среди прочего, и полномочия президента. На примере Казахстана рассматривается опыт демократизации через призму политических и социально-экономических трансформаций. Выводы статьи содержат тезис о том, что в зависимости от совокупности обстоятельств, особенностей политической культуры, структуры властного аппарата и пр. процесс децентрализации в неопатримониальных режимах может быть как эффективным, так и слабо выраженным, направленным на усиление концентрации власти правящей элитой.

Ключевые слова: децентрализация; демократия; неопатримониализм; Казахстан; власть; общество

Для цитирования: Махмутова Е.В., Окумбеков Р.С. Децентрализация в неопатримониальной демократии: преимущества, недостатки и путь к потенциальному миру. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):39-43. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-39-43

ORIGINAL PAPER

Decentralization in Neopatrimonial Democracy: Advantages, Disadvantages and the Path to Potential Peace

E.V. Makhmutova, R.S. Okumbekov
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

In many authoritarian countries of the world, rulers proclaim that the current regime is a model of liberal democracy. Its most significant flaw, however, is that it does not actually exist. This discrepancy between the supposed democratic leadership and reality is due to the neopatrimonial nature of the current political systems. Neopatrimonialism appears to be a hybrid model in which state structures, laws, and rules formally exist but are overridden by informal politics, networks of patronage, kinship, and tribalism. Rather than being organized according to merit, social functions, or administrative rank, the neopatrimonial regime finds its stability in bonds of loyalty to those at the top of the political hierarchy. Often, decentralisation reforms are initiated to overcome this crisis and stalemate. Their result is not always unambiguous, and the resulting effect corresponds to widely advertised expectations. In this context, this study examines the peculiarities of decentralisation reforms and their results in the countries with neopatrimonial democracy. Special attention is paid to the advantages and disadvantages of delegating part of state powers and authority to the local level, as well as its possibilities in achieving peace and resolving conflicts. The results suggest that, ideally, decentralisation generally contributes to an inclusive world where different groups can access power and are included in governance. In practice, however, this result is not always achieved because of the weak institutionalisation of the party system, the lack of transparency in government, and an underdeveloped civil society. The paper examines in detail the specifics of neopatrimonialism in its theoretical and methodological dimension. In addition, emphasis is placed on the potential of decentralisation to contribute to the peaceful resolution of conflicts in a country or – given weak social and political institutions, on the contrary, to increase uncertainty and the threat of military confrontation. A positive example of decentralisation in a neo-patrimonial democracy is seen in the Republic of Kazakhstan, where reforms aimed at changing the contour of the political system, namely constitutional changes affecting, among other things, the powers of the president, were introduced in 2022–2023. The successes in the implementation of constitutional reform in the country are outlined, and the key

foundations of successful delegation of powers and separation of powers are highlighted. Using Kazakhstan as an example, the experience of democratisation through the prism of political and socio-economic transformations is examined. The conclusions of the article contain the thesis that depending on the totality of circumstances, peculiarities of political culture, the structure of the power apparatus, etc., the process of decentralisation in neopatrimonial regimes can be both effective and weakly expressed, aimed at strengthening the concentration of power by the ruling elite.

Keywords: decentralisation; democracy; neopatrimonialism; Kazakhstan; power; society

For citation: Makhmutova E.V., Okumbekov R.S. Decentralisation in neopatrimonial democracy: Advantages, disadvantages, and the path to potential peace. *Humanitarian sciences*. 2023;13(3):39-43. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-39-43

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМА

Неопатримониализм — это форма правления, сочетающая в себе черты двух веберовских идеальных типов: бюрократическо-легалистского режима и патримониализма. Существующие в рамках такого режима легально-рациональные институты заметно структурируют государственную организацию. В странах, где господствует неопатримониализм, можно наблюдать формальное разделение публичной и частной сфер чиновников, занимающих должности в бюрократических структурах. Однако власть в значительной степени персонифицирована, и государственная элита реализует свои юридически определенные полномочия «как форму частной собственности, а не государственной службы» [1].

Поскольку центральные сети «патрон-клиент», характерные для неопатримониализма, обычно доходят до местного уровня, по мнению некоторых ученых, децентрализация бросает вызов как структуре и правилам существующих клиентских отношений, так и формальному институциональному ландшафту, в который они встроены, а реформа децентрализации, в свою очередь, является успешным примером демократического развития [2]. Однако реальность говорит о том, что вместо демократических преобразований в большинстве своем в ходе делегирования полномочий в неопатримониальных государствах происходит захват власти, но только уже местной элитой. В результате вместо продвижения демократии на региональном уровне такие реформы приводят к тому, что местные политики становятся похожими на политических «брокеров», мобилизовавших сеть местных избирателей в обмен на финансовые выплаты и патронажные должности. Надо сказать, что децентрализация в неопатримониальных режимах не всегда приводит к захвату власти местной элитой. Степень аккумулируемых полномочий зависит от уровня социального и экономического неравенства в обществе, традиций политического участия и осведомленности электората, а также от прозрачности принятия решений местными властями.

Следует отметить, что процессы перераспределения власти стимулируют различные слои элиты к взаимодействию с государственными институтами и политическим режимом, например, через создание новых рабочих мест. Кроме того, децентрализация предоставляет оппозиционным акторам новую платформу для получения права голоса на субнациональных уровнях управления, а в ряде случаев она становится катализатором процессов регионализации, способствует выделению региональных идентичностей. Большинство проводимых на сегодняшний день реформ по структуризации власти в горизонтальном и вертикальном измерении являются частью глобальной тенденции, где считается, что местные чиновники лучше знают потребности сообществ на вверенной им территории, в большей степени приспособлены для удовлетворения этих потребностей и подотчетны избирателям в результатах [3].

Таким образом, реформы децентрализации, проводимые в государствах с неопатримониальными режимами, характеризуются рядом парадоксов и противоречий, изучение которых представляет значительный научно-практический интерес, что и предопределяет выбор темы данной статьи.

Сравнительному анализу современных политических режимов, выявлению последствий их реализации в тех или иных условиях развития государств посвящены труды К.Е. Петрова, М. Снеговой, Д.А. Чубарова, К.В. Мельникова, О. Фрама, К. Хоффманн, Р. Пелиццо, Ву Сюня.

Особенности реформ децентрализации в неопатримониальных режимах, их достоинства и недостатки нашли свое отражение в работах Р.С. Окумбекова, А.А. Студинца, Я.Ю. Старцева, Э. Арачала, А. Пака, Ф. Лассу.

Высоко оценивая накопленное на сегодняшний день научное наследие в области изучения неопатримониальных режимов, следует отметить, что существует еще ряд дискуссионных вопросов и проблемных сфер, которые требуют более углубленного внимания и дополнительного анализа. В частности, следует отметить фрагментарные и несистемные

исследования, посвященные институциональной структуре и политико-режимной динамике неопатримониализма, который сочетается с различными демократическими практиками. Также нерешенными остаются задачи четкой формализации транзита политических режимов в переходных странах с переходным типом экономики.

Неопатримониальная демократия — это стандартная модификация премьер-президентской системы в клиентелистических рамках, где получение ренты является основной целью политиков. Политические субъекты конкурируют через официальный избирательный механизм, но захват государства как основы получения дохода является их главной целью. В рамках системы правления, в которой государственные структуры, законы и правила формально существуют, но их отменяет неформальная политика, сети патронажа, родства и трайбализма, запрос на децентрализацию возникает в связи с необходимостью разрушения монополии одной группы или партии. А для этого должна существовать здоровая политическая экосистема уравнивающих друг друга сил, которая может появиться в результате проведения реформы разделения полномочий властей [4].

Децентрализация определяется как процесс передачи политических, фискальных и административных полномочий субнациональным единицам управления. Демократическая децентрализация в неопатримониальной системе правления подразумевает передачу функций центральным правительством на более низкий уровень и создание новых единиц управления вне контроля центральной власти. В результате таких реформ местные власти получают автономию и независимость от центрального правительства, — им обозначены четкие границы (юридические и географические), над которыми они имеют власть наряду с полномочиями по привлечению и распределению ресурсов и взаимодействию с гражданами и центральной властью [5].

В данном контексте можно выделить ряд несомненных преимуществ демократической децентрализации в классических неопатримониальных режимах в самых разных странах Африки, Азии и Латинской Америки.

Во-первых, это стимулирование экономического роста путем установления связей между различными регионами в неоднородных областях и более эффективного использования ограниченных ресурсов для содействия развитию в бедных или экономически неблагополучных районах.

Во-вторых, расширение участия общества в принятии государственных решений и снижение вероятности диктатуры. Сформированная в результате децентрализации вертикальная линия подотчетности позволяет гражданам задавать вопросы своим лидерам и участвовать в делах страны. Это не ограничивается местными и национальными выборами, а может распространяться на низовые общественные комитеты и слушания, целевые советы, включать в себя надежную защиту свободы слова и СМИ, а также мониторинг не только государственных учреждений, но и частного сектора и поставщиков услуг, проводимый гражданским обществом.

В-третьих, демократическая децентрализация предполагает создание линии горизонтальной подотчетности, которая может быть представлена независимым парламентом, независимыми аудиторскими организациями и т.д. Горизонтальный контроль очень важен для расследования и пресечения правонарушений государственных чиновников [6].

В-четвертых, положительные изменения общественной власти путем усиления некоторых акторов, таких как ассоциации, малый бизнес, неправительственные организации, и ослабление сил, которые соперничают с государством, например военных структур или корпораций.

Демократизация и децентрализация изменяют клиентелистские системы, трансформируют отношения «патрон-клиент», повышают переговорную силу клиентов, но могут, наоборот, усилить клиентелизм, определив «валюту поддержки», например лидеры способны оказывать услуги своим сторонникам в обмен на голоса. Влияние демократии на клиентелизм во многом зависит от глубины децентрализации — возможности участия общественности, групп интересов, политических партий и гражданского общества в решении ключевых вопросов страны. Как и недееспособность государства, клиентелизм может быть укоренен децентрализацией, если демократизация еще не пустила свои корни. В том случае, когда государство демократичное и сильное, децентрализация способна обеспечить подотчетность, ответственность и устойчивость на местном уровне. Без демократии децентрализация может просто убрать верхние слои клиентелизма и укрепить коррупцию на среднем уровне, создавая авторитарные анклавные и еще больше подрывая потенциал страны [7].

Итак, принимая во внимание вышеизложенное, можно отметить, что власти и местные реформаторы в странах с неопатримониальным режимом

правления артикулируют децентрализацию как метод, позволяющий улучшить качество предоставления государственных услуг, способ продвижения демократии и принятия важных решений на основе широкого участия граждан. Однако провозглашаемые лозунги в ряде случаев не влекут за собой ожидаемых последствий. Международные исследования показывают, что «политическая логика “гибридных” государств искажает реформы децентрализации и приводит к неожиданным результатам, часто в ущерб целям развития» [8].

Децентрализация в неопатримониальных демократиях в данном случае имеет свои слабые стороны и можно проследить ее ярко выраженные негативные аспекты: коррупцию на местах; узурпацию власти местными влиятельными группами; деструктивные действия политиков-популистов; некомпетентность местной власти в исполнении возложенных на нее обязанностей; сопротивление передаче финансирования местным общинам со стороны центральных органов власти.

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ В НЕОПАТРИМОНИАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Ярким примером успешных реформ децентрализации в стране с неопатримониальной демократией является Казахстан. В настоящее время республика переходит к «новому демократическому порядку». Это стало возможным благодаря внесению поправок и дополнений в Конституцию. Впервые за 27 лет на всенародный референдум были вынесены (и поддержаны 77,18% голосов) вопросы, касающиеся ограничений полномочий президента в пользу парламента, усиления децентрализации, восстановления Конституционного

суда. Эти сдвиги сигнализируют «окончательный переход от суперпрезидентской формы правления в стране к президентской с влиятельным парламентом и подотчетным правительством» [9].

Усиление представительной ветви власти, укрепление системы сдержек и противовесов, повышение самостоятельности местных представительных органов-маслихатов — конечная цель проводимых реформ. Запланировано, что в ближайшем будущем будет введена смешанная мажоритарно-пропорциональная модель избрания депутатов Мажилиса и региональных маслихатов. В рамках проводимой реформы президент республики подчеркнул важность местного управления, отмеченного первыми в истории страны прямыми выборами районных, сельских акимов.

ВЫВОДЫ

Таким образом, реформа децентрализации, проводимая в странах с неопатримониальной демократией, способна как предоставить населению возможность доступа к решению важных государственных проблем, так и усугубить ситуацию с концентрацией власти в руках правящих элит. С одной стороны, делегирование государственных полномочий на более низкий уровень может гарантировать эффективное предоставление государственных услуг и участие населения в жизни страны путем передачи власти от «центра» местным структурам. Но в условиях слабой институционализации партийной системы и непрозрачной деятельности реформы децентрализации приводят к тому, что потребности жителей на местах не удовлетворяются, а происходит захват власти региональными элитами, которые извлекают пользу от доступа к бюджету и общественным благам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Demmelhuber T. Decentralization in the Arab world: Conceptualizing the role of neopatrimonial networks. *Mediterranean politics*. 2020;(4):499–521.
2. Мельников К.В. Бюрократический патронаж и паттерны административного рекрутирования региональных элит в России: опыт сравнительного сетевого анализа. *Политическая наука*. 2021;(4):210–238.
3. Битиева З.Р. Теоретические аспекты изучения неопатримониальных режимов: развитие концепции неопатримониализма и ее место среди объясняющих моделей. *Vestnik Instituta mirovyh civilizacij = Vestnik Института мировых цивилизаций*. 2021;(3):14–21.
4. Giraudy Agustina. The Impact of Neopatrimonialism on Poverty in Contemporary Latin America. *Latin American politics and society*. 2020;(1):73–96.
5. Летняков Д.Э. «Неподатливые структуры»: в поисках посттранзитологической парадигмы для постсоветского пространства. *Политог*. 2020;4(1):7. DOI: 10.18254/S 258770110009757–4
6. Hanson S. Understanding the Global Patrimonial Wave. *Perspectives on politics*. 2022;(3):237–249.
7. Ruth-Lovell S. Clientelism and democratic representation in comparative perspective. United Kingdom: ECPR Press; 2019. 176 p.

8. Wegner Gerhard. Entrepreneurship in autocratic regimes — how neo-patrimonialism constrains innovation. *Journal of evolutionary economics*. 2019;(5):1507–1529.
9. Окумбеков Р.С. Трансформация политического режима в Казахстане. *Социально-политические науки*. 2022;(2):27–32.

REFERENCES

1. Demmelhuber T. Decentralization in the Arab world: Conceptualizing the role of neopatrimonial networks. *Mediterranean politics*. 2020;(4):499–521.
2. Melnikov K.V. Bureaucratic Patronage and Patterns of Administrative Recruitment of Regional Elites in Russia: Experience in Comparative Network Analysis. *Politicheskaya nauka = Political science*. 2021;(4):210–238. (In Russ.).
3. Bitieva Z.R. Theoretical aspects of the study of neopatrimonial regimes: the development of the concept of neopatrimonialism and its place among explanatory models. *Vestnik Instituta mirovyh civilizacij = Bulletin of the Institute of World Civilizations*. 2021; (3):14–21. (In Russ.).
4. Giraudy Agustina. The Impact of Neopatrimonialism on Poverty in Contemporary Latin America. *Latin American politics and society*. 2020;(1):73–96.
5. Letnyakov D.E. “Intractable structures”: in search of a post-transitological paradigm for the post-Soviet space. *Polilog = Polylogue*. 2020;4(1):7. DOI: 10.18254/S 258770110009757–4. (In Russ.).
6. Hanson S. Understanding the Global Patrimonial Wave. *Perspectives on politics*. 2022;(3):237–249.
7. Ruth-Lovell S. Clientelism and democratic representation in comparative perspective. United Kingdom: ECPR Press; 2019. 176 p.
8. Wegner Gerhard. Entrepreneurship in autocratic regimes — how neo-patrimonialism constrains innovation. *Journal of evolutionary economics*. 2019;(5):1507–1529.
9. Okumbekov R.S. Transformation of the political regime in Kazakhstan. *Social'no-politicheskie nauki = Socio-political sciences*. 2022;(2):27–32. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Евгения Викторовна Махмутова — кандидат политических наук, доцент департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Evgeniya V. Makhmutova — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor of the Department of Political Science and Mass communications, Financial University,

Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-9712-5023>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

EVMakhmutova@fa.ru

Ринат Серикович Окумбеков — аспирант 3-го курса департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Rinat S. Orumbekov — 3-year postgraduate student, Political Science Department, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0002-0374-2141>

ROkumbekov2020@fa.edu.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-44-51
УДК 159.9.072.5(045)

Проблема методов исследования ценностно-мотивационной сферы личности в эпоху перемен

О.И. Крушельницкая, А.Н. Третьякова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Наша страна в настоящее время находится в очень динамичной ситуации. Стремительные изменения в обществе требуют оперативной диагностики психологического состояния больших и малых социальных групп, что, в свою очередь, делает актуальной проблему инструментария. В статье проведен сравнительный анализ двух различных по своим характеристикам типов методик, применяемых в исследованиях мотивации и ценностных ориентаций: традиционных и рефлексивных. Выделены достоинства и недостатки каждого типа методик. Важное достоинство рефлексивных методик состоит в том, что они минимизируют проблему эквивалентности смыслов исследователя и респондентов, а также позволяют осуществлять интеграцию качественного и количественного анализа данных. Традиционные методики ориентированы на количественный анализ результатов. Их легко создавать и использовать. Возможна автоматизация обработки данных. В конце статьи сделаны выводы о том, что использование методик рефлексивного типа является необходимым в период кризисов и быстрых перемен, а разработка традиционных методик должна опираться на результаты, полученные качественными методами.

Ключевые слова: методы исследования; рефлексивные методики; проективные методы; мотивация; ценностные ориентации

Для цитирования: Крушельницкая О.И., Третьякова А.Н. Проблема методов исследования ценностно-мотивационной сферы личности в эпоху перемен. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):44-51. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-44-51

ORIGINAL PAPER

The Problem of the Research Methods of the Value-Motivational Sphere of Personality in the Times of Transformations

O.I. Krushelnitskaya, A.N. Tretyakova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Our country is currently in a very dynamic situation. Rapid changes in a society demand prompt and timely diagnostics of the psychological condition of large and small social groups, that, in turn, makes the problem of toolkit relevant. In the article the comparative analysis of two various types of techniques used in the studies of motivation and value orientations – the traditional method and the reflexive one – is carried out. The advantages and disadvantages of each type of techniques are highlighted. The important advantage of reflexive techniques is that they minimize the problem of equivalence of meanings of the researcher and the respondents. Reflexive techniques also allow for the integration of qualitative and quantitative data analysis. Traditional techniques and methodologies are focused on a quantitative analysis of results. They are easy to create and use. Automation of data processing is possible. Conclusions are made, that use of techniques of reflective type is necessary during crises and rapid changes; and the development of traditional techniques should be based on the results received by qualitative methods.

Keywords: research methods; reflexive methods; projective methods; motivation; value orientations

For citation: Krushelnitskaya O.I., Tretyakova A.N. The problem of the research methods of the value-motivational sphere of personality in the times of transformations. *Humanitarian sciences.* 2023;13(3):44-51. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-44-51

ВВЕДЕНИЕ

Масштабные изменения в экономической, политической, социальной и духовной сферах, происходящие сейчас в нашей стране, влияют на мотивы, ценности и установки людей, — в первую очередь молодежи. На данный момент общество далеко не едино перед лицом экономических, политических и культурных вызовов, которые стоят перед страной.

Разногласия, особенно связанные со специальной военной операцией, настолько очевидны, что для осознания их наличия и значительности не нужны никакие специальные методы. Раскол в обществе крайне нежелателен в то время, когда стране для преодоления проблем и выхода на новый уровень развития необходимо единение ее граждан. Ведь именно люди являются главными акторами происходящих перемен. От того, какой выбор сделают сейчас те или иные социальные группы и конкретные личности, зависят перспективы социального, экономического и политического развития нашей страны на ближайшие десятилетия.

Стремительные изменения в обществе требуют оперативной диагностики психологического состояния больших и малых социальных групп, общества в целом. В настоящее время особую значимость приобретает изучение особенностей ценностно-мотивационной сферы личности. Государству, социальным институтам важно понимать, куда направлен вектор активности людей и насколько она энергетически заряжена. От этого во многом зависит государственная политика и разработка конкретных программ в области экономики, социального развития, идеологической работы и пр.

Скорость изменений, происходящих в стране, и необходимость мониторинга психологического состояния людей делает актуальной проблему инструментария, пригодного для оперативных исследований.

В данной статье мы проводим сравнительный анализ традиционных методик опросного типа и рефлексивных методик исследования ценностных ориентаций и мотивации с точки зрения преимуществ и недостатков их применения в период динамичного развития общества.

ПОНЯТИЕ ТРАДИЦИОННЫХ И РЕФЛЕКСИВНЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦЕННОСТЕЙ И МОТИВАЦИИ

Традиционные методы исследования ценностных ориентаций обычно представляют собой стандартизированные опросники или тесты с использо-

ванием вопросов закрытого типа с ограниченным выбором ответов. К ним, например, относятся давно ставшая классической методика «Ценностный опросник» (ЦО) Ш. Шварца [1] или тест А.А. Реана «Мотивация успеха и боязнь неудачи» [2]. Методики традиционного типа предполагают, что респонденты ранжируют ответы по уровню значимости или выбирают их из предложенных авторами вариантов.

В рефлексивных методиках, ориентированных на открытые развернутые ответы, исследователи обычно формулируют вопросы, но оставляют возможность респондентам самостоятельно формулировать ответы. Респондент отвечает сам в удобной ему форме, сообразуясь со своей манерой мышления и мировосприятия. Примером использования рефлексивной методики является исследование ценностей молодежи, проведенное Г.И. Саганенко и А.Э. Гегер. Первичные данные собирались авторами с помощью следующего задания для респондентов: «Что САМОЕ ГЛАВНОЕ для вас в жизни: 1. Напишите 10 наиболее важных для вас жизненных ценностей. 2. Поясните СМЫСЛ, который вы вкладываете в каждую ценность. 3. Оцените по шкале из 100 баллов каждую свою ценность: (А) насколько она ЗНАЧИМА для вас и (Б) насколько вы УДОВЛЕТВОРЕННЫ ее состоянием» [3, с. 24]. Бланк для ответов представлял собой таблицу из десяти строк (по количеству ценностей) и нескольких столбцов (по количеству поставленных задач). Испытуемые самостоятельно формулировали свои ценности и поясняли их смысл.

ТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ И МОТИВАЦИИ

В настоящее время наиболее часто в психологических исследованиях ценностных ориентаций и мотивации используются опросники и тесты традиционного типа. Например, В.А. Климчук осуществил обзор методик исследования различных аспектов внутренней мотивации, где привел примеры семнадцати используемых в этих целях методик. Только две из них носят рефлексивный характер, остальные пятнадцать — традиционные методики опросного типа [4]. В 2021 г., анализируя различные исследования мотивации получения высшего образования, мы также обнаружили резкое преобладание методик опросного типа [5] — исследователи используют как стандартизированные опросники, так и собственные, ори-

гинальные, построенные по традиционному типу.

Очевидным достоинством традиционных методик является то, что их легко создавать и использовать. Они удобны для работы с большими выборками респондентов. Обработку результатов, выявленных с помощью традиционных методик, легко автоматизировать — они представляют собой набор количественных данных, которые можно анализировать статистическими методами с целью получения непредвзятого результата. При этом от исследователя не требуется высокой квалификации, которая необходима для анализа и интерпретации качественных данных. Кроме того, на данный момент использование методов математической статистики весьма популярно.

Главным недостатком традиционных методик является то, что при их использовании существует проблема подтверждения полноты и адекватности репрезентации исследуемых феноменов. Г. И. Саганенко и А. Э. Гегер в своей работе убедительно продемонстрировали методическую ограниченность использования традиционных опросников. Авторы сравнили позиции различных ценностей в исследованиях с использованием разного типа методик. Например, такую ценность, как «вера в бога / религия» при использовании рефлексивной методики сформулировали для себя 5% респондентов. А когда она была включена в пакет обязательного оценивания стандартизированной методики, доля верующих в России составила 29%¹. Похожая ситуация наблюдалась и с другими ценностями. «Стандартизированные опросные методики порождают искусственные ситуации наличия/отсутствия социального феномена: квазиналичия, когда феномена, по сути, нет, но он представлен в методике, и квазиотсутствия — когда феномен в реальной ситуации есть, но он не упомянут в опросном списке методики» [3, с. 30].

Л. В. Трубицина также считает, что «большая стандартизация процедуры исследования может вести к меньшей его валидности, так как заранее подготовленные вопросы ограничивают возможные ответы, то есть мы можем получить предвзятые ответы на предвзятые вопросы» [6, с. 2].

Второй недостаток стандартизированных опросников — проблема языка общения исследователя и респондентов, эквивалентности смыслов. Участники опроса могут неверно понимать

задаваемые вопросы, неправильно их интерпретировать. Эта проблема очевидна в кросс-культурных исследованиях и менее очевидна при проведении исследований в рамках одной культуры. Но она существует. Быстрая смена жизненных реалий привела к существенным различиям в мировоззрении и языке представителей разных поколений. Современная молодежь имеет специфический опыт, связанный с погруженностью в цифровую среду, иными способами обработки информации, особенностями когнитивных процессов. Абстрактные понятия для молодых людей часто наполнены иным содержанием, нежели у представителей старших поколений. Адаптацию известных методик к реалиям жизни современной молодежи или включение этих реалий в составляемые опросники исследователи осуществляют редко, а иногда даже не осознают такой необходимости. Проблема устаревания классических методик существует давно и касается не только опросников и анкет. Например, известный тест Леонгарда-Шмишека для выявления акцентуаций характера был опубликован в 1970 г. В нем есть, в частности, вопрос: «Опуская письмо в почтовый ящик, проверяете ли вы, проводя рукой по щели ящика, что письмо полностью упало в ящик?». Множество сайтов в интернете предлагают этот тест для психологического тестирования. Часть сайтов указывают, что тест адаптирован для детей и подростков. Казалось бы, компьютерные технологии, современный подход, современная молодежь со смартфонами в руках... Но в содержании теста все те же бумажные письма и почтовые ящики, о которых молодежь имеет смутное представление. Квалифицированный специалист, используя в исследовании стандартизированные методики, постарается заменить вопросы, где присутствуют жетоны метро, телефоны-автоматы, почтовые ящики и прочие вышедшие из повседневного обихода вещи. И, тем не менее, те исследователи, кто проводит тестирование с возможностью обратной связи, знают, как часто молодые люди просят пояснить слова и выражения, смысл которых представителю старшего поколения кажется совершенно очевидным.

Третья проблема — несравнимость результатов научных исследований по одной и той же проблематике. Она возникла, в частности, в результате попыток преодолеть проблему устаревания классических методик и тестов. Ученые вынуждены разрабатывать обновленные варианты известных

¹ Всемирное исследование ценностей. 2011 г. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>

опросников или собственные опросники для решения актуальных исследовательских задач. Создаваемые исследователями списки ценностей, мотивов, целей не совпадают между собой. Разнообразие теоретических и методологических подходов, разный личный опыт и интересы исследователей приводят к тому, что состав предлагаемых списков, формулировки вопросов, которые используют авторы, существенно разнятся. Часто различен и предмет исследования, имплицитно заложенный в методический инструментарий. В результате количественное сравнение данных исследований разных авторов становится затруднительным. Если учесть, что психологические исследования, особенно актуального характера часто проводятся на небольших выборках, результаты могут быть признаны валидными только для локальных групп. В результате научная ценность исследований существенно снижается.

Таким образом, необходимость уйти от строгой формализации и стандартизации в исследованиях становится все более очевидной. Время жизни опросников может стать меньше, чем затраченное на их составление и апробацию. Создание валидных методик с высокой надежностью и достоверностью требует больших временных затрат и значительного вложения сил. В наше время исследуемые с помощью методики реалии могут стремительно меняться, — когнитивные и мотивационные искажения, которые ее авторы пытались снизить, возникнут вновь в результате временного фактора.

Излишняя ориентация на стандартизированные тесты и опросные методики напоминают ситуацию в современной медицине, когда пациенту для постановки диагноза назначают множество анализов и аппаратных исследований, хотя для квалифицированного клинициста диагноз ясен на этапе первичного приема. В соблюдении стандарта диагностики есть несомненные плюсы, но существуют и минусы: потеря времени (что может быть критично для конкретного пациента), денежных средств, снижение профессиональной квалификации специалистов. Похожее происходит и с результатами психологических исследований.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ И МОТИВАЦИИ

Перечисленные проблемы и ряд других обстоятельств привели к тому, что в настоящее время

все активнее проявляется интерес к методам, где приоритет отдается качественному анализу данных. В.Н. Носуленко обращает внимание на необходимость интеграции качественных и количественных методов, особенно в социальных и поведенческих науках, так как там «актуальными становятся требования приближения эмпирических исследований к естественным ситуациям жизни и деятельности человека» [7, с. 5]. В условиях, когда среда обитания человека крайне динамична, актуальность качественного подхода в исследованиях возрастает.

Главное достоинство рефлексивных методов заключается в том, что они позволяют получить более актуальную и адекватную информацию о мотивах и ценностях респондентов. Снимается проблема привнесения собственного видения ситуации составителями исследования, имплицитно заложенного в содержание опросников. Например, в известных нам исследованиях мотивации и ценностей молодежи, осуществленных традиционными методами до 2022 г., мы не видели такого мотива, как свободное перемещение по миру, эмиграция. Этот мотив опросники просто не предлагали респондентам для выбора. Во-первых, для самих исследователей это тема социально нежелательна, «не патриотична» (ее избегают), а во-вторых, на такой прямой вопрос вряд ли был бы получен достоверный ответ. Между тем в нашем исследовании мотивационных приоритетов выпускников вузов мотив свободного перемещения по миру (в качестве туриста, для работы или учебы, с целью эмиграции) был выявлен у 12,6% респондентов. Опрос проводился рефлексивным методом — выпускников просили назвать желательные события их будущего и те, которых они постараются избежать [8]. Похожую тенденцию в исследовании целеполагания студентов выявили Д.А. Севостянов и А.Р. Гайнанова. Испытуемые в свободной форме описывали свои жизненные цели, и в результате выяснилось, что 7,3% опрошенных планируют выезд за пределы России на постоянное место жительства [9]. Эти данные в некоторой мере объясняют, почему так много молодых людей уехали за рубеж вследствие начала специальной военной операции и частичной мобилизации. Данный пример иллюстрирует, с нашей точки зрения, большую диагностическую и прогностическую ценность рефлексивных методов.

Рефлексивные методы также позволяют осуществить интеграцию качественного и коли-

качественного подхода к исследованиям. Собрав первичные данные с помощью рефлексивной методики, далее необходимо проводить большую аналитическую работу, группируя высказывания респондентов в смысловые блоки, после чего приходит время статистического анализа.

Использование рефлексивных методов позволяет в значительной степени снять проблему эквивалентности смыслов. Респонденты, опираясь на собственное представление о реальности, говорят своим языком о том, что наиболее важно с их точки зрения.

И, наконец, отметим, что у методик рефлексивного типа есть позитивный побочный эффект. Они заставляют думать, повышают уровень осознания испытуемыми своих интересов, ценностей, значимых мотивов. Г. И. Саганенко и А. Э. Гегер отмечают, что рефлексивные методы «помогают индивиду разобраться со своими ценностными представлениями» [3, с. 25]. Ту же мысль проводит Л. В. Трубицина. Пропагандируя метод слабо-структурированного интервью, автор отмечает, что в процессе взаимодействия с интервьюером респондент часто «отыскивает» смысл. «Интервью часто помогает человеку осознать свое отношение к различным аспектам феномена, сформулировать возможный смысл этого феномена для себя в разных условиях» [6, с. 78].

Приведем несколько примеров. К рефлексивным можно отнести вариацию метода неоконченных предложений, которую использовали О. И. Крушельницкая и М. В. Полевая для исследования отношения студентов к получению диплома вуза. Студенты должны были закончить предложение: «В наше время, если человек к 30 годам не имеет диплома о высшем образовании, то это...». Полученные данные позволили выяснить, что, с точки зрения студентов, наличие диплома всего лишь гарантирует лояльность общества. «Отсутствие диплома... негативно влияет на социальный статус взрослого человека. Студенты... не рассматривают диплом как документ, который отражает квалификацию и уровень образованности владельца, определяет перспективы трудоустройства и карьерного роста» [10, с. 55].

Еще одна методика рефлексивного типа, направленная на исследование мотивации, — лестничное интервью, которое было использовано Ю. Мелантиу с соавторами для изучения мотивов, побуждающих кипрских абитуриентов поступать в колледжи и университеты. Оно начинается с вопроса, а затем интервьюер задает следую-

щий, касающийся полученного ответа. Например, спросив: «Почему ты собираешься поступать в университет?» и получив ответ: «Я хочу стать инженером», опрашивающий интересуется: «Почему ты хочешь стать инженером?» и т. д. [11].

А. Г. Бугрименко для исследования внутренней мотивации студентов использовала методику «Составление учебного плана». Испытуемым предлагался перечень учебных предметов, входящих в их учебный план, и ряд дополнительных. Каждого испытуемого просили составить проект своего личного учебного плана на текущий учебный год. Студент мог отметить дисциплины из реального учебного плана, вписать дополнительные, по своему усмотрению расставить количество часов на изучение того или иного предмета и обосновать свой выбор. Автор считает, что эта методика позволяет измерять «общий мотивационный фон» [12, с. 54].

Отмечая достоинства методик рефлексивного типа, мы, тем не менее, обнаруживаем те трудности, которые возникают при их использовании — это трудоемкость, значительные временные затраты, необходимые для получения диагностического результата, а также высокие требования к квалификации исследователя. В некоторых случаях можно стандартизировать процедуру сбора диагностического материала, а также привлечь большее количество респондентов.

В приведенных выше примерах исследований диагностический материал собирался в групповой форме, однако обработка полученных данных происходит вручную, — исследователю нужно в разрозненном материале обнаружить нечто общее и закономерное. Здесь, в некоторой мере, опять возникает проблема эквивалентности смыслов респондентов и исследователя: всегда ли экспериментатору понятна идея, высказанная человеком другого поколения, живущим в другой информационной и социальной среде? Поэтому в рефлексивных методиках от респондентов часто требуется уточнение или подробное объяснение высказанного тезиса. Это позволяет в значительной мере снизить проблему эквивалентности смыслов, но говорить о полном ее решении мы не рискуем. Подключать методы математической статистики при использовании рефлексивных методов в большинстве случаев возможно, но только после кропотливого анализа результатов самим исследователем.

Есть и внешние препятствия для широкого применения качественных методов исследова-

ния. В частности, Л.В. Трубицина отмечает, что многие научные журналы однозначно требуют использования методов математической статистики в статьях, посвященных эмпирическим исследованиям. В результате суть качественного исследования теряется, собранный материал представляется фрагментарно, неполно [7]. Утрачивается возможность акцентироваться на новом, уникальном, по сути, теряется возможность научного открытия. Хорошо известно, что многие психологические феномены были открыты в результате единичных случаев.

ПРОЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Наша работа была бы неполной, если бы мы не затронули в ней проблему использования проективных методов исследования личности в отношении к рефлексивным.

В отличие от рефлексивных, проективные методы направлены на выявление неосознанных потребностей, мотивов, отношений. Истинная цель исследования респондентам не раскрывается. Это снижает риск получения социально желательных ответов и увеличивает вероятность обнаружения действительных личностных смыслов, мотивов, ценностей. К сожалению, это одновременно увеличивает риск неверного истолкования полученных результатов специалистами. Поэтому обычно эти методы используются как вспомогательные. С их помощью можно заметить проблемные зоны, какие-то особенности реакций респондента, которые незаметны при применении других методик. Но задействовать проективные методики как самостоятельные и единственные, с нашей точки зрения, нежелательно.

Приведем несколько интересных примеров применения проективных методов в исследовании мотивации.

Т.Ю. Удалова и З.А. Аксютин использовали проективную методику «Цветовые метафоры». В ее основе лежит соотнесение предлагаемых испытуемым понятий с цветными карточками из стандартного набора стимулов М. Люшера. Методика, с точки зрения авторов, позволяет выявлять потребности и мотивы, определять побуждения к конкретным видам деятельности, в частности познавательные, социальные, материальные и др.; выяснять содержание представлений человека, его переживаний; измерять его отношение к различным объектам. Испытуемым предлагалось определить, какой из стандартных

цветов теста М. Люшера лучше подходит для обозначения тех или иных понятий, например «моя профессия», «образование», «мои обязанности», «свобода», «творчество», «саморазвитие» и пр. Далее надо было разложить цвета в порядке привлекательности. Авторы анализировали понятия, попавшие в одну группу с понятиями «мое будущее», «мое настоящее», «мое прошлое» и отмеченные как наиболее приятные. В результате было выявлено, что мотивация первокурсников «ориентирована на социальные потребности», а у третьекурсников «детерминирована профессиональным и личностным (семейным) самоопределением» [13, с. 57].

Еще одна методика, которой пользовалась А.Г. Бугрименко, — «Оценка временных интервалов». «В ходе лекционных занятий через неравные интервалы времени (17, 43 и 63 минуты после начала занятия) экспериментатор просил испытуемых, не глядя на часы, отметить, сколько времени, как они думают, прошло с начала занятия» [12, с. 54]. В основе методики лежит идея, что внутренне мотивированному человеку кажется, что время течет быстрее. Расхождение между воспринимаемым и реальным временем, с точки зрения автора, отражает наличие и силу внутренней мотивации.

ВЫВОДЫ

Несмотря на все сложности применения рефлексивных методов исследования, мы считаем, что без них невозможно обойтись в периоды существенных переломов в общественной жизни, кризисов и быстрых перемен. Рефлексивные методы дают возможность более тонкой, оперативной и адекватной диагностики направленности личности респондентов.

Отсюда вытекает задача подготовки специалистов-исследователей с ориентацией на разработку и применение методик рефлексивного и проективного типа. Качество подготовки исследователей — вопрос само собой разумеющийся. Смежный вопрос — привлечение молодежи к научно-исследовательской деятельности. Людям активного молодого возраста ближе и понятнее актуальные исследовательские задачи, для них не столь остро стоит проблема эквивалентности смыслов.

Мы ни в коем случае не отвергаем возможность и необходимость использования традиционных методик, ориентированных на количественный анализ результатов. Их

неоспоримое достоинство — легкость сбора и обработки больших массивов данных. Также важно, что использование стандартизированных опросников решает проблему сравнимости результатов, полученных в разных исследованиях. Но разработка традиционных методик,

формулировки вопросов и предлагаемых вариантов ответов должны опираться на результаты, полученные качественными методами, которые в этом случае будут гораздо точнее отражать актуальные ценности и значимые мотивы респондентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь; 2004. 70 с.
2. Реан А. А. Психология изучения личности. СПб.: Изд-во Михайлова В. А.; 1999. 288 с.
3. Саганенко Г. И., Гегер А. Э. Сравнение ценностных ориентаций студентов на интервале в 10 лет: вопросы методологии и результаты. *Высшее образование в России*. 2016;(12):22–33.
4. Климчук В. А. Методики исследования внутренней мотивации. *Вопросы психологии*. 2012;(3):150–157.
5. Крушельницкая О. И., Полевая М. В., Третьякова А. Н. Мотивация к получению высшего образования у современных студентов. М.: Прометей; 2022. 182 с.
6. Трубицина Л. В. Слабоструктурированное интервью как метод качественного исследования в психологии. *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2019;12(3):72–84.
7. Носуленко В. Н. Вопросы интеграции качественных и количественных методов в психологическом исследовании. *Экспериментальная психология*. 2021;(3):4–16. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2021140301>
8. Крушельницкая О. И., Третьякова А. Н., Полевая М. В. Мотивационные приоритеты выпускников бакалавриата. *Перспективы науки и образования*. 2022;3(57):90–107. <https://doi.org/10.32744/pse.2022.3.6>
9. Севостьянов Д. А., Гайнанова А. Р. Целеполагание современных студентов: инверсивный анализ. *Высшее образование в России*. 2019;28(7):43–53. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-7-43-53>
10. Крушельницкая О. И., Полевая М. В. О ценности диплома с точки зрения студента бакалавриата. *Высшее образование в России*. 2018;(12):50–57.
11. Melanthiou Y., Thrassou A., Vrontis D. A value-based transcription of student choices into higher education branding practices. *Global Business and Economics Review*. 2017;19(2):121–126.
12. Бугрименко А. Г. Внутренняя и внешняя учебная мотивация у студентов педагогического вуза. *Психологическая наука и образование*. 2006;(4):51–60.
13. Удалова Т. Ю., Аксютин А. А. Сравнительный анализ мотивации учебной деятельности студентов-психологов первого и третьего курсов. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2021;4(2):52–60.

REFERENCE

1. Karandashev V.N. Schwartz's Methodology for Studying Personal Values: Concept and Methodological Guide. St. Petersburg: Speech; 2004. 70 p. (In Russ.).
2. Rean A.A. Psychology of the study of personality. St. Petersburg: Publishing House of Mikhailov V.A.; 1999. 288 p. (In Russ.).
3. Saganenko G.I., Geger A.E. Comparison of students' value orientations over a 10-year interval: questions of methodology and results. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2016;(12):22–33. (In Russ.).
4. Klimchuk V.A. Methods for studying intrinsic motivation. *Voprosy psihologii = Questions of psychology*. 2012;(3):150–157. (In Russ.).
5. Krushelnitskaya O.I., Polevaya M.V., Tretyakova A.N. Motivation for higher education among modern students. Moscow: Prometheus; 2022. 182 p. (In Russ.).
6. Trubitsina L.V. Weakly structured interview as a method of qualitative research in psychology. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya = Theoretical and experimental psychology*. 2019;12(3):72–84. (In Russ.).
7. Nosulenko V.N. Questions of integration of qualitative and quantitative methods in psychological research. *Eksperimental'naya psihologiya = Experimental psychology*. 2021;(3):4–16. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2021140301> (In Russ.).
8. Krushelnitskaya O.I., Tretyakova A.N., Polevaya M.V. Motivational priorities of undergraduate graduates. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Prospects for science and education*. 2022;3(57):90–107. <https://doi.org/10.32744/pse.2022.3.6> (In Russ.).

9. Sevostyanov D.A., Gainanova A.R. Goal-setting of modern students: inverse analysis. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2019;28(7):43–53. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-7-43-53> (In Russ.).
10. Krushelnitskaya O.I., Polevaya M.V. On the value of a diploma from the point of view of a bachelor's student. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2018;(12):50–57. (In Russ.).
11. Melanthiou Y., Thrassou A., Vrontis D. A value-based transcription of student choices into higher education branding practices. *Global Business and Economics Review*. 2017;19(2):121–126.
12. Bugrimenko A.G. Internal and external educational motivation among students of a pedagogical university. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*. 2006;(4):51–60. (In Russ.).
13. Udalova T. Yu., Aksyutina Z.A. Comparative analysis of the motivation of educational activity of students-psychologists of the first and third courses. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2021;4(2):52–60. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Ольга Игоревна Крушельницкая — доцент, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия
Olga I. Krushelnitskaya — Associate Professor, Cand.Sci. (Psychological Sciences), Associate Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2773-9839>
oikrushelnitskaya@fa.ru

Антонина Николаевна Третьякова — доцент, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия
Antonina N. Tretyakova — Associate Professor, Cand.Sci. (Psychological Sciences), Associate Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Finance University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6041-5705>
Автор для корреспонденции / Corresponding author
antretyakova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.04.2023; принята к публикации 10.05.2023.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 10.04.2023; accepted for publication on 10.05.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-52-58
УДК 316.334.2(045)

Номенклатура и группы интересов: эхо постсоветских реформ

А.С. Арутюнян
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется деятельность номенклатуры и групп интересов в период постсоветских реформ; выявлены особенности формирования властной вертикали в разные исторические периоды, повлиявшие на становление их ценностных ориентаций. На примере реформ советского государства описаны контуры экономического курса и, как его результат, возникновение наиболее влиятельных групп интересов. Отмечена роль культурных и территориальных факторов, влияющих на стратегии их поведения. Проанализирован сценарий постсоветских рыночных преобразований в контексте создания конкурентной экономики. Обосновывается институциональное разграничение частных и государственных интересов в целях развития экономики.

Ключевые слова: постсоветская экономика; вертикаль власти; номенклатура; группы интересов; привилегии; ценностные ориентации; лобби; реформы

Для цитирования: Арутюнян А.С. Номенклатура и группы интересов: эхо постсоветских реформ. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):52-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-52-58

ORIGINAL PAPER

The Governing Establishment and Groups of Interest: The Echo of the Post-Soviet Reforms

A.S. Arutiunian
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article analyses the activities of the governing establishment and groups of interest during the period of post-Soviet reforms. The specifics and the peculiarities of the formation of the power vertical in different historical periods that influenced the value system of the governing establishment and interest groups are elicited in the article. The economic policy and, as a result, the emergence of the most influential interest groups are outlined based on the example of the Soviet state reforms. Special attention is given to the role of cultural and geographic factors affecting the interest groups' behaviour strategies. The scenario of the post-Soviet market reforms in the context of creating the competition-based economy is analysed. The institutional differentiation of private and state interests is justified and substantiated for the purpose of economic development.

Keywords: post-soviet economy; power vertical; governing establishment; groups of interest; privileges; value system; lobby; reforms

For citation: Arutiunian A.S. The governing establishment and groups of interest: The echo of the post-soviet reforms. *Humanitarian sciences* 2023;13(3):52-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-52-58

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ

Проблема соотношения частных и государственных интересов в советской экономике никогда не была предметом широких дискуссий. Она существовала исключительно в госплановской парадигме и подразумевала соперничество ведомств в борьбе за распределение финансовых средств.

Централизованная система финансового управления громадным бюрократическим аппаратом длительное время, в условиях существовавших географических широт, являлась единственным оправданным механизмом. Здесь следует обратить внимание на то, что «ментальный дрейф» населения постсоветской России в сторону частнособственнических отношений был обоснован лишь для огра-

ниченного числа социальных групп, обладавших соответствующими навыками и квалификацией.

Первопричина заключается в том, что лишь небольшой процент населения, в силу ряда особенностей (культурных, образовательных и др.), был способен к экономической кооперации. Для остальных же участников, переживших мощнейшие преобразования социальной структуры (Февральская и Октябрьская революции в 1917 г., а также коллективизация и индустриализация 30-х гг. XX в.), подобные преобразования носили характер системных изменений. Директивная трансформация управленческих и хозяйственных структур в экономике сформировала чиновничий аппарат, стержнем становления которого был не дореволюционный статус и имущественный ценз, а положение во вновь создаваемой партийной структуре государства. Это одно из важнейших отличий процесса формирования номенклатуры от групп интересов, которые в результате привели к социальным метаморфозам при переходе к капиталистической форме хозяйствования.

ДИФфуЗИЯ ЦЕННОСТЕЙ НОМЕНКЛАТУРЫ И ГРУПП ИНТЕРЕСОВ

Функции прямого управления государством находились у верховного руководства Политбюро. В СССР к 50-м гг. XX в. начался процесс формирования вертикальных групп интересов, взаимодействующих между собой по принципу наличия или отсутствия привилегий, согласно должностной иерархии. Тут можно заметить, что «политическая сфера руководства — это практические действия по взаимоотношениям всех классов, групп, слоев населения с целью реализации системы их интересов» [1, с. 76].

На практике же ведущая функция политического руководства начала претерпевать существенные изменения. Новосибирский экономист Г.И. Ханин отмечает, что с середины 50-х гг. набирал силу процесс деградации личного состава высших руководящих кадров. Он происходил одновременно с улучшением этого состава на среднем и низшем уровнях, и поэтому его негативные последствия сказались далеко не сразу. Процесс деградации личного состава связывался с тем, что руководящая элита в лице Политбюро была крайне низко мотивирована на какие-либо изменения, напрямую касающиеся их статусных позиций в иерархии власти.

Высокий социальный статус и государственные привилегии являлись важным компенсационным звеном в условиях планового хозяйства и отсутствия частной собственности. Привилегии обеспечивали

высокие стандарты жизни: эксклюзивные условия быта, жизнеобеспечения, а также учебы и карьерных сценариев детей партийной элиты.

«Хрущевская оттепель» дала старт процессу бюрократизации и расширению производственного, аграрного, военно-промышленного и топливно-энергетического потенциала страны посредством увеличения численности номенклатуры высшего и среднего уровня. Иными словами, любой человек, «стремившийся сделать карьеру, использовал коммунистическую партию как структуру карьерного роста» [2, с. 179].

Фундаментальное отличие групп интересов, возникших на номенклатурной (должностной) почве, от тех, что появились в условиях рынка, состоит в том, что у вторых было четкое понимание, что их социальная мобильность имеет прямую зависимость от того, насколько сильно им удастся укрепить конкурентные позиции отрасли и компаний, которые они представляют.

В случае с советской номенклатурой ситуация складывалась несколько иным образом. В условиях отсутствия внешней конкуренции на внутреннем рынке манипуляции с показателями со стороны руководителей отраслевых ведомств были не таким уж редким явлением, особенно накануне перестройки. В этой связи есть множество полярных мнений на предмет эффективности существовавших механизмов развития экономики, например критика «индустриализации и коллективизации, пятилетних планов развития народного хозяйства, решений по созданию военной промышленности» [3, с. 5].

КУЛЬТУРНЫЕ И РЕСУРСНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Академик РАН, вице-президент АН СССР А.М. Румянцев отмечает, что «деятельность и ценностные установки привилегированных групп осложнялись тем, что конкретный подход к составу разных потребностей порождался также и тем, что они дифференцировались в зависимости не только от времени, но и места, национальных особенностей, климатических условий» [4, с. 36].

Логика начала формирования групп интересов согласно иерархии власти, подразумевала, что номенклатура в СССР существовала как на Крайнем Севере, так и в Ферганской долине. Разница заключается в том, что процесс ее профессионального становления был ограничен культурными и ресурсными отличиями того места, где происходило их социальное утверждение. По мнению социолога

В.А. Ядова, «цивилизационные обстоятельства, цивилизационные особенности (культура, характер социальных институтов и т.д.) не меньше, а больше влияют на экономическое развитие» [5, с. 38].

Собственно говоря, игнорирование цивилизационных особенностей, по сути, и было стратегической ошибкой при форсированном проведении демократических преобразований на всем постсоветском пространстве. В результате столь неоднозначны и результаты этих реформ. Именно номенклатура потворствовала созданию условий для появления идеологов «шоковой терапии». Основная оплошность номенклатуры заключалась в том, что она упустила возможность формирования фундаментальной основы экономического сознания среди населения.

Ресурсное разнообразие и вертикаль власти страны повлияла на определение стратегических контуров номенклатуры для последующей консолидации в группы интересов в краях и республиках. Таким образом, при выстраивании управленческих процессов в новых экономических реалиях началась репликация устоявшихся советских бюрократических практик, но уже в условиях рынка. Группы интересов с «номенклатурным» мышлением мало что изменили в сущностном содержании своей практической деятельности.

Известно, что регулирование зависит «от взаимодействия институтов и групп интересов на разных уровнях и территориях» [6, с. 110]. Эта особенность еще более резко проявилась при переходе к рынку. В результате слома социальной структуры СССР в постсоветской России начался экспоненциальный рост чиновников. Если анализировать данные численности государственных и муниципальных служащих в 2020 г. по отношению к 1994 г., то данный показатель возрос на 232%¹.

С одной стороны, это можно трактовать как индикатор возросшего престижа государственной службы, с другой стороны, допускается, что рост бюрократического аппарата в постсоветской России во многом связан с деятельностью номенклатуры (средней и низшей), так и не сумевшей интегрироваться в рыночные отношения. Возможно, эта черта советского прошлого, нашедшая свое отражение в текущей действительности.

Если говорить о культурных и ценностных стереотипах при переходе к рынку, то их ментальная составляющая нашла свое выражение в многочис-

сленных этнических конфликтах на постсоветском пространстве. Очевидно, что социальное, экономическое и политическое пространства постсоветских республик разительно отличались друг от друга. И, как следствие, возможности номенклатуры, а точнее, потенциал ее интеграции в группы интересов, был прямо пропорционален ресурсной обеспеченности территорий, представляемых ею. Отсутствие идеологического компромисса, ресурсная дифференциация, идейный разброд среди интеллигенции — все эти факторы привели к той патовой ситуации, в которую погрузилось практически все постсоветское пространство в период «демократических» преобразований.

По мнению французского социолога Р. Арона, советская политическая система столкнулась с явлением, которое он именовал «разложением политических институтов» — оно «проявляется тогда, когда система партий уже не отвечает всем группам интересов» [7, с. 135].

Схожие позиции высказываются лауреатом Нобелевской премии по экономике Д. Нортон. Он считает, что советские институты «погубил организационный эквивалент грандиозного панического изъятия банковских вкладов, когда местные чиновники поспешили завладеть своими активами, пока бюрократические двери не захлопнулись у них перед носом. Как и в случае панического изъятия вкладов, утрата доверия к институтам делает их кончину самоисполняющимся пророчеством» [8, с. 220].

ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ КАК ДЕМПФЕР РЕФОРМ

В начале 1970-х гг. XXI в. была «свернута» реформа Либермана-Косыгина. Она предполагала децентрализацию и самостоятельность предприятий. Вместо привычного показателя, такого, как эффективность, руководители предприятий фокусируют свои управленческие усилия на прибыли, рентабельности и реализации продукции. Отказ от реформы Либермана-Косыгина во многом связывается с открытием геологами залежей нефти в Западной Сибири.

Формально именно с этого момента на политическом ландшафте страны начинают активно действовать отраслевые группы интересов. Считается, что именно они усиленно лоббировали курс на сырьевую ориентацию экономики. В результате обозначается тенденция выделения средств на развитие науки по остаточному принципу. Расходы на науку традиционно занимали одно из послед-

¹ URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/097/analit02.php>; <https://rosstat.gov.ru/folder/11191>

них мест в структуре государственного бюджета СССР: в 1970–1989 гг. их доля находилась в пределах 3,4–4,5% [9, с. 33]. При этом, если обратиться к показателям финансирования науки в современной России, то ситуация носит довольно противоречивый характер. Согласно данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ доля ассигнований, направляемых на гражданскую науку из средств федерального бюджета, к расходам федерального бюджета в период 2010–2024 гг. составляла 2,5–2,9%².

К середине 80-х гг. начинается процесс сокращения государственных инвестиций в науку и происходит наращивание галолирующими темпами военных расходов. Именно в этот период обострились противоречия относительно сценариев развития экономики со стороны научных и интеллектуальных кругов СССР.

ПЕРЕДЕЛ СФЕР ВЛИЯНИЯ КАК ОСНОВНОЙ МОТИВ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ

По мнению либеральных экономистов, отсутствие института частной собственности привело к неэффективному управлению народным хозяйством, что выразилось в чрезмерной трате бюджетных средств на различные проекты и кампании. При этом надо заметить, что «водораздел» между капитализмом и социализмом определяется тем, «в чьих социально-классовых интересах, с какими социальными результатами планомерно организуется товарно-денежное хозяйство» [10, с. 30].

Население, выдавшее карт-бланш на проведение рыночных реформ, не имело представления, по какому сценарию будет реализовываться переход к новой форме хозяйствования. Необходимость преобразований в экономике не отрицалась ни интеллигенцией, ни широкими народными массами. Согласно опросу, проведенному в марте 1991 г., «росло позитивное отношение к рынку — люди увидели в нем некоторую перспективу по решению назревших проблем. Именно надежда на рынок проявилась в том, что 43% респондентов считали, что они в этих новых обстоятельствах повысят интенсивность и качество своего труда (в мае 1990 г. так считали только 26%), а 39% возлагали надежду на конкуренцию, от которой выиграют потребители» [3, с. 8].

² Финансирование гражданской науки в России и за рубежом. URL: <https://issek.hse.ru/news/741477101.html#:~:text=%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%BD%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%8E%20%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D1%83%20%D0%B8%D0%B7,35%20%D0%B4%D0%BE%20%2C53%25>

На деле рыночные реформы представляли собой передел сфер влияния между номенклатурой и группами интересов. Сценарий преобразований в России носил наиболее радикальный характер из всех возможных, они обернулись чрезвычайно негативными последствиями для общества. Известно, что «рыночные реформы результативны там, где реформаторам удается нащупать сферы и масштабы оправданного государственного участия в экономике» [11, с. 193].

По мнению член-корреспондента РАН Р.С. Гринберга, «в 90-е гг. верх взяло безответственное властолюбие элит и благодушное легкоеверие народов: наивная вера в то, что все хорошее, созданное при советской власти, сохранится, а к этому добавятся все преимущества демократий и рынка» [12, с. 289]. По мнению идеологов «шоковой терапии», переход от плановой к рыночной экономике был возможен только при использовании «ваучерной» приватизации посредством наделения суррогатными правами собственности работников и членов коллективов предприятий, кооперативов, объединений.

В постсоветской России реализация западных теорий по присваиванию политической ренты имела обратный эффект (в отличие от стран, где деятельность групп интересов регламентирована, а ее имплементация является исключительной прерогативой государства). В новообразованном государстве процесс извлечения политической ренты основывался на привилегиях, а не законодательных процедурах.

По мнению экономиста А.П. Бунича, «приватизация производилась по большей части в интересах “своих людей”». Суть была в том, чтобы конвертировать властные полномочия старой номенклатуры в контроль над собственностью и финансовыми потоками» [13, с. 16].

Иной точки зрения придерживается экономист, почетный научный руководитель НИУ ВШЭ Е.Г. Ясин, считающий, что «масса ваучеров и акций была скуплена расторопными частниками и компаниями. Это позволило им стать видными акционерами, которые старались установить контроль над предприятиями, потеснить директоров еще советского времени или наладить с ними деловые контакты» [14, с. 24]. Однако если обратиться к показателям инвестиций в основной капитал, то можно говорить о том, что транзит номенклатурных групп, выросших из «недр» отраслевых министерств и партийного аппарата, привел к возникновению отраслевых групп интересов.

По существу, их рыночная сила и сегодня определяет векторы пространственного развития страны. На *рисунке* представлена структура инвестиций в основной капитал³. На нем показан ряд групп интересов, имеющих ключевое значение для функционирования экономики страны.

Данные группы можно типологизировать следующим образом: экспортно-импортные (транспорт и хранение), рантье (операции с недвижимым имуществом), сырьевые (добыча полезных ископаемых), а также промышленные (обрабатывающие производства). Фактически показатель инвестиций, направляемый ими на обновление материально-технической базы, является своеобразным камертоном их влияния.

В частности экономист А.В. Бузгалин отмечает, что «основные права собственности на всю систему были сконцентрированы в руках узкого круга лиц, сосредоточенных в администрации экс-государственных предприятий, руководстве банков и лоббирующих структур, а также действительных хозяев дочерних частных фирм» [15, с. 58]. Трудно отрицать, что кулуарность экономических преобразований не могла не сказаться на представленных отраслевых диспропорциях, показанных на *рисунке*. Речь идет о таких сферах, как «образование» (1994–1999 гг. — 1,6%; 2000–2010 гг. — 1,9%; 2010–2020 гг. — 1,7%) и «здравоохранение и социальные услуги» (1994–1999 гг. — 2,3%; 2000–2010 гг. — 2,4%; 2010–2020 гг. — 1,7%)⁴.

Номенклатура преследовала цели личного обогащения и сохранения властных полномочий, а радикальные реформаторские группы интересов отстаивали идею экспроприации активов путем слома социально-экономической модели посредством «шоковой терапии». Ни одна из групп не связывала свои действия с созданием институциональных условий для развития конкурентной экономики, предполагающей адекватное распределение сил, ресурсов, возможностей у будущих участников рыночных отношений.

Рыночные реформы реализовывались не «социально одаренными» людьми Н. Флигстайна, а конфликтующими группами интересов, что в результате привело к распаду социальной структуры СССР,

а также к искусственному прерыванию процесса воспроизводства национальных элит, в основе которого лежала не только партийная лояльность, но и профессиональные и интеллектуальные качества. Передел сфер влияния между номенклатурой и группами интересов поспособствовал процессам системного воспроизводства некачественного человеческого ресурса. К сожалению, в ближайшей исторической перспективе не просматриваются альтернативные сценарии развития экономики за исключением сырьевого.

По справедливому замечанию академика РАН С.Ю. Глазьева, «на протяжении длительного времени и по настоящее время основные доходы получают не за счет производства, не за счет научно-технического прогресса, а за счет либо присвоения природной ренты, либо за счет занижения оплаты труда» [16, с. 23].

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Мотивом экономических и политических преобразований в постсоветской России была алчность (жажда наживы), в результате эффект для экономики оказался минимальным. Российские реформаторские «цепочки», представлявшие собой сложные формы взаимодействия чиновников и основанные по номенклатурному и отраслевому принципу, имели различные стратегии реализации интересов, но всех объединяла общая идеологическая цель — ликвидация существовавшего ранее общественного строя. Задача переориентации социалистических догм на рыночный лад была второстепенной.

Однако, несмотря на то, что коллективные ценности удалось ликвидировать (особенно среди молодежи), экономику, основанную не на принципах привилегий, создать так и не удалось.

В государствах, пропагандирующих недискриминационные формы участия социальных групп в экономике, как правило, разделение общественных и частных интересов происходит посредством законодательных процедур. Нынешняя агрессивная эволюция групп интересов в сторону рыночного фундаментализма стала возможна благодаря тому, что на протяжении последних двух десятилетий так и не был произведен раздел частных (коммерческих) и государственных (общественных) интересов.

Легитимность действий номенклатуры и групп интересов в период постсоветских реформ требует взвешенной оценки. Краеугольным камнем дискуссий по данной проблеме является социальная обоснованность курса рыночных преобразований, имевших место три десятилетия назад.

³ Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности по полному кругу организаций по 2016 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33400>; Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности по полному кругу хозяйствующих субъектов. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59048>

⁴ Там же.

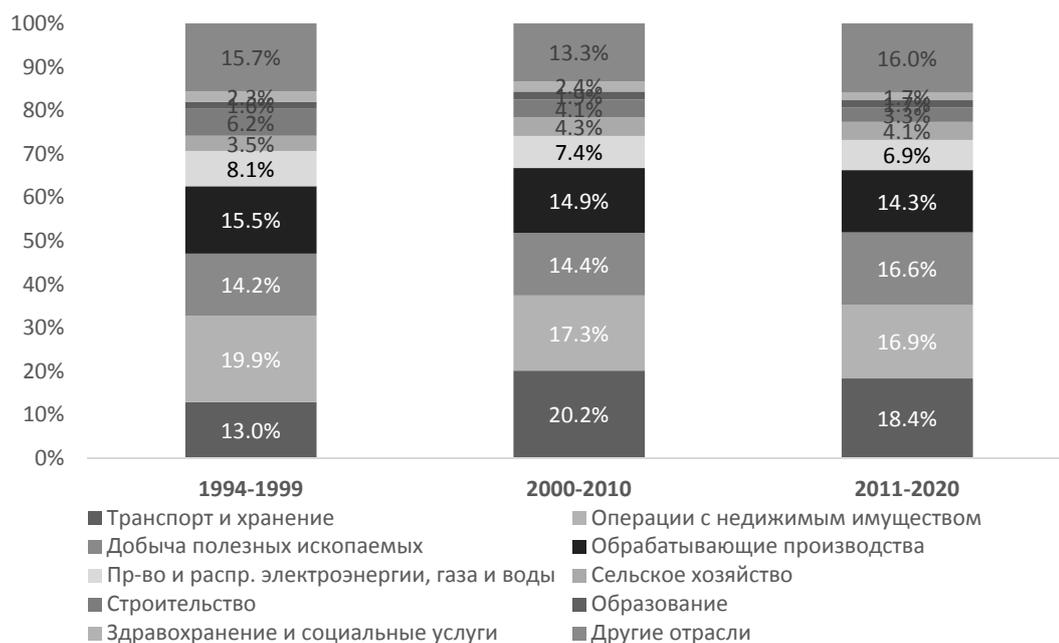


Fig. / Рис. Структура инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности по полному кругу организаций в денежном выражении, 1994–2020, % / The structure of investments in fixed capital by types of economic activities by full circle of organisations in monetary terms, 1994–2020, %

Source / Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики / compiled by the author on the basis of the Federal State Statistics Service data.

Очевидно, что данная проблема не может иметь «комфортное» решение. Учитывая высокую вероятность возникновения ревизионистских настроений (особенно в политическом и экономическом истэблшменте страны),

необходимо понимать, что для российской экономики проблема институционального разделения общественных и частных интересов — не менее важная задача, чем уход от сырьевой модели.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокин Д.Е., ред. Реализация социалистической собственности и экономические интересы. Сборник статей. М.: ИЭ; 1989.
2. Бунич А.П. Осень олигархов. История приватизации и будущее России. М.: Яуза, Эксмо; 2005.
3. Тощенко Ж.Т. Была ли рукотворной геополитическая катастрофа СССР? *Социологические исследования*. 2021;(8):3–13. DOI: 10.31857/S 013216250016071–1
4. Румянцев А.М., Бунич П.Г., ред. Экономическая реформа: ее осуществление и проблемы. М.: Политиздат; 1969.
5. Ядов В.А. Может ли Россия выйти из своей траншеи? Социология и экономика: от мифов к реальности. Материалы «круглого стола», посвященного 100-летию со дня рождения академика А.М. Румянцева. М.: Институт экономики РАН; 2005.
6. Тулаева С.А. Стратегии компаний в ситуации регулятивного плюрализма в глобальном мире. *Социологические исследования*. 2015;(8):108–118.
7. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст; 1993.
8. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. Пер. с англ. М.: Изд. Дом Гос. Ун-та — Высшей школы экономики; 2010.
9. Глазьев С.Ю., ред. Наука на пороге рынка. М.: Экономика; 1992.
10. Сорокин Д.Е. «План или рынок?» — ложная дилемма. М.: Знание; 1989.
11. Гринберг Р.С. В мире перемен. М.: Институт экономики РАН; 2006.
12. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр: ИНФРА-М; 2012.
13. Бунич А.П. Материалы к заседанию клуба «Красная площадь», 30 сентября 2005 г. М.: [б. и.]; 2005.

14. Ясин Е.Г. Как поднять экономику России. М.: Вита-Пресс; 1996.
15. Бузгалин А., Колганов А. Мы пойдем другим путем! От «капитализма Юрского периода» к России будущего. М.: Яуза: Эксмо; 2009.
16. Глазьев С.Ю. Либеральные реформы в России: правда и вымысел. М.: ГУ ВШЭ; 2006.

REFERENCES

1. Sorokin D.E., ed. Realization of Socialist Property and Economic Interests: Collection of Articles. Moscow: IE; 1989. (In Russ.).
2. Bunich A.P. Autumn of the Oligarchs. History of Privatization and the Future of Russia. Moscow: Yauza, Eksmo; 2005. (In Russ.).
3. Toshchenko J.T. Was the Geopolitical Catastrophe of the USSR Man-Made? *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2021;(8):3–13. DOI 10.31857/S 013216250016071–1 (In Russ.).
4. Rummyantsev A.M., Bunich P.G., eds. Economic reform: its implementation and problems. Moscow: Politizdat; 1969. (In Russ.).
5. Yadov V.A. Can Russia come out of its trench? Sociology and Economics: from Myths to Reality. Materials of the round table dedicated to the 100th anniversary of Academician A.M. Rummyantsev. Moscow: Institute of Economics RAS; 2005. (In Russ.).
6. Tulaeva S.A. Company Strategies in the Situation of Regulatory Pluralism in the Global World. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2015;(8):108–118. (In Russ.).
7. Aron R. Democracy and totalitarianism. Moscow: Text; 1993. (In Russ.).
8. North D. Understanding the Process of Economic Change. Translated from English. Moscow: State University-Higher School of Economics Publishing House; 2010. (In Russ.).
9. Glazyev S.Y., ed. Science on the threshold of the market. Moscow: Economics; 1992. (In Russ.).
10. Sorokin D.E. “Plan or Market?” — A false dilemma. Moscow: Znanie; 1989. (In Russ.).
11. Greenberg R.S. In the world of changes. Moscow: Institute of Economics RAS; 2006. (In Russ.).
12. Greenberg R.S. Freedom and Justice. Russian temptations of a false choice. Moscow: Magister: INFRA-M; 2012. (In Russ.).
13. Bunich A.P. Materials for the meeting of the Red Square Club, September 30, 2005. Moscow: [b. i.]; 2005. (In Russ.).
14. Yasin E.G. How to raise the economy of Russia. Moscow: Vita-Press; 1996. (In Russ.).
15. Buzgalin A., Kolganov A. We will go the other way! From the “capitalism of the Jurassic period” to the Russia of the future. Moscow: Yauza: Eksmo; 2009. (In Russ.).
16. Glazyev S.Y. Liberal reforms in Russia: truth and fiction. Moscow: GU HSE; 2006. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Армен Сергеевич Арутюнян — магистр социологии, старший преподаватель департамента социологии факультета социологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Armen S. Arutunyan — master of Sociology, senior lecturer at the Department of Sociology, Department of Sociology and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7560-4728>

armenaru@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 22.02.2023; accepted for publication on 15.03.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-59-65
УДК 94(47).032(045)

Старшинство в роду Рюриковичей: социально-культурные представления и легитимность

С.В. Алексеев

Московский государственный институт культуры, г. Химки, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена эволюции представлений о старшинстве в древнерусской династии Рюриковичей. Рассматривается преемственность высшей власти в едином Древнерусском государстве, в домонгольский удельный период, в эпоху ордынского владычества. Проанализирован характер и значимость столичной роли Киева в домонгольский период. Показано, как поступательно повышалось значение северо-восточных и юго-западных русских земель, а также описаны различия в подходах их правителей к общерусскому единству. В конце статьи сделан вывод, что, с точки зрения русского родового права, к XV столетию единственными легитимными общерусскими правителями оставались только великие князья московские и владимирские.

Ключевые слова: Древняя Русь; Рюриковичи; наследование власти; легитимность; обычное право; великое княжение; митрополия всея Руси; великое княжество Владимирское; «королевство Русь»

Для цитирования: Алексеев С.В. Старшинство в роду Рюриковичей: социально-культурные представления и легитимность. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):59-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-59-65

ORIGINAL PAPER

Seniority in the Rurikid Dynasty: Socio-Cultural Ideas and Legitimacy

S.V. Alekseev

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the evolution of ideas about seniority in the Old Russian Rurikid dynasty. The article considers the continuity and succession of the supreme power and authority in the united Old Russian state, in the pre-Mongol feudal appanage period, in the era of the Horde dominion. The nature and significance of the capital role of Kiev in the pre-Mongolian period is analyzed. The progressive growth of the importance of the northeastern and southwestern Russian lands, the differences in the approaches of their rulers to the all-Russian unity are shown. At the end of the article the conclusion is made that, from the point of view of Russian dynastic patrimonial law, by the 15th century, the only legitimate all-Russian rulers remained only the Grand Princes of Moscow and Vladimir.

Keywords: Ancient Rus'; Rurikids; inheritance of power; succession of authority; legitimacy; customary law; great principality; Metropolis of All Rus'; the great principality of Vladimir; "Kingdom of Rus'"

For citation: Alekseev S.V. Seniority in the Rurikid dynasty: Socio-cultural ideas and legitimacy. *Humanitarian sciences* 2023;13(3):59-65. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-59-65

Средневековье не знало понятия «правопреемство» в его современном смысле. Когда заходила речь о преемственности государственной власти, имелось в виду не наследование некоторой неосязаемой сущности между «государствами» и тем более «народами», а наследование земель и престолов конкретными людьми. Правопреемство было, как

правило, династическим и всегда воплощалось в конкретных, обретающих право — будь то династическое или религиозно-мистическое — лицах. В силу этого почти любые суждения о «правопреемстве» сегодняшних политий от средневековых страдают условностью. Тем не менее у ряда (даже в Европе — не большинства) современных государств действительно есть

столетия непрерывной государственной истории. Эту «эстафету» они приняли напрямую от своих традиционных предшественников.

Легитимизация власти в Древней Руси не раз становилась темой исторических исследований [1, 2]. Литература, посвященная проблемам наследования княжеских столов, их соотношения и старшинства, поистине необозрима. Цель настоящей статьи скромнее — с точки зрения основных принципов наследования и легитимизации власти в древнерусском обществе рассмотреть только проблему преемственности старшинства в роду Рюриковичей и верховной власти над Русью на протяжении XI–XV вв. В силу обстоятельств нашего времени прозрачный доселе вопрос о правопреемстве древнерусской государственности внезапно обрел дополнительную и венаучную актуальность.

Древнейший принцип, лежавший в основе княжеской власти у восточных славян (а также у всех славян, как и во многих ранних государствах мира), — право всех рожденных князьями на равное княжеское достоинство. Рожденный от князя — князь. Этот принцип по природе являлся пережитком архаического общества. Для сложившегося в X–XI вв. государства он имел ряд деструктивных последствий: удельную систему, общеродовую собственность, «лествичный» порядок наследования княжеских столов, феномен силой добывающихся законного наследства от старшей родни «князей-изгоев».

Коррекцией древнего принципа со стороны нарождающейся государственности было сложившееся уже к XI в. представление, что великокняжеский стол наследуется по «отчине и дедине», не менее чем по двум поколениям предков. Это сужало круг возможных претендентов, хотя, скорее всего, усугубляло проблему «изгоев». Впервые формула «сел в Киеве на месте отца своего и деда своего» употреблена первым агиографом Владимира Святого Иаковом Мнихом в XI в. [3, с. 425]. Это свидетельствует о том, что и молодое русское духовенство, как только это стало возможным, стремилось утвердить принцип подлинно наследственной власти, что не могло стабилизировать едва сложившееся государство и предотвратить усобицы после каждого великого княжения, но действительно ограничивало круг их активных участников.

В 1097 г., в разгар усобиц, начавшихся между внуками Ярослава Мудрого после смерти последнего из его сыновей, на Любечском съезде

князья приняли знаменитую формулу: «Каждый да держит отчину свою»¹. В этом решении, на первый взгляд, можно было бы увидеть попытку узаконения линейной передачи власти от отца к сыну во всех уделах. На самом деле контекст решения — попытка (далеко не сразу удавшаяся) остановить усобицу — указывает на гораздо более простой смысл. Князья постановили закрепить за каждым из семейств внуков Ярослава Мудрого земли, принадлежавшие их отцам («отчины»). Тем самым останавливалось насильственное перераспределение уделов, но и закреплялась (что общепризнанно в науке) удельная раздробленность Руси. Правило «отчины и дедины» теперь утверждалось и на уровне уделов, что окончательно закрепилось к середине XII в. При отсутствии прямых и законных наследников земли оказывались как бы коллективным достоянием рода и должны были быть перераспределены старшим князем с согласия родичей. По крайней мере, так обстояло дело в идеале. При этом могло учитываться и родство по женской линии — но только в пределах, пусть отдаленной, но родни по мужской.

Надо заметить, что частично любечское постановление действовало достаточно длительное время. Потомки ряда участников съезда держали владения весь XII в. (Ростиславичи в Галицкой земле) или дольше (Ольговичи — в Чернигово-Северской земле, их ближайшая родня Ярославичи — в Муромо-Рязанской, Святополчичи — в Туровской земле). Но уже при ближайшей смене киевских князей стало ясно, что к старшинству на Руси в целом, которое ассоциировалось с Киевом, этот принцип неприменим. Сыновья великого князя Святополка в 1113 г. были по умолчанию отстранены от наследования власти в охваченном беспорядками городе. Родовое старшинство по решению киевской знати и большинства влиятельных князей перешло (почти строго по сочетанию «отчины и дедины» с «лествицей») к наиболее авторитетному среди них Владимиру Мономаху. Это в дальнейшем при нем и его сыне Мстиславе Великом привело к перераспределению земель Руси в пользу Мономашичей, закрепивших за собой в итоге Смоленскую, Суздальскую и Волынскую земли.

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1997. 496 с. Стб. 266–267; Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1998. 648 с. Стб. 231.

При том, что идея столицы, «стольного города», присутствовала в сознании и даже отразилась в устной исторической памяти, она долгое время практически незаметна в княжеской титулатуре. Древнейшим был заимствованный у тюрков и употреблявшийся еще в IX в. вождями Руси титул «каган»² — так называет Владимира Святого и Ярослава Мудрого митрополит Иларион [4, с. 583, 591, 598]. Титул «великий князь русский» носили Олег, Игорь и Святослав в X в., и именно он как официальный фигурирует в русско-византийских договорах того времени [3, с. 6, 30, 58]. Усеченные формы этого титула — «князь великий» из Церковного устава Ярослава Мудрого³ и «князь русский» из «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова Мниха [5, с. 417–418]. В поминальной записи о смерти Ярослава Мудрого он назван «царем» [6, с. 14–16]. Наконец, в последней четверти XI в. появляется титул «князь (архонт) всей Руси», отраженный на печати Всеволода-Андрея Ярославича⁴. С тем и с другим титулом можно сопоставить именование Владимира «самодержцем всей Русской земли» в «Сказании о Борисе и Глебе» [7, с. 286].

Титул «великого князя Киевского» неизвестен до XII в., когда правителя Киева потребовалось отличать от других сильных владетелей, претендовавших на великокняжеское достоинство. Старшинство киевского княжения (после 1132 г. уже совершенно прозрачное) зиждилось, тем не менее, на единственном и веском основании — Киев являлся в первую очередь церковной столицей Руси. Оформление его как центра митрополии сыграло значительную роль в государственном становлении Руси как таковой. Дружинное сообщество, облагающее данью подвластные племена, нуждалось только в местах зимовий, необязательно постоянных. Пережитки такого «кочующего быта» великих князей видны еще в XI в., когда Ярослав Мудрый в первый период правления уделял Новгороду, своему прежнему уделу, не меньшее внимание, чем Киеву. Но христианская

епархия и тем более целая иерархия, образованная в новокрещенном государстве, нуждалась в постоянной столице, — что не могло не иметь политических последствий.

После смерти Мстислава Великого в 1132 г., по выражению новгородского летописца, «разодралась вся земля Русская»⁵. Начался период длительных княжеских междоусобиц, главным объектом которых изначально была, как и прежде, власть над Киевом, все еще означавшая старшинство среди соперничающей «братии». Действительно, на первых порах неизбежное падение значения переходившей из рук в руки столицы происходило при сохранении формального старшинства. На практике это означало превращение Киева в «яблоко раздора» для удельных династий, ответвившихся от разросшегося древа Рюриковичей.

Наибольшие и, следуя отчинному праву, единственно законные права на Киев имелись у трех ветвей Мономашичей — волынской (основатель — сын Мстислава Великого Изяслав), ростово-суздальской (сын Владимира Мономаха Юрий Долгорукий), смоленской (Ростислав Мстиславич). Однако, если волынские и смоленские династии продолжали участвовать в борьбе за Киев еще и в первой половине XIII в., то суздальские, а затем владимирские князья постепенно утратили к нему интерес. Поворотным пунктом здесь обычно признаются события 1169 г., когда Андрей Боголюбский не возглавил лично поход созданной им княжеской коалиции на Киев и не стал садиться в захваченном городе сам, оставив его младшему брату.

В старой историографии эти события часто рассматривались уже как «перенос столицы» во Владимир, но реальная ситуация была сложнее. С претензиями киевских князей на власть над всей Русью действительно было покончено. Например, Новгород с этого времени ориентируется больше на владимирских князей, чем на киевских. В Киеве началась «княжеская чехарда», продлившаяся около 10 лет и основательно скомпрометировавшая прежде бесспорно старший для Руси стол. Но и старшинство владимирского князя само по себе не признавалось по умолчанию, — недаром во второй половине XII в. титулы великих один за другим принимают все сильные

² Древняя Русь в свете зарубежных источников. Том III. Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке; 2009. 264 с. С. 48, 55, 58; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. IV. Западноевропейские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке; 2010. 512 с. С. 19.

³ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука; 1976. 240 с. С. 86, 110.

⁴ Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада; 1998. 502 с. С. 20–21, 115.

⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры; 2000. 720 с. С. 28.

князя. Сами правители Владимиро-Суздальского княжества, не «сажаясь» в Киеве сами, тем не менее периодически отправляли туда младших родичей, как бы фиксируя свое присутствие.

Главным возмутителями спокойствия, чьи претензии на Киев взламывали сложившуюся традицию и возбуждали новые конфликты, являлись черниговские князья из рода Святослава Ярославича. Их родоначальники Олег и Давыд Святославичи признали старшинство Владимира Мономаха, однозначно поддержав его в 1113 г., и никогда не княжили в Киеве. Однако Всеволод Ольгович и Изяслав Давыдович позднее захватывали киевский стол явочным порядком, опираясь только на право сильного. Наконец, прославленный в «Слове о полку Игореве» Святослав Всеволодович, один из самых искусных политиков своего времени, имея права на Киев только по «отчине» (благодаря отцовской узурпации), ссылаясь на то, что по матери является внуком Мстислава Великого⁶. Эта новация являлась полным отступлением от общепринятого родового права и дополнительно подрывала авторитет занятого Святославом стола (хотя и не его личный).

Два западнорусских княжеских дома — галицкие Ростиславичи и полоцкие Всеславичи — не имели прав на Киев и не пытались им завладеть, почти не участвуя напрямую в усобицах за него. Галицкое и Полоцкое княжества первыми, еще в XII в., стали строиться как независимые «королевства», признанные в этом качестве как западными соседями, так и (Галич) Византией. Это однако означало отказ от возможного старшинства на Руси. Даже галицкий Ярослав Осмомысл, чье могущество позволяло ему претендовать на общерусское старшинство, никогда таких претензий не выдвигал. Только после того, как Галичем в 1199 г. завладел волынский князь Роман Мстиславич, княжество оказалось втянуто в борьбу вокруг Киева.

Между тем, уже к концу XII в. отрыв признаваемого большинством князей старшинства от киевского стола стал свершившимся фактом. Святослав Всеволодович к концу своего княжения, самого продолжительного и стабильного в Киеве после 1132 г. (благодаря компромиссу со смоленским претендентом Рюриком Ростиславичем), уже почти безоговорочно признавал как минимум равноправие с могущественным

Всеволодом Большое Гнездо. После смерти Святослава Всеволод «посадил», по утверждению его придворного летописца, Рюрика в Киеве — отправил посольство утвердить его на столе⁷. Впрочем, летописец самого Рюрика об этом унижительном для его суверена факте умолчал⁸.

Сын Всеволода, Юрий Всеволодович, не обладал мощью и общерусским авторитетом отца, но все равно признавался сильнейшим среди русских князей, если и не «старшим» в правовом смысле. Сила владимирского князя была особенно очевидна на фоне полувековой усобицы, разразившейся на юге с конца XII в., — сначала вокруг Киевского, а затем и Галицкого княжения. Владимирская Русь приняла в ней незначительное участие, тогда как все остальные княжеские дома оказались втянуты основательно. Права на Киев (кроме права сильного) перед монгольским нашествием оставались крайне запутанными. На некогда общую столицу могли претендовать с равными основаниями смоленские, черниговские, владимиро-суздальские, галицко-волыньские князья. Представители всех этих домов успели побывать на киевском столе в первые четыре десятилетия XIII в.

Монгольским ханам, желавшим наладить управление завоеванной Русью, важно было разобратся в проблеме старшинства. Ключевыми фигурами, вызывавшимися для разбирательств по этому поводу и подтверждения зависимости в Орду и Каракорум в 1240-х гг., были Михаил Всеволодович Черниговский (мученически погибший в Орде), Даниил Романович Галицкий, Ярослав Всеволодович Владимирский (а позже, после его отравления в Каракоруме, его сыновья). Все они почти поочередно владели Киевом накануне его разорения войсками Бату в 1240 г. и представляли сильнейшие княжеские дома, имевшие права на общерусское старшинство.

В 1243 г. Бату утвердил старшинство за Ярославом с недвусмысленной формулировкой: «Ярослав, будь ты старшим из всех князей в русском языке»⁹. В Киеве в середине 1240-х гг. сидел наместник Ярослава Дмитр Ейкович¹⁰. Гибель

⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1998. 648 с. Стб. 578.

⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1997. 496 с. Стб. 412.

⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1998. 648 с. Стб. 681.

⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1997. 496 с. Стб. 470.

¹⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1998. 648 с. Стб. 806.

Ярослава ввиду интриг противников Бату в Каракоруме общей ситуации не изменила. В 1248 г. при том же дворе великого хана Русь была формально поделена между Ярославичами: «приказали Александру Киев и всю Русскую землю, а Андрей сел во Владимире на столе»¹¹. Александр в разоренном Киеве, однако, оставаться не стал, а в 1252 г. занял владимирский престол, в связи с чем Киев уже нигде не упоминается¹².

Монгольское разорение окончательно решило судьбу древней столицы. После краткого пребывания Александра в 1249 г. известно об эпизодическом княжении в Киеве различных мелких князей из рода чернигово-северских Ольговичей. Никаких претензий на старшинство над Русью они, естественно, не высказывали. Даже роль церковной столицы теперь становилась все более условной. Митрополиты, начиная с Кирилла III (1250–1281), все больше времени проводили на северо-востоке. В 1299 г. «митрополит Максим, не терпя татарского насилия, оставил митрополию и сбежал из Киева, и весь Киев разбежался, а митрополит пошел к Брянску, а оттуда пошел в Суздальскую землю со всем своим добром»¹³. Этому примеру один за другим следовали его преемники — Петр (с 1309 г. — во Владимире, с 1325 г. — в Москве), Феогност (в Москве — со своего утверждения в 1328 г.). Показателен пример митрополита Киприана, возведенного на престол вопреки воле московского князя при жизни московского митрополита Алексия, но добивавшегося примирения и своего переезда в Москву, каковой и состоялся окончательно в 1390 г.

Характерна редкость упоминания Киева в русских летописях второй половины XIII — начала XIV в. Во Владимирском летописном своде (Лаврентьевская летопись) о Киеве после монгольского разорения речь заходит дважды — в связи с прибытием Александра из Орды и бегством митрополита Максима¹⁴. В новгородском летописании этого времени Киев тоже упоминается только дважды — когда речь идет о поставлении там Кириллом III нового новгородского архиепископа в 1276 г. и в связи с кончиной самого Кирилла в 1281 г. (он умер в Переславле-Залес-

ском, а погребен был в Киеве)¹⁵. Особенно же бросается в глаза эпизодичность упоминаний Киева в Галицкой (Ипатьевской) летописи. Этот южнорусский свод, помимо упомянутого пребывания в Киеве наместника Ярослава (при котором в городе проездом был Даниил Галицкий), отмечает также несбывшийся план Даниила завладеть Киевом во время войны с вождем Переяславской орды Куремсой¹⁶. Даже церковная роль Киева южнорусского летописца не интересовала.

Позднее Киев в составе Великого княжества Литовского, хотя и начал оправляться после десятилетий разора, превратился в обычный удельный город. Это в немалой степени объясняло нежелание митрополитов в нем жить. Утрата столичного статуса как в Церкви, так и в государстве, стала свершившимся фактом. Власть над Киевом для общерусского старшинства больше не значила ничего.

Особой страницей в истории древнерусской государственности и политического преемства от домонгольской Руси является «королевство Русь» Даниила Романовича Галицкого и его преемников. Еще до официальной коронации 1253 г., в 1247–1248 гг., папа Иннокентий IV именовал Даниила «королем Руси». Разница особенно заметна в послании третьей стороне — братии Тевтонского ордена — где упомянут как «король» Даниил, так и «герцог Суздальский» Александр [8, с. 356–360]. Принятие королевского титула явилось наиболее (если не единственно) значимым результатом попыток Даниила, признавая власть Орды и не принимая католичество, тем не менее лавировать между Ордой и Западом.

Сын, внук и правнук киевских князей, праправнук Мстислава Великого Даниил, несомненно, имел традиционные права на общерусское старшинство, равные правам князей северо-востока. Несколько раз он пытался эти права реализовать, — в первую очередь пытаясь утвердиться на киевском столе. Но при этом ни Даниил, ни тем более его преемники не рассматривали Киев в качестве столицы. Они пытались удержать контроль над ним как над старым церковным центром, в том числе выдвигая или поддерживая удобные кандидатуры на митрополию. Однако неготовность «королей»

¹¹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1997. 496 с. Стб. 472.

¹² Там же. Стб. 473.

¹³ Там же. Стб. 485.

¹⁴ Там же. Стб. 472, 485.

¹⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры; 2000. 720 с. С. 323–324.

¹⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры; 1998. 648 с. Стб. 838.

обеспечивать митрополию должным образом приводила к тому, что даже поддержанные ими митрополиты уходили из Киева на север. Партикуляризм Галицкой Руси, отсутствие у ее правителей реального желания быть «королями (всей) Руси» и наследниками домонгольских князей хорошо заметны в галицкой части Ипатьевской летописи. Если Киев и Чернигов почти исчезают с ее страниц после монгольского нашествия, то Смоленск и Суздаль в тот же период упомянуты лишь по одному разу, а о Новгороде не упоминается совершенно еще с первого десятилетия XIII в. «Королевство Русь» фактически замкнулось в своих границах, даже не пытаясь соответствовать своему названию.

Традиции наследования, начавшие складываться в связи с пресечением местного княжеского рода в Галиче и отличавшие его от остальной Руси, уже в XII в. допускали возможность занятия престола иноземцами. Этим пользовались венгерские Арпады и польские Пясты, не раз пытавшиеся утвердиться в Галиче по соглашению с местным боярством. Порывавший с русской династической традицией, к тому же полученный от папы королевский титул усиливал соблазн отказа и от русских традиций родового наследования. Во время усобиц первой половины XIII в. соблазн этот был пресечен, благодаря чему в итоге Галич и достался Даниилу. Однако в XIV в. он реализовался — и самым роковым для судеб «королевства» образом.

После пресечения или, по другой версии, низложения боярами прямой линии потомков Даниила в 1323 г. на престол князя Галицкого и «короля Руси» был возведен мазовецкий князь Юрий-Болеслав, праправнук Даниила по линии матери, имевший права на престол только по «дедине». После его смерти в 1340 г. разразилась так называемая война за Галицкое наследство между Польшей и Литвой, в которой обе стороны претендовали на Галич по свойству, игнорируя русское родовое право. В итоге войны Вольнь досталась литовцам, Галич («королевство Русь») — Польше. Ликвидация «королевства Руси» Ягеллонами в 1434 г. с включением его земель в польский королевский домен фактически являлась признанием того факта, что никаких легитимных прав на власть над Русью они не имеют, и за-

конная преемственность власти здесь прервана.

Одновременно с литовско-польским завоеванием западнорусских земель в первой половине XIV в. на оставшемся под властью Рюриковичей северо-востоке шла борьба за старшинство, теперь воплощаемое владимирским великокняжеским столом, между Москвой и Тверью. Следует признать, что права тверских князей являлись более традиционными, апеллировали к «отчине и дедине». Московский князь Даниил Александрович не пережил своего старшего брата, великого князя Андрея, и «отчины» детям обеспечить не мог. Но права Москвы были связаны с фигурой Александра Невского — уже высоко чтимого (житие было написано почти сразу после смерти князя) родоначальника московского дома, а также последнего, кто был действительно общерусским князем, княжил и в Киеве, и во Владимире. В этой связи важнейшим фактором легитимизации власти московских князей стал фактический перенос митрополитом Петром митрополии в Москву. Это делало Москву действительной правопреемницей домонгольского Киева и главой «всей Руси» — превыше меняющихся настроений ордынских ханов и превыше ограниченных Владимиром отчинных прав тверских князей.

Благодаря отказу тверского князя Михаила Александровича от прав на великокняжеский престол (1374 г.) в пользу Дмитрия Ивановича Московского, будущего Донского, других претендентов на старшинство в роду Рюриковичей и правопреемство от древних великих князей уже в следующем поколении не осталось. Единственными наследниками возводившейся ко временам Рюрика и Олега власти являлись теперь великие князья Московские и Владимирские, потомки Александра Невского. В XV в. это уже прямо не оспаривалось никем из их соперников на севере и северо-востоке Руси и принималось как факт даже западнорусскими Рюриковичами (и Гедиминовичами), искавшими в конце XV в. у Ивана Великого защиту от католической экспансии и несправедливостей польско-литовских Ягеллонов. Традиция русской православной государственности, заложенная святыми Ольгой и Владимиром, продолжалась в наступившую эпоху только в Москве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Плотникова О. А. Генезис и легитимизация института княжеской власти в древнерусском обществе VI–XII вв. М.: Национальный институт бизнеса; 2010. 310 с.

2. Соловьев К.А. Властители и судьи: легитимация власти в древней и средневековой Руси. IX — первая половина XV в. М.: Университетский гуманитарный лицей; 1999. 250 с.
3. Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб.: Издательство Олега Абышко; 2008. 576 с.
4. Иларион, митрополит. Слово о Законе и Благодати. Памятники литературы Древней Руси. М.: Художественная литература; 1994.
5. Зимин А.А., ред. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. М.: Государственное издательство юридической литературы; 1952. 304 с.
6. Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М.: Наука; 1964. 96 с.
7. Милютенко Н.И., ред. Святые князья-мученики Борис и Глеб. Исследование и тексты. СПб.: Издательство Олега Абышко; 2006. 432 с.
8. Матузова В.И., Назарова Е.А. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. М.: Индрик; 2002. 488 с.

REFERENCES

1. Plotnikova O.A. Genesis and legitimization of the institution of princely power in the Old Russian society of VI–XII centuries. Moscow: National Institute of Business; 2010. 310 p. (In Russ.).
2. Solov'ev K.A. Rulers and Judges: Legitimization of Power in Ancient and Medieval Russia. IX — first half of the XV century. Moscow: University Humanities Lyceum; 1999. 250 p. (In Russ.).
3. Milyutenko N.I. Holy Prince Vladimir and the Baptism of Russia. St. Petersburg: Publishing house Oleg Abyshko; 2008. 576 p. (In Russ.).
4. Hilarion, Metropolitan. Word on the Law and Grace. Monuments of the Literature of Ancient Rus'. Moscow: Art literature; 1994. (In Russ.).
5. Zimin A. A., ed. Monuments of Russian Law. Vol. 1. Monuments of the law of the Kiev state X–XII centuries. Moscow: State edition of legal literature; 1952. 304 p. (In Russ.).
6. Rybakov B.A. Russian dated inscriptions XI–XIV centuries. Moscow: Nauka = Science; 1964. 96 p. (In Russ.).
7. Milyutenko N.I., ed. Holy martyred princes Boris and Gleb. Study and texts. Saint Petersburg: Publishing house of Oleg Abyshko; 2006. 432 p. (In Russ.).
8. Matuzova V.I., Nazarova E.A. Crusaders and Russia. The end of the XII-th century — 1270 Moscow: Indrick; 2002. 488 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Викторович Алексеев — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и исторического архивоведения, Московский государственный институт культуры, г. Химки, Россия; председатель, Историко-просветительское общество «Радетель», Москва, Россия

Sergey V. Alekseev — Dr Sci. (History), Professor, Professor of the Department of History and Historical Archival Studies, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia; Chairman, Historical and Educational Society “Radetel”, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7513-2695>

ipo1972@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-66-71
УДК 93:340(045)

Становление и политизация российской преступности на рубеже XIX–XX веков

А.Б. Шатилов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме формирования организованной преступности в дореволюционной России в контексте политических, социально-экономических, морально-нравственных и идеологических трансформаций рубежа XIX – начала XX в. Автор анализирует причины всплеска криминальной активности в этот период, специфику существования воровского мира и его приоритеты, процесс организационного становления криминальных сообществ, их «правила игры» и иерархию. Отдельно исследуется вопрос о взаимодействии «уголовных» и «политических», их тактических и стратегических альянсах, о влиянии атмосферы идеократии на политизацию преступного элемента в последние десятилетия существования Российской империи.

Ключевые слова: преступность; политизация; Российская империя; криминал; воровское сообщество; революционное движение; сепаратизм

Для цитирования: Шатилов А.Б. Становление и политизация российской преступности на рубеже XIX–XX веков. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):66-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-66-71

ORIGINAL PAPER

Formation and Politicisation of Russian Crime at the Turn of the XIX–XX Centuries

A. B. Shatilov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of formation of organised crime in pre-revolutionary Russia in the context of political, socio-economic, moral and ideological transformations of the turn of the XIX – early XX centuries. The author analyses the reasons for the surge of criminal activity in this period, the specifics of the thieves' world and its priorities, the process of organisational formation of criminal communities, their "rules of the game" and hierarchy. The question of the interaction between "criminal" and "political", their tactical and strategic alliances, the influence of the atmosphere of ideocracy on the politicisation of the criminal element in the last decades of the Russian Empire is studied separately.

Keywords: crime; politicisation; Russian Empire; criminal; thieves' community; revolutionary movement; separatism

For Citation: Shatilov A. B. Formation and politicisation of Russian crime at the turn of the XIX–XX centuries. *Humanitarian sciences.* 2023;13(3):66-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-66-71

Невзирая на то, что криминальные сообщества, банды, ватаги и шайки в Российской империи существовали издавна, тем не менее, именно на рубеже XIX–XX вв. произошло становление организованной преступности. Более того, под влиянием внутренних и внешних обстоятельств происходит ее политизация и, в некоторых случаях, сращивание с политическими организациями, преимущественно протестного и оппозиционного толка.

Что же привело к такому подъему криминалитета на излете царской России? На данный процесс повлиял целый ряд факторов.

Во-первых, как ни парадоксально, существенно повлияло освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 г. Как нередко бывает в истории (и не только нашей страны), «прекраснодушные» реформы, задуманные, казалось бы, ради всеобщего благополучия, в итоге либо проваливаются, либо приводят

к неоднозначным результатам, либо дают серьезные побочные эффекты. Так было и с преобразованиями Александра II, большинство из которых оказались импульсивными и во многом способствовали раскачке и так пребывавшей в кризисном состоянии политической системы. В том числе это касается и вопросов оргпреступности. Освобождение крестьян сопровождалось, с одной стороны, существенным кризисом принципов общинности в российской деревне, с другой — мировоззренческими, социальными и культурными деформациями. В частности, «Великая реформа» (как ее было принято тогда называть) привела к значительным миграционным сдвигам — сельская молодежь в массовом порядке подалась в города. Однако далеко не всем удалось «покорить» город и успешно натурализоваться там. Очень многие, не найдя достойной работы и заработка, уходят в криминал и пополняют ряды преступности [1]. Более того, в некоторых случаях в городах возникают шайки, сформированные по принципу землячества.

Во-вторых, конец XIX — начало XX в. ознаменовались бурным развитием капиталистических отношений и урбанизацией. Все это создавало условия для роста материалистических настроений и погони за наживой. Соответственно, в российском обществе тех лет возникает культ богатства, благосостояния и материальных ценностей. Параллельно под влиянием такого рода тенденций идет постепенное разрушение традиционного патриархального уклада российского «общества», пересмотр его ценностных приоритетов и «обмирщение» жизни. Религиозные принципы, ранее во многом сдерживавшие криминальные инстинкты, перестают работать, все большее число подданных Империи задаются вопросом: «Тварь ли я дрожащая или право имею?». Все это также ведет к расширению преступного мира и даже к выработке им своей жизненной «философии», созвучной раннекапиталистическим трендам политического и социально-экономического развития.

В-третьих, в большинстве стран мира, в том числе в России, сохраняется колоссальный уровень социального расслоения и неравномерности распределения благ, ресурсов и возможностей. «Низы» являются практически бесправными и социально уязвимыми. Весьма

узок «привилегированный круг», социальные лифты и лестницы практически отсутствуют или только начинают выстраиваться. Все это также провоцирует криминальные настроения в народе, тем более что идеи «правды» и «справедливости» традиционно являются «визитной карточкой» русской политической культуры [2]. Поэтому в некоторых случаях преступники этого периода мотивировали свою незаконную деятельность либо стремлением к равенству, либо невозможностью по-иному добиться успеха в жизни. Иногда появлялись банды, главари которых играли в «робин гудов», оказывая дозированную помощь простолюдникам и добиваясь тем самым у них популярности и содействия в рамках круговой поруки [3].

В-четвертых, начиная со второй половины XIX столетия в России неуклонно растет протестная активность. Несмотря на то что ее публичное выражение было неравномерным (сопровождалось «взлетами» и «падениями»), нерешенность базовых социальных вопросов вкупе с прямой или косвенной подрывной антигосударственной деятельностью внешних сил и собственной элиты (интеллигенции, бюрократии, части дворянства и купечества) усиливали нестабильность и ослабляли державные устои. При этом и власть (особенно при Александре II и Николае II) была весьма непоследовательна в своей политике, не обладала стратегическим видением ситуации и не могла адекватно реагировать на вызовы эпохи. Соответственно, протестные настроения в российском обществе находили выражение либо в политической оппозиции (в диапазоне от сторонников «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова, кадетов и октябристов до нигилистов, народников, эсеров и большевиков), либо в криминальной деятельности. Более того, расширению преступности способствует либерализация законодательства (с середины XIX в. смертная казнь за уголовные преступления не применяется), а также проникновение принципов гуманизма в общественную среду. Последнее приводило к тому, что суды присяжных зачастую оправдывали или смягчали наказание закоренелым преступникам, рассматривая их как «жертву социальных обстоятельств», например, знаменитой С. И. Блювштейн (Сонька Золотая Ручка).

В-пятых, определенное влияние на формирование и распространение организован-

ной преступности в этот период имел научно-технический прогресс. С одной стороны, рубеж веков получил в научной литературе определения «эпохи толп» и «восстания масс», поскольку в социально-политической жизни тогда были весьма популярны коллективистские и лидерские тенденции, так что выстраивание достаточно многочисленных, структурированных и иерархических преступных сообществ не было удивительным. С другой стороны, достижения НТР расширяли диапазон, специализацию и даже инновационность криминальной деятельности. В начале XX в., например, появляются первые случаи использования уголовниками для своих нужд автомобилей и аэропланов. Справедливости ради нужно отметить, что параллельно растут возможности и уголовного сыска, который также взял на вооружение многие достижения науки того времени (дактилоскопия, баллистика, токсикология и пр.).

Помимо роста числа преступлений и консолидации преступности, можно отметить ряд важных обстоятельств, влиявших на криминальную конъюнктуру в России на рубеже XIX–XX вв.

В первую очередь это специализация представителей воровского мира. Они постепенно переходят от преступлений «широкого профиля» к целенаправленной работе на отдельных направлениях. Так возникают и оттачиваются воровские специализации («торбовщики», «городушники», «клюквенники», «стекольщики», «банщики», «мойщики», «марвихеры», «хипесники», «медвежатники», «шниферы», «фармазонщики» и пр.). При этом самыми неуважаемыми воровскими «кастами» оказываются «мокрушники» и «конокрады». И если «душегубство» (особенно «необязательное») осуждалось в силу непреодоленности религиозного начала («не убий»), то конокрадство — в силу социальной принадлежности большинства воров и бандитов к крестьянскому сословию. Кроме того, вокруг воровских сообществ и «малин» формируется «вспомогательная среда» в лице нищих, старьевщиков, проституток, торговцев краденным, бродяг, офеней и другого околоскриминального элемента, который оказывал различного рода услуги «фартовым» в диапазоне от сбыта добычи до второстепенного участия в кражах и грабежах.

Одновременно в начале XX в. выстраивается внутренняя бандитская иерархия. Появляются «Иваны», «Машки», «есаулы» и прочие криминальные статусы и звания. На каторге была своя иерархия — «Иваны», «храпы», «жиганы», «игроки» и «шпанка». Известный русский журналист и писатель того времени Влас Дорошевич писал: ««Иваны» представляли из себя нечто вроде «рыцарского ордена». «Иван» был «человеком слова». Сказал — значит, будет. Сказал убьет, — убьет...» [4]. Более того, были и отдельные «топовые» лидеры преступного мира, которых называли «Иванами Ивановичами» и которые вели практически конспиративное существование.

Наряду с организационным оформлением преступной деятельности, начало XX столетия становится временем завершения создания «блатной музыки», криминального арго («фени»), служащего для определения «своих-чужих», а также для безопасного общения в кругу непосвященных. Также имела место стигматизация профессиональных преступников через «портки» (татуировки), которые представляли собой своего рода символическое досье на их обладателей. Кроме того, невзирая на то, что дореволюционные уголовники стремились по возможности дистанцироваться от «политических», в определенной степени политизация коснулась и их. В частности, в воровской среде постепенно возникает идея «криминальной автономии» и своей «альтернативности» государству, которая впоследствии, уже в советский период, оформится в особый воровской кодекс («понятия»).

Также «визитной карточкой» рубежа XIX–XX вв. становится «всесословность» криминальной деятельности, вовлечение в нее представителей привилегированных классов и социальных групп. Были среди «благородных преступников» и свои знаковые персоны. Так, например, в 1870-х гг. было раскрыто уголовное сообщество «Клуб червонных валетов», которое промышляло крупным мошенничеством (например, одному из «валетов», П. Шпейеру, даже удалось «продать» знакомому англичанину дом московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова [5]) и фальшивомонетничеством. В итоге по делу «Клуба» под суд были отданы 45 человек, из которых 27 относились к дворянскому сословию. Еще более громкую криминальную славу

снискал знаменитый авантюрист конца XIX — начала XX в. «корнет Савин», дворянин Николай Герасимович Савин, уволенный в 1874 г. с гвардейской службы за кражу бриллиантов из оклада иконы великой княгини Александры Иосифовны. После этого он стал авантюристом международного масштаба, действовал как в Европе, так и в Америке. Самыми громкими его делами стала чуть было не удавшаяся попытка под гарантии привлечения финансирования стать князем (фактически главой) Болгарии, а также афера в США, где, представившись графом де Тулуз Лотреком, он собрал с американских промышленников крупную сумму за право стать главным инвестором строительства Транссибирской магистрали¹. Были и другие «криминальные таланты» высокого уровня — генеральша Ольга фон Штейн, депутат II Государственной думы от Тверской губернии Алексей Кузнецов, процветающий петербургский ювелир Мовша Шиф и пр.

Преступность в начале XX в. настолько выросла и окрепла, что создала свои особые зоны и криминальные анклавы практически во всех крупных городах Российской империи. Так, в столице недоброй славой пользовались районы Вяземской лавры и Лиговки. В Москве существовала Хитровка — настоящий криминальный «заповедник», который удалось ликвидировать лишь в 1920-е гг. при помощи войск ОГПУ, также проблемными являлись районы Марьиной Рощи и Трубной площади. Были свои неблагополучные территории и в других центрах — Одессе, Киеве, Ростове-на-Дону, Варшаве, Тифлисе и пр. Иногда в криминальных деяниях было задействовано население целых населенных пунктов, например жители-староверы подмосковного села Гуслицы. Вот как их характеризовал в своем очерке В. А. Гиляровский: «Жители многих гуслицких деревень, привыкшие жить без работы, — мастера пускаться на всевозможные аферы: от делания фальшивых денег до воровства включительно. После первого незаконного, но сильно развитого промысла, второе место занимает хождение с “викторками” и “малашками”... “Викторкой” называется фальшивое свидетельство, выданное будто бы от волостного правления, на сбор подаяния по городам и селам,

в пользу погоревших или пострадавших от голода и неурожая... Главными жертвователями бывают богатые раскольники... “Малашками” называются написанные на настоящих бланках фальшивые паспорта на чужие имена, но с приметам лица, которому даются. Аферисты запасаются каждый пять-шестью “малашками”, являются в город, нанимаются в услужение и при удобном случае жестоко обкрадывают хозяина» [6].

Как уже говорилось выше, уголовный мир Российской империи стремился дистанцироваться от взаимодействия с оппозиционными политическими силами. Во-первых, «фартовые» не доверяли революционерам, справедливо считая, что для последних они являются расходным материалом и временными попутчиками. Во-вторых, принципы воровского мира были ориентированы на достижение внутренней автаркии и игнорирование любой связи с государством и обществом. В-третьих, главари бандитских сообществ не видели для себя особой пользы от сотрудничества с «политическими», полагая, что в этом случае они столкнутся с мощным давлением всего государственного аппарата империи. Более того, в России того времени лишь политические преступления карались смертной казнью, тогда как уголовникам это наказание не грозило ни в каком случае, даже при совершении кровавых и зверских деяний.

Однако деградация политической системы Российской империи вкупе с ростом общественного недовольства периодически приводили к тактическим союзам революционеров с бандитами. Чаще всего такого рода контакты касались совместных акций по экспроприациям, контрабанды оружия и нелегальной литературы, изготовления фальшивых документов, незаконного пересечения границы и т. п. Кроме того, деятельность радикальных оппозиционеров играла на руку преступному миру. Так, например, события 1905–1907 гг. заставили власть практически отказаться от борьбы с уголовниками и переключить свое внимание на противодействие «пламенным революционерам». Явно на руку оргпреступности играл и персональный террор, развязанный в начале XX в. эсерами и другими радикальными партиями в отношении «силовиков»: только в период октября 1905 — апреля 1906 г. погибли около 700 служащих МВД,

¹ URL: <https://kulturologia.ru/blogs/260717/35412/>

в основном полицейские и городовые². Как справедливо отмечает в своей диссертации С. А. Бушуева: «Революция наглядно показала, что ослабление государства, бессилие власти создают максимально благоприятные условия для криминальной активности, причем как уголовников, так и революционеров. К примеру, в Москве за 1905–1908 гг. количество зарегистрированных преступников увеличилось почти в два раза (с 85 184 чел. в 1905 г. до 169 575 чел. в 1908 г.). Сила криминальной инерции была столь велика, что подавление революции и вхождение страны в полосу политической реакции не смогли остановить рост уголовной преступности. В 1908–1913 гг. число дел в общих судах (работавших по наиболее серьезным преступлениям) увеличилось на 18%, в мировых судах — на 28%, в уездных — на 31%, в городских — на 29%. В среднем по стране здесь ежегодно рассматривалось около 2,5 млн дел» [7].

Кстати, в начале XX в. появляются первые примеры политизации «уголовных» и их перехода от криминальной к революционной деятельности. В этом плане примечателен пример разбойника-революционера А. М. Лбова, развернувшего в Пермской губернии в 1906–1908 гг. настоящую партизанскую войну против местных властей.

В некоторых регионах Российской империи наблюдалось сращивание уголовной преступности с сепаратистским движением. Особенно это касалось Царства Польского и Финляндии, где местный криминальный мир активно поддерживал движение за независимость,

а местные чиновники из числа «латентных сепаратистов» чинили своим «общероссийским коллегам» препятствия в розыске и выдате преступников, в том числе уголовников. Серьезной проблемой царского режима было и абречество, широко распространенное тогда в Закавказье и на Северном Кавказе. В этом плане можно вспомнить, что знаменитый грузинский поэт Илья Чавчавадзе был убит в 1907 г. в результате нападения грабителей. По некоторым данным, вполне прагматичные контакты с закавказским преступным миром имели лидеры местных большевистских боевиков И. В. Сталин (Коба) и С. А. Тер-Петросян (Камо). На Северном Кавказе в этот период весьма активно действовала банда Зелимхана Гушмазукаева (Зелимхана Харачоевского), которая в 1905–1913 гг. активно противодействовала царской администрации в Чечне и Ингушетии. Примечательно, что абрек З. Гушмазукаев поддерживал контакты с российскими анархистскими группировками и даже иногда пользовался их символикой.

Подводя итог, следует констатировать, что период конца XIX — начала XX в. в Российской империи характеризовался оформлением и подъемом организованной преступности. Это стало следствием общего кризиса политической и социальной системы, а также целого ряда иных объективных и субъективных обстоятельств. Более того, уже тогда наблюдается пересечение интересов уголовного мира с «политическими» и даже определенная политизация воровского мира, которая лишь усилится в связи с революционными событиями 1917 г. и начавшейся затем Гражданской войной.

² URL: <https://dzen.ru/a/XvGNJAU1G3HNwV-5>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богомолов И. К. Город в позднеимперской России. *Труды по русистике*. 2021;(8):109–121.
2. Вилков А. А. Ценность социальной справедливости в политической культуре России. *Межрегиональные Пименовские чтения*. 2010;(7–1):252–259.
3. Кошко А. Ф. Очерки уголовного мира Царской России. М.: Захаров; 2001.
4. Дорошевич В. Каторгa. Преступники. URL: <https://www.livelib.ru/book/93775/read-katorga-prestupniki-vlas-doroshevich/~50>
5. Огороков В. Клуб Червонных Валетов. URL: <https://proza.ru/2021/07/11/204>
6. Бутаков Я. Гуслицы: тайная республика староверов в Подмоскoвье. URL: <https://cyrillitsa.ru/narody/91978-guslicy-taynaya-respublika-starovero.html>
7. Бушуева С. А. Борьба с уголовной преступностью в России (1907–1914 гг.). Дисс ... канд. истор. наук. М.: Московский педагогический государственный университет; 2009. 206 с.

REFERENCES

1. Bogomolov I. K. City in Late Imperial Russia. *Trudy po rossievologii = Works on Russian Studies*. 2021;(8):109–121. (In Russ.).
2. Vilkov A. A. The value of social justice in the political culture of Russia. *Mezhregional'nye Pimenovskie chteniya = Interregional Pimenovskie readings*. 2010;(7–1): 252–259. (In Russ.).
3. Koshko A. F. Sketches of the criminal world of Tsarist Russia. Moscow: Zakharov; 2001. (In Russ.).
4. Doroshevich V. Penal servitude. Criminals. URL: <https://www.livelib.ru/book/93775/read-katorga-prestupniki-vlas-doroshevich/~50> (In Russ.).
5. Okorokov V. The Black Jacks Club. URL: <https://proza.ru/2021/07/11/204> (In Russ.).
6. Butakov Ya. Guslitsy: the secret republic of the Old Believers in the Moscow region. URL: <https://cyrillitsa.ru/narody/91978-guslitsy-taynaya-respublika-starovero.html> (In Russ.).
7. Bushuyeva S. A. The struggle against criminality in Russia (1907–1914): Cand. Sci. in History — Synopsis of the thesis. Moscow: Moscow Pedagogical State University; 2009. 206 c. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Борисович Шатилов — кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия; главный научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва, Россия

Aleksandr B. Shatilov — Cand. Sci. (Political sciences), Professor, Dean of the Department of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia; Chief Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>
ashatilov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.04.2023; принята к публикации 15.05.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 20.04.2023; accepted for publication on 15.05.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-72-78
УДК 327.51(045)

Милитаризация постсоветской Украины как фактор современного международного кризиса

Д.Л. Цыбаков^а, И.К. Василенко^б

^а Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, Химки, Россия;
^б Донецкий национальный университет, Донецк, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье проводится исследование милитаризации внешней и внутренней политики постсоветской Украины как движущей силы кризиса современных международных отношений. Обосновывается формирование национально-государственной модели украинского милитаризма в период 1991–2022 гг. Анализируются идейно-политические предпосылки генезиса украинского милитаризма и его взаимосвязь с идеологическими учениями экстремистского толка. Рассматриваются этапы милитаризации украинского государства, на основании чего делается вывод о формировании новых вызовов политической стабильности в Восточной Европе в XXI столетии. Аргументируется необходимость концептуального закрепления представлений о милитаризации политики Украины в доктринальных документах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: милитаризм; милитаризация; национализм; международные отношения; национальная безопасность; международный кризис; Стратегия национальной безопасности

Для цитирования: Цыбаков Д.Л., Василенко И.К. Милитаризация постсоветской Украины как фактор современного международного кризиса. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):72-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-72-78

ORIGINAL PAPER

Militarisation of post-Soviet Ukraine as a Factor of the Modern International Crisis

D.L. Tsybakov^a, I.K. Vasilenko^b

^a The Academy of Civil Protection of the EMERCOM of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailik, Khimki, Russia;
^b Donetsk National University, Donetsk, Russia

ABSTRACT

The article studies the militarisation of the foreign and domestic policy of post-Soviet Ukraine as the driving force of the crisis of modern international relations. The article substantiates the formation of the national-state model of Ukrainian militarism in the period 1991–2022. The ideological and political prerequisites of the genesis of Ukrainian militarism and its relationship with extremist ideological doctrines and teachings are analyzed in the article. The stages of militarisation of the Ukrainian state are considered, on the basis of which the conclusion is made about the formation of new challenges to political stability in Eastern Europe in the XXI century. The necessity of conceptual consolidation of ideas about the militarization of Ukraine's policy in the doctrinal documents of ensuring the national security of the Russian Federation is argued.

Keywords: militarism; militarisation; nationalism; international relations; national security; international crisis; National security strategy

For citation: Tsybakov D.L., Vasilenko I.K. Militarization of post-Soviet Ukraine as a factor of the modern international crisis. *Humanitarian sciences.* 2023;13(3):72-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-72-78

АКТУАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ

В 2022–2023 гг. система современных международных отношений оказалась перед лицом полномасштабного кризиса, не имеющего аналогов после окончания «холодной войны». Стремление Российской Федерации преодолеть разрушительные последствия геополитической катастрофы после распада СССР закономерно вело к конфликту с новыми мировыми гегемонами. Обращает на себя внимание достаточно ангажированное восприятие внешней и внутренней политики России со стороны зарубежного и некоторой части отечественного экспертного сообщества. Пытаясь обосновать наличие тенденций милитаризации политической системы постсоветской России, сторонники такой точки зрения упускали из виду, что современный милитаризм представляет собой комплексный, универсальный и транснациональный феномен, обладающий в то же время национально-государственным и историческим многообразием [1, с. 191]. На реалии политического процесса в Российской Федерации с разной степенью обоснованности экстраполировались положения англосаксонской научной мысли, достаточно подробно описывающей процессы милитаризации общества [2, р. 12]. Наряду с оправданной констатацией имманентности милитаристского потенциала российской государственности, делались не вполне аргументированные выводы относительно отсутствия внешних вызовов и угроз для постсоветской России со стороны западного сообщества [3, с. 204].

Опасность для поступательного развития Российской Федерации в большинстве исследований первого десятилетия XXI столетия связывалась в первую очередь с международным терроризмом и экстремизмом. Однако большинство экспертов из разных научных школ, признающих потенциальную возможность будущей конфронтации РФ с США и НАТО, практически не обращали внимания на проявления милитаризации со стороны стран СНГ.

Актуальность затронутой проблемы подчеркивается в первую очередь экспансионистской направленностью украинского милитаризма в XXI столетии, который укрепляет свою внутреннюю легитимность и международную субъектность. На протяжении 2021–2022 гг. кардинально изменились позиции таких лидеров «единой Европы» как ФРГ, Франция, Италия, которые ранее не демонстрировали открытой поддержки наращиванию военно-политического потенциала Киева. Благодаря оказанию прямой помощи украинским властям в противостоянии с Российской Федерацией усилились процессы милитаризации евроатлантического сообщества, его

наднациональных структур и институтов. В политикуме большинства стран Европы, Северной Америки, многих государств Латинской Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона отношение к конфликту на Украине стало критерием идейно-политического размежевания ведущих акторов социальных отношений.

На основании приведенной аргументации можно сделать вывод о появлении в первом десятилетии XXI в. новой национально-государственной разновидности милитаризма, возникшей после распада Советского Союза на территории бывшей Украинской ССР. В зависимости от различных критериев при типологизации милитаризма научное знание опирается в первую очередь на формационный, идеологический и цивилизационный подходы [4, р. 177]. В контексте настоящего исследования наиболее востребованным представляется цивилизационный подход, на основании которого украинский милитаризм может быть выделен в отдельную национально-государственную форму по аналогии с прусским, японским, американским или британским милитаризмом.

В свою очередь, активная, деятельностная сторона милитаризма выражается в процессах милитаризации. Из существующих определений этого явления наиболее релевантными представляются следующие трактовки: социальное, политическое и военное воспроизводство; воспроизводство государства через военные ценности и идентичности; популяризация фактора насилия государства в мировоззрении его граждан и через их социальную активность [5, р. 483]. Таким образом, милитаризацию не следует сводить исключительно к материальным и технологическим приготовлениям и интеграции военной элиты с политической системой, как это было принято у некоторых исследователей [6, с. 11]. Рассматриваемый процесс распространяется и на социокультурную и национальную идентичность, этику, мораль, способы существования и видения окружающего мира.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ УКРАИНСКОГО МИЛИТАРИЗМА

Прежде всего, необходимо рассмотреть идейно-политические основания милитаризации политики на Украине. Наличие тесной взаимосвязи между определенными идеологиями и милитаристскими проявлениями обосновано в работах ряда авторов, например известного исследователя из США Э. Бассевича [7, р. 82]. В свою очередь, российскими учеными аргументировано, что различные вариации

националистических доктрин лежали в основе суверенизации бывшей Украинской ССР еще в период 1980–1990-х гг. [8, с. 96].

Современный украинский идеологический спектр после 2014 г. схематично представлен тремя основными идейно-политическими течениями: этнический национализм, политический национализм, неонацизм. У них есть некоторые специфические отличия, обусловленные региональными и социокультурными факторами.

Этнический национализм, основанный на примитивном толковании «чистоты нации», опирается на ментальные установки населения Галиции и частично Волыни, которые оформились в рамках униатской конфессии. Главный идеологический лозунг этнических националистов — это культ коллаборации периода Второй мировой войны, которой пытаются придать псевдопатриотическую трактовку. Адепты этнического национализма прочно заняли нишу идеологов и «духовных наставников» общества. Таким образом, подтверждается мнение экспертов о повышении значения в неконвенциональных конфликтах общественных институтов [9, с. 121]. *Политический национализм* на постсоветской Украине охватывает ареал центральных областей страны. Ставший в период 1990–2020-х гг. знаменем зонтичного «днепропетровского клана», он «перехватил» предпочтения социально активных сограждан и прочно закрепился в системе официальной пропаганды. *Неонацизм* как системный фактор общественно-политических отношений постсоветской Украины проявил себя преимущественно после 2014 г. Социальной базой течения являются юго-восточные области, ранее традиционно тяготеющие к России. Его отличает ставка на откровенный «белый расизм» и «неоязыческое сектанство». Все три версии современного национализма опираются на очевидную милитаристскую доминанту. Для галицийских этнократов характерно оправдание подпольно-террористического движения 1920–1950-х гг. Политические националисты строят социокультурную идентичность на образе днепровского казачества как средневекового «рыцарства», в пропаганде которого эксплуатируется архетип японских самураев. Неонацисты объявляют себя наследниками воинских корпораций Средневековья, формируя псевдоисторическую мифологию преемников скандинавских викингов и фашистских организаций XX в.

Ранее существовавшая ориентация доктрин националистического толка на конфликт с иными этносами оказалась в значительной мере нивели-

рована тем обстоятельством, что в составе нового украинского государства в 1990-х гг. оказались исторические русские земли. Новороссия и Слобожанщина составляли примерно половину территорий (при этом наиболее экономически и культурно развитых), оказавшихся под властью Киева после 1991 г. Причем эти регионы по крайней мере со второй половины XVIII в. были вполне органично интегрированы в состав ядра имперской, а затем и советской государственности. В результате между постсоветскими Россией и Украиной сложились предпосылки для раскола скорее не по принципу «метрополия-колония», а по линии «одна часть метрополии — другая часть метрополии».

Ввиду этого объективно возникало противоречие между двумя векторами: сотрудничество и солидарность либо же конкуренция или противоборство опорных частей былого цивилизационного монолита. Баланс между названными перспективами постепенно смещался в пользу конфронтационного варианта, будучи предопределен нарастающей эрозией идейно-политического и политико-экономического фундамента исторической Большой России.

ПЕРИОДЫ МИЛИТАРИЗАЦИИ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИКИ 1990–2020 ГГ.

Именно отмеченными выше соображениями можно объяснить стремление украинского руководства в максимально ускоренном темпе нарастить свой милитаристский потенциал в период суверенизации новых независимых государств СНГ. Закономерно, что администрация президента Л. Кравчука фактически сорвала проект создания единых Вооруженных сил под эгидой Содружества Независимых государств, организовав присвоение войсковых частей, соединений и объединений бывшей Советской Армии в 1991–1992 гг. Заметим, что процесс милитаризации постсоветской Украины происходил весьма противоречиво, поскольку в распоряжении Киева оказался такой военный и технологический потенциал, который был явно избыточен для реальных возможностей бывшей союзной республики. Наряду с другими государствами СНГ Украина оказалась в условиях масштабной деиндустриализации, естественным образом ограничивающей материальные и технологические перспективы той модели милитаризации, что постепенно утверждалась в стране.

Другим весомым фактором отката процесса милитаризации Украины стала стратегия российского руководства, направленная на умиротворение и односторонние уступки своему юго-западному соседу. Среди них: признание внутренних адми-

нистративных границ СССР в качестве государственных, отказ от поддержки ирредентистских устремлений русской общины бывшей Украинской ССР, отсутствие реакции на фактическую ликвидацию политико-территориальной автономии Крыма, осуществленную Киевом в 1996 г. В результате был подписан и в 1998 г., после длительных, многомесячных дебатов в Государственной Думе, ратифицирован Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Украиной.

В данном контексте необходимо также учитывать фактор внешнего влияния держав — бенефициаров нового мирового порядка. И российские, и украинские элиты в период суверенизации 1990-х гг. в значительной степени ориентировались на мнение, а во многих случаях — на прямые директивы западных партнеров. Следствием чего можно назвать участие российской стороны в Будапештском меморандуме 1994 г., согласно которому президент США, глава Британского правительства и присоединившийся к ним президент Российской Федерации декларировали обеспечение суверенитета бывшей Украинской ССР и невмешательство в ее внутренние дела (что было нарушено англосаксонскими гарантами во время организации «померанчевой революции» 2004 г. и при совершении государственного переворота в Киеве в ноябре 2013 — феврале 2014 г.).

Еще раньше, в 1992–1993 гг., позиция США сыграла решающую роль в склонении Л. Кравчука и его окружения к участию в программе ядерного разоружения, которая под международным контролем реализовывалась с участием Белоруссии, Казахстана и Украины.

Равным образом фактор зарубежного влияния прослеживается и при обстоятельствах подготовки и ратификации Договора о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Украиной 1998 г. Создается ощущение, что утверждение соглашения в российском парламенте могло состояться на фоне смягчения международными организациями условий для преодоления финансового краха Российской Федерации в августе 1998 г.

В итоге, убедившись в отсутствии активных внешнеполитических стратегий Москвы в ближнем зарубежье, украинский политический класс не видел необходимости в дальнейшей последовательной милитаризации общества. Поэтому после прихода к власти президента Л. Кучмы, поддержанного пророссийскими избирателями Юго-Востока, и достижения уступок со стороны российского руководства, курс на милитаризацию украинской политики к концу 1990-х гг. был фактически свернут.

Одновременно со снижением перспектив противостояния с Российской Федерацией украинский милитаризм получил определенную подпитку со стороны внешних сил, будучи втянутым в военно-политическое сотрудничество с США, блоком НАТО и его сателлитами из числа государств Восточной Европы. Украинские военные и полицейские контингенты принимали участие в миротворческих операциях и поддержании оккупационного режима в Югославии, Афганистане и Ираке в составе действующих под патронажем Вашингтона международных коалиционных сил. В то же время происходило приобщение граждан Украины к различным негосударственным проявлениям милитаризации постиндустриального типа, включая вербовку в многочисленные частные военные компании и группировки наемников, законную и нелегальную торговлю вооружениями и военными технологиями.

С «оранжевой революции» 2004 г. имеет смысл вести отсчет *второго этапа милитаризации* украинской политики. Во многом его наступление было связано с внешним фактором — продолжением реализации концепции «двойного расширения НАТО». Апогеем этого этапа стала поддержка командой президента В. Ющенко агрессии режима М. Саакашвили против Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 г. В указанный период внешнеполитическая активность Киева опиралась прежде всего на проект ГУУАМ¹, в рамках которого предпринимались попытки реформирования региональной безопасности постсоветского пространства под эгидой США.

Авантюризм команды В. Ющенко и ее несостоятельность во внутриполитических вопросах обусловили очередной откат в процессе милитаризации Украины, который пришелся на период правления В. Януковича, нацеленного на лавирование между Западом и Россией. Отношения с Российской Федерацией были вновь нормализованы, результатом чего стали Харьковские соглашения 2012 г, урегулировавшие спорные вопросы экономического сотрудничества во взаимосвязи с учетом интересов России в оборонной сфере. Однако общая недееспособность, коррумпированность и идеологическая несостоятельность украинской государственности спровоцировали системный кризис и государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г. Последовавшая вслед за этим «Русская весна», воссоединение Крыма и Севастополя с Российской Федерацией,

¹ Альянс ряда государств СНГ — Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана, Молдавии.

провозглашение Донецкой и Луганской народных республик привели к обвальному всплеску национализма и наступлению *третьей фазы* милитаризации общества и государства в соседней стране.

Наиболее опасные проявления милитаризма после 2014 г. охватили различные сферы социальной жизнедеятельности Украины. В концептуальном обеспечении государственной политики приняты решения об отказе от внеблокового статуса Украины, отменены статьи конституции о международном нейтралитете и запрете размещения на своей территории иностранных военных баз, декларирована необходимость союза с Североатлантическим альянсом, а в 2019 г. объявлено об отказе от продления Договора о дружбе и сотрудничестве с Российской Федерацией.

В военно-стратегическом аспекте приняты и реализованы планы военной оккупации республик Донбасса, разработаны варианты полномасштабной войны с Российской Федерацией. В идеологической и информационной сферах в 2014–2015 гг. завершено формирование образа врага в виде русских граждан Украины, уроженцев ЛДНР, сформировано представление об исторической России как экзистенциальной угрозе для существования украинского общества. В экономической области отмечается кратное возрастание военных расходов, возобновление научно-конструкторских разработок и военных производственных комплексов. В социальной сфере сложилась специфическая маргинальная агрегация, пропитанная русофобскими настроениями и существующая за счет обслуживания милитаристской политики правящего режима, подавления инакомыслящих, перманентного социального террора. В политической сфере имеет место деформация политической системы: легальный статус получили военизированные группировки радикалов и экстремистов, многие из которых пополнили ряды парламентских партий и общественных движений.

Международная обстановка в Восточной Европе принципиально изменилась после прихода к власти в США представителей Демократической партии. С этого момента кардинально преобразилась стратегия администрации В. Зеленского, до того времени использовавшего имидж «президента мира». Четвертый этап милитаризации украинской государственности, берущий свое начало с 2021 г., представляет собой открытую и наиболее выраженную угрозу национальной безопасности России. Правящему режиму Киева удалось мобилизовать ресурсы социума на идеологической русофобской основе и нарастить возможности военно-политического

экспансионизма для отторжения новых регионов Российской Федерации. Военная организация государства приобретает все большее значение в системе властных отношений. Возникают предпосылки для установления в недалеком будущем прямой или опосредованной военной диктатуры украинского образца. Ввиду нацеленности украинских властей на продолжение военных действий правительства и политические субъекты поддерживающих Киев европейских государств фактически становятся заложниками его амбиций.

ПОСЛЕДСТВИЯ МИЛИТАРИЗАЦИИ УКРАИНЫ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Итогом радикализации украинского общества и политической системы страны стало построение новой модели милитаризма, особая опасность которой заключается в оформлении как внутренней, так и внешней формы милитаризации.

Ситуация усугубляется практически состоявшейся интеграцией Украины в глобальную систему милитаризма постиндустриального мира, что означает превращение киевского режима в передовой эшелон евроатлантического гегемонизма. Последний во многом подпитывается положениями современного «либерального интернационализма», детально исследованного в работах Э. Уильямса. Указанная доктрина оправдывает насилие для создания мирового сообщества «цивилизованных народов». Заметим, что иные идеологические концепты, функционировавшие в идейной сфере Украины в 1990–2000 гг., после «Евромайдана» 2013–2014 гг., постепенно были вытеснены радикальными идейно-политическими доктринами и не имеют сегодня устойчивой социальной базы и последовательных сторонников [10, p. 21].

Подобным образом со стороны евроатлантистов обеспечено идеологическое оправдание для ресурсной, военно-технологической, информационной и политико-дипломатической поддержки украинской милитаризации. В результате на востоке Европы формируется крупнейший эпицентр военно-политической конфликтности, где концентрируются крупные войсковые группировки НАТО, модернизируется военная инфраструктура, наращиваются возможности транснационального ВПК, функционирует «интернационал» наемников и частных военных контракторов.

Особая роль в описанном развитии событий принадлежит правительству Польской Республики, в рваншистских целях формирующему антироссийский

и антибелорусский военно-политический альянс с украинскими властями. Таким образом, в Восточной Европе конституируется дочерний по отношению к Североатлантическому союзу, но юридически не связанный с ним военно-политический блок. Это объединение имеет гибридный, комбинированный характер. Его стержневыми элементами выступают Польша и Украина, а контуры направленной против Москвы и Минска коалиции дополняют такие страны, как Литва, Латвия и Эстония, обеспечивающие информационно-пропагандистское и дипломатическое сопровождение данного проекта. Со стороны украинских официальных лиц предпринимаются также попытки втягивания в экспансионистские планы правительства унионистов Молдавии, поводом для чего выбран «приднестровский вопрос».

Уникальность ситуации в том, что украинский милитаризм не только следует в фарватере ведущих мировых держав, но и одновременно служит катализатором процесса мировой милитаризации, из-за своей авантюрной политики представляя угрозу для единого пространства безопасности Восточной Европы. Именно значительная автономия украинского милитаризма и национализма от тех внешних сил, которые опекали и поддерживали антироссийский курс Киева, служит одной из предпосылок и наиболее выраженным источником нарастающего кризиса современного миропорядка.

Заметим, что украинский милитаризм не обладает прочным историческим фундаментом, основанным на иллюзорных, но откровенно шовинистических и антигуманных идеологических постулатах. Именно из-за сращивания милитаристских и националистических проявлений народ Украины в 2013–2022 гг. оказался в условиях внутреннего вооруженного конфликта, фактически гражданской войны. Последовавшее вслед за этим открытое столкновение с Россией принесло огромные лишения украинскому обществу, которое во многом утратило производительную экономику, понесло существенные демографические потери, погрузилось в обстановку морального кризиса и коллективной психической деградации. Не вызывает сомнения, что

в случае компромисса с национальными интересами Российской Федерации этих потерь и утрат удалось бы избежать, равно как и предотвратить опасный кризис международных отношений.

ВЫВОДЫ

Таким образом, украинский милитаризм в XXI столетии максимальными по историческим меркам темпами превратился в один из факторов развития международных отношений в Восточно-Европейском регионе. Следует признать, что экспертное сообщество Российской Федерации не уделяло в последние годы должного внимания милитарному сектору социальных отношений в соседней стране. Вне развернутого анализа оказались такие проблемы, как нарастание радикализма не только в политической, но и в социальной сфере Украины, когда активистский потенциал граждан оказался деформирован и канализован в сторону политики милитаризма.

Длительное время официальные лица Российской Федерации пытались наладить прагматическое сотрудничество с рядом общественных деятелей, не скрывавших своих националистических убеждений и оправдывавших милитаристские приготовления Киева; делались официальные призывы к сотрудничеству с военными кругами Украины. Итогом этого стали системные дефекты российской политики на украинском направлении.

Назрела необходимость в принятии новой редакции Стратегии национальной безопасности России, а также внесении дополнений в содержание таких доктринальных документов, как Концепция внешней политики, Доктрина информационной безопасности, Стратегия экономической безопасности, а также в нормативную базу противодействия терроризму и экстремизму. Необходимая корректировка методологического инструментария национальной безопасности и теории международных отношений должна способствовать решению практических задач и представлению обоснованных рекомендаций при решении актуальных проблем российской внешней политики в XXI столетии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мельков С.А. Герменевтика современного милитаризма: размышления политолога. *Власть*. 2013;(1):191–192.
2. Lasswell H. *Essays on the garrison state*. New Brunswick, NJ; London: Transaction Publishers; 1997.
3. Гольц А.М. Время милитаризма. *Отечественные записки*. 2005;5(26):195–204.
4. Joana J., Mérand F. The varieties of liberal militarism: A typology. *French Politics*. 2014;(12):177–191.
5. Bickford A., *Militarism and Militarization*, Anthropology. International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences, Second Edition. Vol. 4. Oxford: Elsevier; 2015.
6. Клямкин И.М., ред. Российское государство: вчера, сегодня, завтра. М.: Новое издательство; 2007. 624 с.

7. Vacevich A. The New American Militarism. How Americans are Seduced by War. Oxford — New York; 2005. 270 p.
8. Ланцов С.А. Украинский национализм как дестабилизирующий фактор на евразийском пространстве: некоторые аспекты генезиса. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2014;(15):124–131.
9. Мищенко И.Е. Футурология милитаризма: основания и опыт социокультурного прогнозирования. *Человек. Культура. Образование*. 2021;2(40):137–140.
10. Williams A. Liberalism and war: the victors and vanquished (The new international relations). New York, London: Taylor and Francis Group, Routledge; 2006. 263 p.

REFERENCES

1. Melkov S.A. Hermeneutics of modern militarism: reflections of a political scientist. *Vlast' = Power*. 2013;(1):191–192. (In Russ.).
2. Lasswell H. Essays on the garrison state: New Brunswick, New Jersey; London: Transaction Publishers; 1997.
3. Golts A.M. The Burden of Militarism. *Otechestvennye zapiski = Domestic notes*. 2005;5(26):195–204. (In Russ.).
4. Joana J., Merand F. Varieties of liberal militarism: A typology. *French politics*. 2014;(12):177–191.
5. Bickford A., Militarism and militarization, anthropology. International Encyclopedia of Social and Behavioral Sciences, second edition. Vol. 4. Oxford: Elsevier; 2015.
6. Klyamkin I.M., ed. The Russian state: yesterday, today, tomorrow. Moscow: New Publishing house; 2007. 624 p. (In Russ.).
7. Vacevich A. The New American militarism. How Americans are seduced by war. Oxford — New York; 2005. 270 p.
8. Lantsov S.A. Ukrainian nationalism as a destabilizing factor in the Eurasian space: some aspects of genesis. *Evrasijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika = Eurasian integration: economics, law, politics*. 2014;(15):124–131. (In Russ.).
9. Mishchenko I.E. Futurology of militarism: foundations and experience of socio-cultural forecasting. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = A Human. Culture. Education*. 2021;2(40):137–140. (In Russ.).
10. Williams A. Liberalism and War: Winners and Losers (New International Relations). New York, London: Taylor and Francis Group, Routledge; 2006. 263 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Дмитрий Леонидович Цыбаков — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России, Химки, Россия

Dmitry L. Tsybakov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Khimki, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8240-6415>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
d413839@yandex.ru

Игорь Константинович Василенко — кандидат юридических наук, доцент, Донецкий национальный университет, Донецк, Россия

Igor K. Vasilenko — Cand. Sci (Law), Associate Professor, Donetsk National University, Donetsk, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7505-9950>
fcl.jur@donnu.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.04.2023; принята к публикации 20.05.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.04.2023; accepted for publication on 20.05.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-79-85
УДК 327.2(045)

Этапы отчуждения Украины от России: проектный анализ*

С.А. Бутырина^а, М.М. Симонова^б

^а Московский государственный университет спорта и туризма, Москва, Россия;

^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрен проектный анализ особенностей различных этапов политических конфликтов. Процесс возникновения и развития конфликтных ситуаций на политическом поприще соответствует определенному логическому порядку. Именно с помощью структурности можно обозначить определенные фазы и этапы конфликтов. Авторами проведен анализ процесса создания и реализации проекта политического конфликта на Украине, определены основные этапы его осуществления, показана роль его исполнителей и инвесторов. В работе рассмотрены этапы создания образа врага украинского народа в лице России (агрессора) и внедрение этого образа в сознание простых украинцев.

Ключевые слова: проектный анализ; конфликт политический; инвесторы проекта; исполнители проекта; этапы реализации проекта; отчуждение Украины от России

Для цитирования: Бутырина С.А., Симонова М.М. Этапы отчуждения Украины от России: проектный анализ. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):79-85. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-79-85

ORIGINAL PAPER

Stages of Alienation of Ukraine from Russia: Project Analysis**

S.A. Butyrina^a, M.M. Simonova^b

^a Moscow State University of sports and tourism, Moscow, Russia;

^b Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article considers a project analysis of the peculiarities of different stages of political conflicts, features of various phases of the dynamics of political conflicts. The process of the emergence and development of conflict situations in the political field corresponds to a certain logical order. It is with the help of structural order that it is possible to designate certain phases and stages of conflicts. An analysis of the process of creating and implementing a project of a political conflict in Ukraine has been carried out, the main stages of its implementation have been identified, and the role of project executors and investors has been shown in the article. The article considers the stages of creating the image of the enemy of the Ukrainian people represented by Russia (the aggressor) and the introduction of this image into the minds of ordinary Ukrainians.

Keywords: project analysis; political conflict; project investors; project executors; project implementation stages; alienation of Ukraine from Russia

For citation: Butyrina S.A., Simonova M.M. Stages of alienation of Ukraine from Russia: Project analysis. *Humanitarian sciences* 2023;13(3):79-85. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-79-85

ВВЕДЕНИЕ

Политические конфликты, как и все прочие, всегда начинаются с замысла проекта, создающего конкретным субъектом и предполагающего наличие инвестора. Конкретный проект всегда

имеет руководителя (генерального подрядчика), участников реализации (соисполнителей, субподрядчиков), своеобразный «временный творческий коллектив» (ВТК). У него есть строго определенная иерархия (т.е. подчиненность

* Статья посвящена памяти заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова Григория Николаевича Бутырина.

** The article is dedicated to the memory of the Honored Professor of Moscow State University named after M.V. Lomonosov Grigory Nikolaevich Butyrin

© Бутырина С.А., Симонова М.М., 2023

исполнителей руководству), этапы исполнения, календарный план или сетевой график, специально разработанная технология реализации и смета (бюджет) расходов.

Проекты политических конфликтов не оформляются в соответствии с принятыми международными стандартами, а их исходные документы [протоколы о намерениях, договоры на производство работ, открытие финансирования и финансовый план, сметы расходов, приемка и сдача этапов, протоколы заседаний исполнителей (ВТК), заключения экспертов о ходе реализации этапов проектов] всегда строго засекречены или завуалированы. Попытки общественных организаций, гражданского общества, СМИ сделать проект публичным, раскрыть цели и задачи исполнителей и соисполнителей практически никогда не удаются. Успешность и результативность исполнения проектов политических конфликтов в полной мере обусловлена уровнем заинтересованности инвестора, его финансовой мощи и внутреннего состояния объекта конфликта. Поэтому реализация проекта напрямую зависит от оценок экспертами его жизнеспособности и ситуационного анализа реализуемости, так как каких-либо формализованных методик по расчету осуществимости проектов политических конфликтов не существует.

Проектный анализ этапов политических конфликтов предполагает следующую последовательность действий:

- определение участников и их ролей в конфликте: провокаторов и активистов, организаторов, пассивных сторонников, посредников (консультантов, организаторов специальных лагерей для тренингов и обучения активистов);
- изучение мотивации организаторов и их объяснений причин конфликта, (которые будут почти всегда не адекватны истинным причинам);
- анализ повода (предлога) для конфликта, т.е. того события, которое ему предшествовало и которое может быть специально подстроено;
- обнаружение и анализ интересов конфликтующих сторон;
- цели участников конфликта (что хотят решить инициаторы конфликта);
- объективные и субъективные причины конфликта;
- этапы конфликта и определение того, на какой стадии он находится в настоящее время;

- анализ стратегии и тактики участников конфликта;
- характеристика эмоционального фона конфликта;
- определение круга вопросов, по которым возможно частичное урегулирование конфликта;
- определение того, на какой основе возможно снижение остроты конфликта (компромисс, одностороннее подавление, компенсации).

Проекты современных политических конфликтов, создающихся мировыми державами, как правило, не корреспондируются с Уставом ООН. Так было в Ираке, Ливии, Сирии, а также на Украине, в Молдавии, Абхазии и Южной Осетии. Во всех этих случаях четко просматривается страна — автор замысла проекта конфликта, а также одни и те же исполнители, инвесторы, посредники, способ страхования в форме военной помощи, соисполнители, стандартный и лживый PR и пропаганда в пользу зачинщиков.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Проект отчуждения Украины от России в новейшей истории появился не случайно. Он существует уже давно, но каждый раз возникает вновь как суперактуальный. Замысел проекта текущего конфликта и его конкретное осуществление реализуется мощными политическими силами: государственным департаментом США, украинскими диаспорами в Америке и Канаде, президентами и правительствами Украины разных лет, националистическими и профашистскими силами в Западной Украине при содействии Польши, Прибалтийских республик, стран ЕС и НАТО.

Идеологической основой этого проекта стали работы Р. Конквеста, А. Кулиша, И. Ветвицкого, В. Базилевского, И. Слобожанина, Ф.М. Хохитвы, Н. Мелешко, Б. Гонты, Д. Чуба, О. Мороза, комитета «Украинского Братства св. Владимира»¹ [1–6], бандеровских лидеров, представителей украинской диаспоры в Канаде и США; труды современных украинских историков-националистов об исторической роли мифических «укров», «которые не имели ничего общего с московской Русью и никогда не были братьями», так как их разделяла, по их мнению, цивилизационная про-

¹ The great famine in Ukraine 1932–1933. The Ukrainian Orthodox Brotherhood of St. Volodymyr. Toronto. The Ukrainian Orthodox Brotherhood of St. Volodymyr 1988:146.

пасть; а также современные американские технологии профилизации общественного сознания жителей Украины для формирования образа врага в лице «путинской России». Исполнители и идеологи данного проекта врали и продолжают врать, что голод на Украине обладал всеми признаками геноцида [7]. В 2008 г. Генеральная ассамблея ООН не признала факт геноцида украинского народа в форме искусственного голода, за что проголосовало абсолютное большинство стран и только 17 (в том числе Украина, США и Канада) не согласились с таким решением.

Начиная с 1995 г. согласовывались участники украинского проекта, определялись его цели и задачи, были обозначены основные результаты. Украина, в существующих на то время границах, должна была стать ассоциированным членом ЕС, партнером США и вступить в НАТО. Актуальность проекта, с точки зрения США, выражалась в разрушении основ Русского мира, отчуждении Украины от России, устранении каких-либо внешних факторов в укреплении США в Восточной Европе как безоговорочного мирового лидера и снижении роли России в этом регионе. Именно так видел суть этого проекта Ф. М. Хохитва², один из лидеров украинской диаспоры в Канаде, издатель книги «Великий голод в Україні 1932–1933»³ [4]. Свой вклад в этот проект украинская диаспора в Канаде на тот момент уже внесла, указав в изданной книге, что не только политика Сталина и его украинских приспешников на Украине привела к голоду и жертвам, но в первую очередь в этом виновата сама Россия как государство, которая занималась покорением и подчинением Украины. Так было положено начало формирования образа России как врага украинского народа («маскаляку на гиляку»). Финансирование, по мнению Хохитвы, возлагалось на правительство США и украинские диаспоры в Канаде и Америке. В этом проекте принимали участие представители всех трех волн украинской миграции: 1917–1920; 1945–1950 гг. и с 1991 г. — по настоящее время.

² Ф. М. Хохитва был солдатом Красной Армии. В 1942 г. попал в плен под Харьковом, был освобожден в Германии американскими войсками. В 1945 г. уехал вместе со своей русской женой на постоянное место жительства в Канаду. Там же стал одним из лидеров украинской диаспоры в г. Торонто.

³ The great famine in Ukraine 1932–1933. The Ukrainian Orthodox Brotherhood of St. Volodymyr. Toronto. The Ukrainian Orthodox Brotherhood of St. Volodymyr 1988:146.

Украину создавали в том числе: Ленин — с целью превращения ее из аграрной в индустриально развитую страну путем присоединения Донецко-Криворожской республики; Сталин, присоединивший к Украине в 1939 г. территории, отошедшие к СССР по плану Молотова-Рибентропа, и Хрущев, исходивший из того, что, если Россия и Украина — навеки вместе, то оперативное управление народным хозяйством Крыма эффективнее осуществлять из Киева. Эти искусственно присоединенные к Украине территории простые жители западных и центральных областей никогда не считали исконно украинскими. Кстати, в местах компактного проживания переселенцев с Украины в довоенное и послевоенное время во многих школах Приморского и Хабаровского краев, Башкирии, Архангельске и Казахстане изучали украинский язык и литературу. Так вот, многие «щирі» украинцы не считали восточные и юго-восточные области в социокультурном плане настоящей Украиной. В свою очередь, простые жители Донбасса и других индустриальных центров, говорившие на русском языке и суржике, когда слышали «западенську мову», обзывали говоривших «бандеровцями» и относились к ним с некоторой настороженностью, о чем с озабоченностью вспоминал первый президент Украины Кравчук. Во время своей предвыборной поездки в Донбасс, во всех поселениях на встречах с избирателями он ощущал к себе враждебное отношение.

Современную Украину, учитывая социокультурные и экономические традиции и обстоятельства, можно разделить на три региона: индустриальный, развившийся в недрах дореволюционного российского промышленного комплекса (Новороссия, Юзовка, Харьков, Екатеринослав, Одесса); аграрный — Западная Украина, развивавшаяся в течение 500 лет внутри Австро-Венгрии и Польши; аграрно-индустриальный — Центральная Украина (Киевская, Полтавская, Черниговская, Сумская, Черкасская, Кировоградская и другие области), в которых в более ярко выраженном виде проявилась украинская идентичность [8].

Украина, и в особенности Донбасс, в советское время по уровню жизни всегда была выше других областей Украины российской глубинки, уступая лишь Москве и Ленинграду. Специально было разработано постановление Правительства СССР «О восстановлении шахт Донбасса». За выдающиеся заслуги шахтеры награждались орденами «Шахтерская Слава» трех степеней. Все

это позволило сформировать особую многонациональную донецкую этническую общность, с которой выстраивать социально-политические отношения в националистической бандеровской форме было недопустимо, ибо это с неизбежностью могло привести и привело к внутривнутриполитическому конфликту, выходу Донбасса из состава бандеровской Украины и образованию ДНР и ЛНР.

Ну, и, пожалуй, самое важное непримиримое социальное противоречие, которое до последнего времени не анализировалось на Украине, но стало стержнем переворота весной 2014 г. в Киеве, — между победителями и побежденными. С одной стороны, большая часть населения страны считает себя победителями или наследниками победителей в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и празднуют день Великой Победы 9 мая, проходя с георгиевскими ленточками по улицам и площадям городов в торжественном и скорбном марше в составе «Бессмертного полка». А значительно меньшая часть — побежденные — реанимирует бандеровщину, ОУН, УПА УНСО и считает Бандеру и Шухевича национальными героями. Победители вместе с Россией и другими народами бывшего СССР чтут память тех шести миллионов украинцев, которые не вернулись с полей сражений, а побежденные жаждут реванша, который им частично удалось осуществить при поддержке США и Западной Европы в период независимого развития Украины после развала СССР. Сейчас во власти в Украине находятся наследники побежденных, захватившие власть в результате майданного антиконституционного переворота. «Комплекс побежденных» присущ практически всей «майданной» элите. Вспомним беспредельные по своему цинизму и глупости пассажи о 70-летию Великой Победы П. Порошенко, А. Яценюка и некоторых западных политиков, считавших, что СССР оккупировал Германию и Украину. За последние 30 лет с помощью националистических школьных и вузовских программ удалось спрофилировать сознание у значительной части молодежи, поддерживающей ультранационалистические позиции побежденных бандеровцев, чьи фашистские взгляды и действия нисколько не шокируют западных «антифашистов» и «демократов». Часть победителей в составе Крыма вернулись в Россию, другая же часть мужественно сражается с националистами в Донбассе, а многие ожидают своего часа, чтобы сказать бандеровщине громкое «нет» (Запорожье, Одес-

са, Харьков, Днепропетровск, Николаев, Херсон, Мариуполь, Кривой Рог, Сумы и др.).

Побежденные — это те, кто помогали фашистской Германии в войне против СССР и те, кто в лесах и схронах сопротивлялись советской власти вплоть до 1956 г. Победители — это те, кто выживал после тотального ограбления фашистами и голода 1945–1948 гг., так как, отступая, фашисты забирали у людей все то, что могло поддерживать их существование. Побежденные не испытывали послевоенного голода и заслужили снисхождение фашистов, получив в знак благодарности возможность существовать безбедно после войны. Западная Украина за действия дивизии SS «Галичина» и бандеровских банд не была подвержена тотальному грабежу, как население юго-восточных и северо-восточных областей. Голод господствовал на протяжении трех лет, как в 1933 г. Люди питались различными луговыми и лесными травами, прошлогодней мерзлой картошкой, колосками после уборки колхозных полей и тем, что могли выменять у жителей Западной Украины. Возвратившиеся с войны победители стали «мешочниками», т.е. ездили в Львовскую, Тернопольскую, Станиславскую и Черновицкую области и выменивали у местных жителей на ценные вещи зерно или муку. Каждая такая поездка вернувшихся с войны солдат была сопряжена с риском для жизни не меньше, чем на передовой. Отступая с Западной Украины, фашисты оставляли материальные ресурсы для бандеровского сопротивления, а возродившиеся наследники бандеровцев сыграли решающую роль в майданном антиконституционном перевороте 2014 г.

Одной из задач проекта было создание образа врага украинского народа в лице России (агрессора) и внедрение этого образа в сознание простых украинцев. Этот образ формировался авторами проекта и сторонниками бандеровской идеологии в течение двадцати лет, и в конечном счете Россия и В.В. Путин к моменту переворота были таковыми в зомбированном сознании значительной части взрослого населения. Американцы и европейцы стали друзьями и доброжелателями, а россияне и Россия — агрессорами. Замещение врага было одним из достижений американского проекта.

Полная же реализация данного проекта может стать для украинского народа необратимой трагедией. Такой результат прогнозировал еще в 1930 г. польский ученый Роман Дмовс-

кий — почетный доктор Кембриджского университета с 1916 г. В 1923 г. он стал министром иностранных дел Польши, был депутатом Российской Государственной Думы первого созыва. В частности он писал: «Нет человеческой силы, чтобы оторванная от России и преобразованная в независимое государство Украина стала сборищем аферистов со всего мира, которым сегодня очень тесно в собственных странах, капиталистов и искателей капитала, организаторов промышленности, техников, купцов, спекулянтов и интриганов, бандитов и организаторов всех видов проституции: немцам, французам, бельгийцам, итальянцам, англичанам и американцам поспешили бы на помощь местные или ближайшие русские, поляки, армяне, греки и, наконец, самые многочисленные и самые важные из всех — евреи. Все эти элементы при участии наиболее хитрых, наиболее предприимчивых украинцев создали бы верхний слой, элиту страны. Однако это была бы своеобразная элита, потому что, кажется, ни одна страна не могла бы похвастаться такой богатой коллекцией международных каналов. Украина стала бы язвой на теле Европы: люди же, мечтающие о создании культурного, здорового и сильного украинского народа, созревающего в собственном государстве, убедились бы, что вместо собственного государства они имеют международное предприятие, а вместо здорового развития — быстро прогрессирующий распад и гниение» [9]. Это предсказание сбылось практически полностью: на завершающей стадии реализации проекта Украина погрузилась в тяжелый социально-экономический кризис.

Проектный анализ политического конфликта в Украине показывает, что его авторы неадекватно оценили те «скрепы», которые сформировались в период многовекового братского сотрудничества и взаимовыгодных отношений в системе «Российская империя — Новороссия — Советский Союз — Украина». Переориентация политического вектора Украины с СНГ на США и ЕС проходила на фоне высокомерного отрицания со стороны политической элиты Украины Устава СНГ и принятых на его основе международных обязательств [10]. Неуважительное отношение к бывшим партнерам по СССР носило поспешный и даже неприличный, оскорбительный характер для России как правопреемника СССР. Такое поведение не принесло

заметных положительных результатов Украине, хотя возможности были, о чем говорит пример Белоруссии и Казахстана. В этой части украинский опыт ближе к отрицательным результатам политики Грузии и Прибалтики. На наш взгляд, становление Украины как сильного, авторитетного и независимого государства, имевшего для этого все предпосылки, невозможно на основе жесткой унитарности, игнорирования языковых, социокультурных, экономических, политических и конфессиональных различий народов и регионов: Новороссии, Западной Украины (Галичины) и Центральной Украины. Кроме того, проведенная олигархическая приватизация общенародной собственности породила такое же, как и в России 90-х гг., уродливое государство во главе с компрадорской буржуазией. Политическая ценность приватизации в Украине приближается к нулю, ибо вместо того, чтобы сблизить цели и интересы социальных слоев и регионов, она породила антагонистические противоречия, позволила вывезти значительные капиталы из страны [11, 12].

Если ориентация аграрной части страны (Западная Украина) на благополучную жизнь связывалась в основном с эмиграцией в Америку, Канаду и Западную Европу, то индустриально развитая Юго-Восточная часть (Новороссия) всегда ориентировалась на собственные силы и взаимовыгодные отношения с Россией и Таможенным союзом. Самодостаточность этой части Украины определялась трудолюбием населяющих ее людей, высокообразованной технической интеллигенцией, толерантным отношением ко всем приезжим, уверенностью в том, что они самостоятельно способны достичь высокого уровня жизни [13].

Если на западе страны надежды на лучшую жизнь связывались в основном с «цивилизационной близостью» с Западной Европой («Украина — це Европа»), заробитчанской миграцией, то в Новороссии — с трудолюбием и талантом рабочих и инженеров.

Истина, на наш взгляд, состоит в том, что никто не создаст благополучия для украинского народа, кроме тружеников, работающих в доброжелательной толерантной среде, воспроизводящей национальное достоинство под государственной защитой всех языков и конфессий, имеющей добрососедские, братские отношения в первую очередь со своими соседями с учетом исторических традиций.

ВЫВОДЫ

Современное состояние Украины показывает, что она противостоит вовсе не России, а своему собственному небытию. Она перестала быть собой и захотела стать Европой в цивилизационном смысле, т.е. решить невыполнимую, непосильную и невозможную задачу.

Украина соблазнилась этим проектом, поддавшись внутреннему давлению бандеровцев, обещаниям США и ЕС, что, по мнению Дж. Тойнби, ничтожно, так как «...для того, чтобы достигнуть какой-то определенной цели, следует стремиться не к самой этой цели, но к чему-то еще более возвышенному, находящемуся за пределами данной цели» [8].

«Украина — це Европа!» — можно придумать любую политтехнологичную кричалку, но стране и народу это мало что даст. Скорее всего, следовало бы сказать, что «Украина — це толока», на которой кругом врут и грабят.

Но есть и те, кто за толокой, за буграми «расчесывают землю плугами» и по старой славянской традиции, укоренившейся в сознании простых людей Украины, России и Белоруссии, планируют вместе освоить те неисчерпаемые богатства, которые создавались веками нашими предками. Работы — непочатый край: от Калининграда до Владивостока и от Одессы до Минска, и везде живут русские, украинцы и белорусы — один великий народ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Базилевський В. Спогад свідка великого голоду в Україні. Торонто: Українське Православне Братство Святого Володимира; 1988.
2. Міршук Д. Голодова облога України. В книзі «Великий голод в Україні». Торонто: Українське Православне Братство Святого Володимира; 1988.
3. Душник В. Реакція і протести української еміграції під час голодового голокосту в Україні. В книзі «Великий голод в Україні». Торонто: Українське Православне Братство Святого Володимира; 1988.
4. Боровик М. Мій спогад про голод 1933 року (Скорочено). В книзі «Великий голод в Україні». Торонто: Українське Православне Братство Святого Володимира; 1988:87–92.
5. Хохітва Ф. У пам'ять замучених голодом. В книзі «Великий голод в Україні». Торонто: Українське Православне Братство Святого Володимира; 1988.
6. Гришко В. Антиукраїнський терор і голодовий голокост України 1933 року. В книзі «Великий голод в Україні». Торонто: Українське Православне Братство Святого Володимира; 1988.
7. Conquest R., Manchip J. What to do when the Russians come. A survivor's guide. New York: Stein and Day; 1984. 177 p.
8. Тойнби А. Дж. Цивілізація перед судом історії. Мир і Запад. Пер. с англ. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ; 2011. 318 с.
9. Дмовский Р.В. Украинский вопрос. URL: <https://conflictmanagement.ru/ukrainskiy-vopros>
10. Денисов Д. О. К вопросу о Женевском формате урегулирования конфликта на Украине. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):22–30.
11. Макаров Г.В. Динаміка регіоналізму в незалежній Україні. *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Філософія. Політологія*. 2004;(68):51–68.
12. Савойська С.В. Геополітичний вимір мовної політики посттоталітарної України: конструктивний і деструктивний аспекти проблеми. *Вісник КНУ* 2014;3(117):39–42.
13. Петренко І.І. Проблема визначення поняття «аналіз державної політики». *Вісник КНУ*. 2014;2(116):49–53.

REFERENCES

1. Bazilevsky V. Memories of a witness to a great famine in Ukraine. In the book “The Great Famine in Ukraine”. Toronto: The Ukrainian Orthodox Brotherhood of St. Volodymyr; 1988. (In Ukr).
2. Mirshuk D. Famine siege of Ukraine. In the book “The Great Famine in Ukraine”. Toronto: The Ukrainian Orthodox Brotherhood of St. Volodymyr; 1988.
3. Dushnik V. Reactions and protests of the Ukrainian emigration during the famine holocaust in Ukraine. In the book “The Great Famine in Ukraine”. Toronto: The Ukrainian Orthodox Brotherhood of St. Volodymyr; 1988. (In Ukr).
4. Borovik M. My recollection of the famine of 1933 (abbreviated). In the book “The Great Famine in Ukraine”. Toronto: The Ukrainian Orthodox Brotherhood of St. Volodymyr; 1988. (In Ukr).

5. Khohitva F. In memory of those tormented by hunger. In the book “The Great Famine in Ukraine”. Toronto: The Ukrainian Orthodox Brotherhood of St. Volodymyr; 1988. (In Ukr).
6. Grishko V. Anti-Ukrainian terror and the famine holocaust of Ukraine in 1933. In the book “The Great Famine in Ukraine”. Toronto: The Ukrainian Orthodox Brotherhood of St. Volodymyr; 1988. (In Ukr).
7. Conquest R., Manchip J. What to do when the Russians come. A survivor’s guide. New York: Stein and Day; 1984. 177 p.
8. Civilization before the court of history. World and the West. Transl. from Eng. Moscow: ACT: Astrel; Vladimir: VKT; 2011. 318 p. (In Russ.).
9. Dmovsky R.V. Ukrainian Question. URL: <https://conflictmanagement.ru/ukrainskiy-vopros> (In Russ.).
10. Denisov D.O. On the issue of the Geneva format for the settlement of the conflict in Ukraine. Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University. 2022;12(2):22–30. (In Russ.).
11. Makarov G.V. Dynamics of regionalism in independent Ukraine. *Bulletin of the Kyiv National Taras Shevchenko University. Philosophy. Political science.* 2004;(68):51–68. (In Ukr).
12. Savoyskaya S.V. Geopolitical Dimension of the Language Policy of Post-Totalitarian Ukraine: Constructive and Destructive Aspects of the Problem. *Bulletin of KNU.* 2014;3(117):39–42. (In Ukr).
13. Petrenko I.I. The problem of defining the concept of “Public Policy Analysis”. *Bulletin of KNU.* 2014;2(116):49–53. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Станислава Альбиновна Бутырина — кандидат философских наук, доцент, Московский государственный университет спорта и туризма, Москва, Россия

Stanislava A. Butyrina — Cand. Sci. Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of sports and tourism, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3744-5794>

s6354986@yandex.ru

Маргарита Михайловна Симонова — кандидат социологических наук, доцент, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала,

Финансовый университет, Москва, Россия

Margarita M. Simonova — Cand. Sci. Sociology, Associate Professor, Department of Psychology and Human Capital Development of Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2232-6920>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

mmsimonova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.04.2023; принята к публикации 15.05.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 14.04.2023; accepted for publication on 15.05.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-86-93
УДК 339.97(045)

Российско-китайское сотрудничество в области цифровой экономики

В.В. Зубенко^а, В.А. Зубенко^б, Ю. Сунь^с

^а Финансовый университет, Москва, Россия;
^{б,с} МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Сотрудничество в развитии цифровой экономики стало одним из наиболее значимых и перспективных направлений взаимодействия Китая и России в условиях усложнения международной обстановки и стремления Запада сдержать экономическое развитие обеих стран. И в России, и в Китае цифровизация экономики считается одним из главных факторов повышения международной конкурентоспособности, качества жизни, стабилизации экономического роста, а также обретения технологической независимости. В статье рассмотрены достижения и недостатки обеих стран в формировании цифровой экономики, оценен потенциал ее развития с точки зрения обеспеченности ресурсами, проанализированы предпосылки и направления сотрудничества в развитии цифровых технологий, сформулированы предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: национальная конкурентоспособность; цифровые технологии; китайско-российское сотрудничество; цифровая инфраструктура; искусственный интеллект; 5G; ЕАЭС

Для цитирования: Зубенко В.В., Зубенко В.А., Сунь Ю. Российско-китайское сотрудничество в области цифровой экономики. *Гуманитарные науки*. 2023;13(3):86-93. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-86-93

ORIGINAL PAPER

Russian-Chinese Cooperation in the Sphere of Digital Economy

V.V. Zubenko^a, V.A. Zubenko^b, Yu. Sun^c

^a Finance University, Moscow, Russia
^{b,с} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Cooperation in the development of the digital economy has become one of the most significant and promising areas of interaction between China and Russia in the context of the increasingly complicated international environment and situation and the desire of the West to restrain the economic development of both countries. Both in Russia and China, the digitalization of the economy is considered one of the main factors in increasing international competitiveness, stabilizing economic growth and improving the quality of life, as well as achieving technological independence. The article discusses the achievements and shortcomings of both countries in the formation of the digital economy, assesses the potential for its development in both countries in terms of resource availability and endowment, analyzes the prerequisites and areas for cooperation in the development of digital technologies, and formulates proposals for its improvement.

Keywords: national competitiveness; digital technologies; Chinese-Russian cooperation; digital infrastructure; artificial intelligence; 5G; EAEU

For Citation: Zubenko V.V., Zubenko V.A., Sun Yu. Russian-Chinese cooperation in the field of digital economy. *Humanitarian sciences*. 2023;13(3):86-93. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-86-93

АНАЛИЗ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В резко изменившихся условиях функционирования всей мировой экономики проблема повышения национальной конкурентоспособности связана с решением самых важных вопросов для жизнедеятельности любой страны — устойчивым экономическим

и социальным развитием и повышением уровня жизни населения. Заинтересованность в достижении этих социально-экономических целей особенно сильно стала проявляться после глобального экономического кризиса 2008–2010 гг., в ходе которого произошел перелом в мировом экономическом развитии и смена лидеров. Глобализация мировой экономики, развивавшаяся с конца XX в. в интересах

США и их транснациональных корпораций, утратила свой позитивный потенциал в новых геополитических реалиях. Глобальный мир перестал существовать и все больше раскалывается на противостоящие друг другу блоки, международные институты утратили свою эффективность, и многие из них находятся в кризисе, растет торговый протекционизм, резко снизились темпы мирового экономического развития. В условиях сложной международной обстановки цифровизация экономики рассматривается как один из главных факторов конкурентоспособности и стабилизации экономического роста. Однако при переходе к более широкому применению цифровых технологий мир столкнулся с серьезными изменениями, несущими в себе одновременно и риски, и новые возможности.

Как и передовые страны Запада, Россия рассматривает развитие цифровой экономики как одно из важнейших стратегических направлений, которое окажет огромное влияние на кардинальное улучшение структуры российской экономики, глобальную конкурентоспособность промышленности и обеспечит экономическую и военную безопасность страны. Однако между общим уровнем развития цифровой экономики России и таких держав, как Китай и США, имеются значительные различия, обусловленные множеством проблем, включая небольшие масштабы экономики и низкие темпы роста, нехватку специалистов, слабые возможности ИТ, неготовность бизнеса и населения к развитию цифровой экономики, но главное — большой разрыв в финансировании, необходимом для применения ИТ (особенно — в долгосрочной перспективе).

Китай не только опережает Россию, но и достиг мирового лидерства в области широкополосной связи, облачных вычислений, Интернета вещей, технологий 5G и строительства информационной инфраструктуры. В то же время у России есть потенциал для развития цифровой экономики, она имеет явные преимущества в некоторых фундаментальных теоретических исследованиях, например в отношении физики и математики. По некоторым показателям развития цифровой экономики Россия вышла на мировой уровень или даже опережает лидеров цифровизации. В ответ на стремление западных стран сдерживать экономическое и технологическое развитие России посредством беспрецедентных санкций Российская Федерация наращивает усилия по достижению технологического суверенитета и освобождению от «колониальной технологической зависимости». Несмотря на то что Китай гораздо дальше России продвинулся по пути цифровизации промышлен-

ности и других секторов экономики и преуспевает в области цифровых технологий, проблемы достижения технологической независимости и противодействия давлению США есть и у него. Как отмечено в аналитическом обзоре ИМЭМО РАН, «нараставшие с начала 2010-х гг. противоречия между США и КНР в научно-технологической и инновационной (НТИ) сферах переросли в технологическую войну» [1]. Это дает основание утверждать, что у обеих стран есть основа и заинтересованность в сотрудничестве в продвижении цифровых технологий.

ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КИТАЯ И ЕГО ПРОБЛЕМЫ

Эра цифровой экономики началась в Китае в 1994 г., когда страна получила официальный доступ к интернету, а в период с 1994 по 2003 г. происходило *зарождение цифровой экономики* страны. С быстрым распространением электронной коммерции и интернета с 2003 г. цифровая экономика Китая вступила в *начальную стадию развития*. После того, как правительство Китая выдвинуло ряд стратегических целей, появились новые сектора цифровой экономики: экономика платформ и экономика совместного использования. Период с 2013 г. по настоящее время — *этап бурного развития* цифровой экономики Китая. В КНР реализуется Стратегия цифровой экономики, в которой обозначена задача повышения национальной конкурентоспособности, содействия экономическому и социальному росту. Отражением этого стала принятая в стране в 2021 г. и активно реализуемая программа «Видение 2035», в которой намечены меры по достижению полной независимости страны в организации цепочек поставок с помощью цифровых технологий в рамках осуществления «Стратегии двойной циркуляции», принятой годом ранее. Эти идеи получили свое дальнейшее обоснование в докладе Председателя КНР Си Цзиньпина на XX съезде КПК в октябре 2022 г.

Цифровой сектор приобретает все большее значение в экономике страны. По данным Китайской информационной сети промышленности, в период с 2002 по 2020 г. доля цифровой экономики Китая выросла с 10,0 до 38,6% ВВП и составила почти 5,4 трлн долл. США, заняв второе место в мире. А по темпам роста за год — 9,6% — она занимает первое место в мире, что подчеркивает ее исключительную ценность и чрезвычайную устойчивость в условиях пандемии¹.

¹ Информационная сеть промышленности Китая. URL: <http://www.cchyxx.com>

В то же время продолжается оптимизация внутренней структуры цифровой экономики. Особое значение в стране, являющейся крупнейшим в мире производителем готовой промышленной продукции и полуфабрикатов, придается цифровизации промышленности, т.е. применению на производстве искусственного интеллекта (ИИ), больших данных, облачных вычислений, Интернета вещей и других цифровых технологий и переходу на их основе к полной автоматизации производства. В 2020 г. масштаб цифровой индустриализации Китая достиг 1,1 трлн долл., что составляет 19,1% цифровой экономики и 7,3% ВВП. В отраслевом разрезе на цифровую экономику приходится 8,9, 21 и 40,7% отраслевой добавленной стоимости в сельском хозяйстве, промышленности и сфере услуг соответственно, а интеграция цифровой экономики в промышленности стала более глубокой².

По строительству информационно-коммуникационных сетей Китай является ведущей страной в мире, по состоянию на июль 2022 г., он построил и открыл в общей сложности 1,968 млн базовых станций 5G. Жизнеспособность промышленных инноваций продолжает расти, и с 2021 по июнь 2022 г. почти 150 предприятий страны, связанных с цифровой экономикой, завершили первичный листинг на ведущих биржевых площадках. К 2021 г. стоимость основной отрасли промышленного интернета в стране превысила 1 трлн юаней, масштаб отрасли больших данных — 1,3 трлн юаней, и Китай стал одним из самых быстрорастущих рынков облачных вычислений в мире.

Цифровые технологии внедряются в разные сферы, обеспечивая им снижение издержек, выход производителей на внешние рынки, адаптацию их товаров и услуг к требованиям покупателей и в конечном счете рост капитализации. Так, наибольший прирост за 2021 г. показала компания Pinduoduo, владеющая крупнейшей в стране технологической сельскохозяйственной платформой, на которой зарегистрировано более семи сотен миллионов пользователей. Эта платформа позволила китайским фермерам выйти на рынок электронной коммерции для реализации своей продукции. За указанный год капитализация компании увеличилась на 264,58% и достигла 172 млрд долл. США, — по этому показателю она занимает 11-е место в КНР³.

² Там же.

³ URL: https://raspp.ru/business_news/top-10-chinese-companies/

Несмотря на впечатляющие успехи в развитии цифровых технологий, Китай, тем не менее, сталкивается с очевидными проблемами.

Основные технологические проблемы цифровой экономики

В настоящее время цифровая экономика Китая в основном ориентируется на выгоды населения и бизнеса от использования интернета. Таким образом, «потребительская» сторона цифровой экономики является относительно зрелой, в то время как технологическая и инновационная — относительно слабы. В частности, еще многое предстоит сделать в области исследований и разработок ключевых базовых технологий, таких как интегральные схемы, датчики, ключевое программное обеспечение, системы управления, операционные системы и искусственный интеллект, что позволит гарантировать технологическую самостоятельность страны, поскольку ключевые технологии все еще очень зависимы от США.

Неравномерное развитие цифровой экономики

Общее развитие цифровой экономики Китая характеризуется заметной неравномерностью между регионами, городскими и сельскими районами, а также — группами населения. Доступность интернета и использование смарт-устройств неодинаковы для населения, причем центральные и западные регионы и сельские районы находятся в относительной «депрессии цифровой экономики», а пожилые люди испытывают трудности в использовании смарт-устройств и цифровом потреблении [2].

Проникновение цифровизации в различные сектора экономики также неравномерно: оно заметно в основном в сфере услуг, а в промышленности и особенно в сельском хозяйстве — недостаточное. Но ситуация стремительно меняется. Новым явлением стало формирование цифрового, «умного» сельского хозяйства: появились так называемые Таобао-деревни, жители которых интенсивно пользуются электронной торговлей на базе одноименной платформы. В 2009 г. таких было 3, к 2015 г. их количество превысило 780 и охватило 17 провинций [3].

Необходимость улучшения потенциала управления цифровой экономикой

Бурно развивающаяся цифровая экономика породила множество новых проблем в области управления цифровыми технологиями: на первый план выходят такие вопросы, как безопасность данных, право собственности на активы данных, антимонопольное

законодательство и предпринимательская этика. Будучи основной формой цифровой экономики, различные платформы социальных сетей обладают возможностями регулировать поведение пользователей и устанавливать правила работы. Что касается этической стороны вопроса, то применение цифровых технологий привело к появлению скрытых рисков информационной безопасности, таких как утечка конфиденциальности, барьеры для данных, пробелы в данных и др. Хотя законы, правила и политические системы, регулирующие развитие цифровой экономики, интенсивно внедряются, а цифровая экология становится все более совершенной, все еще существует потребность в измерении силы и границ регулирования и создании долгосрочного механизма управления. Также необходимо улучшить потенциал управления цифровой экономикой [4].

ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Цифровые технологии во всем мире рассматриваются не просто как стремительно растущий сектор глобальной экономики, но как ее современная инфраструктура, на основе которой модернизируются традиционные отрасли, определяются возможности их дальнейшего развития и роста, возникает множество новых видов производств, происходит реформирование рынков. На этом фоне российское правительство также определило развитие цифровой экономики в качестве национальной стратегии и разработало долгосрочные планы по использованию цифровой трансформации для модернизации промышленной структуры и освобождения экономики от сильной зависимости от энергоресурсов [5]. Особую актуальность эти задачи обрели в условиях введения многочисленных западных санкций, направленных на торможение экономического и технологического развития, когда Россия оказалась отрезанной от иностранных инвестиций, и ей был перекрыт доступ к критически важным технологиям, в том числе цифровым. Такое давление западных стран оказывалось с 2014 г., но в 2022 г. оно стало беспрецедентным. И если с 2014 г. в этой сфере осуществлялась стратегия импортозамещения, то в новых условиях ставка была сделана на самостоятельное развитие, поиск альтернативных технологических решений на базе фундаментальных российских разработок.

В рамках программы «Цифровая экономика» запланировано создать экосистему цифровой экономики РФ: таким образом данные в цифровой форме обеспечат эффективное взаимодействие

государства, граждан, бизнес-сообщества как внутри страны, так и во внешнеэкономической деятельности. Результатом должно стать развитие новых высокотехнологичных отраслей, модернизация существующих и повышение конкурентоспособности на глобальном рынке как отдельных отраслей, так и экономики в целом⁴.

К 2024 г. государство намерено осуществить комплексную цифровую трансформацию экономики и социальной сферы России. Для этого необходимо разработать законодательство о цифровых технологиях, модернизировать цифровую инфраструктуру, внедрить цифровые практики во всех ключевых сферах экономики и в государственном управлении, наладить подготовку кадров для переходного периода⁵. Россия стремится использовать цифровые технологии для выхода из энергетической зависимости — с одной стороны, и для компенсации своих демографических проблем за счет ИИ — с другой [6].

В плане развития цифровой экономики Россия пока отстает, но наверстывает упущенное и имеет условия и потенциал для ее продвижения, выходя по некоторым показателям на передовую мировую уровень. По данным ответственных за проведение в жизнь национальной программы «Цифровая экономика», все показатели в России в 2022 г. были перевыполнены. Так, например, по плану 65% социально значимых услуг должны были быть переведены в электронный вид, а по факту переведено 99,97%. Плановая доля домохозяйств с широкополосным доступом в интернет — 80%, а по факту — 86,1%⁶.

Однако очевидно, что Россия отстает от развитых стран в производстве аппаратного обеспечения на 5–8 лет, а размер ее цифровой экономики (измеряется общим объемом цифровой экономики в процентах от общего ВВП страны) значительно меньше, чем у стран-лидеров. Согласно анализу отчета Accenture размер цифровой экономики в США составляет около 37% ВВП, Великобритании — 34%,

⁴ URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

⁵ URL: <https://data-economy.ru/2024>

⁶ URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Цифровая экономика России#.2A2023:_D0.A0.D0.BE.D1.81.D1.81.D0.B8.D1.8F._D1.83.D1.85.D0.BE.D0.B4.D0.B8.D1.82._D0.BE.D1.82._C2.AB.D0.BA.D0.BE.D0.BB.D0.BE.D0.BD.D0.B8.D0.B0.D0.BB.D1.8C.D0.BD.D0.BE.D0.B9._D0.B7.D0.B0.D0.B2.D0.B8.D1.81.D0.B8.D0.BC.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B8.C2.BB._D0.B2._D0.98.D0.A2._D0.94.D0.BC.D0.B8.D1.82.D1.80.D0.B8.D0.B9._D0.A7.D0.B5.D1.80.D0.BD.D1.8B.D1.88.D0.B5.D0.BD.D0.BA.D0.BE._D0.B8._D0.9C.D0.B0.D0.BA.D1.81.D1.83.D1.82.C2.A0.D0.A8.D0.B0.D0.B4.D0.B0.D0.B5.D0.B2._D0.BE.D0.B7.D0.B2.D1.83.D1.87.D0.B8.D0.BB.D0.B8._D0.B3.D0.BB.D0.B0.D0.B2.D0.BD.D1.8B.D0.B5._D0.B8.D1.82.D0.BE.D0.B3.D0.B8_2022._D0.B3.D0.BE.D0.B4.D0.B0

в Германии — 30%, Китая — 12,6%, а России — только 5,6% [7].

К недостаткам развития цифровой экономики в России можно отнести следующие:

- бизнес пока плохо осознает необходимость цифровой трансформации, развитие информационной инфраструктуры идет медленно;
- существует несоответствие между подготовкой талантливых специалистов и спросом на них; базовое образование в российских университетах воспитывает специалистов с сильной индивидуальностью, но слабыми навыками сотрудничества, в то время как цифровые исследования и разработки часто требуют командной работы;
- в России относительно маленькая численность населения, и масштаб потребления цифровых продуктов вследствие этого ограничен, а индустриальная база цифровой экономики слаба.

К сильным сторонам российской цифровой экономики относится то, что значительная часть населения России зарегистрирована на платформах государственных услуг (это один из самых лучших показателей в мире), и у российского населения относительно высокий уровень использования интернета, спроса на цифровой контент и вовлеченности в социальные сети [8]. В декабре 2009 г., например, была запущена Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг». Количество пользователей, зарегистрированных на данном портале, в первом полугодии 2022 г. увеличилось на 3 млн и превысило 97,5 млн чел., а ежедневная аудитория сервиса составляет 9,5 млн чел.⁷

Второе преимущество заключается в том, что, как и Китай, Россия придает большое значение особой роли информационно-коммуникационных и других цифровых технологий в содействии трансформации российской экономики из ресурсоориентированной в инновационную; она разработала ряд планов, направленных на содействие развитию цифровых технологий и комплексной социально-экономической модернизации и осуществила ряд соответствующих политических мер. Среди них — включение цифровой экономики в Каталог основных направлений стратегического развития Российской Федерации на 2018–2025 гг., разработка Федерального плана развития цифровой экономики до 2035 г. и Национальной стратегии развития искусственного интеллекта (ИИ) до 2030 г. — в том

числе, для ускорения развития цифровой экономики. В 2017 г. была утверждена стратегия российского правительства по инвестициям и развитию ИИ. Она уникальна тем, что ее возглавляют государственные предприятия, среди которых Сбербанк является главным ведущим агентством [9]. ИИ сегодня популярен и востребован — по данным совместного исследования TAdviser и «Ростелекома», 85% российских компаний уже используют ИИ-решения в бизнесе. При этом ИИ принято заказывать у подрядчика: 70% разработок создаются для продажи сторонним организациям⁸.

Цифровые технологии стали основным фактором ускорения и достижения цифровой трансформации экономики⁹. Так, большие данные (Big data) могут способствовать развитию традиционных отраслей и предоставить новые возможности для инноваций. По оценке экспертов, в 2019 г. объем глобального мирового рынка больших данных достиг 189,1 млрд долл. Российский рынок пока занимает незначительную долю в мировом предложении и потреблении информационных технологий. Однако в 2018–2019 гг. было принято немало решений и реализовано достаточное количество законодательных инициатив, способствующих развитию российского рынка Big Data¹⁰. К концу 2019 г. объем российского рынка Big Data достиг 45 млрд руб., среднегодовые темпы роста с 2015 по 2019 г. составили 12%. По данным Российской ассоциации больших данных, объем российского рынка больших данных к 2024 г. превысит 300 млрд руб.¹¹

Оптимальное направление развития цифровой экономики в России требует снижения ряда административных и правовых ограничений, продвижения программ цифровых инноваций для компаний, а также активизации сотрудничества в цифровой сфере с партнерами по ЕАЭС, в которых сложились национальные цифровые стандарты. По этой причине был принят документ «Цифровая повестка ЕАЭС до 2025 г.». Предполагается, что ее реализация с момента принятия в 2016 г. до 2025 г. даст значительный экономический эффект: рост занятости

⁸ URL: <https://skillbox.ru/media/business/iskusstvennyy-intellekt-v-rossii/>

⁹ Цифровизация экономики Российской Федерации в контексте глобальной трансформации: проблемы и перспективы развития [EB/OL]. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2021/17/shsconf_mtde2021_01013.pdf, 2022–03–10.

¹⁰ URL: https://delprof.ru/upload/iblock/f03/DelProf_Analiticheskaya-statya_Rynok-Big-Data.pdf

¹¹ 2019: Создание кодекса саморегулирования рынка больших данных. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>

⁷ URL: <https://tass.ru/ekonomika/15286447>

в ИКТ-отрасли на 66,4%, дополнительный рост общей занятости на 2,46% и дополнительный прирост объема экспорта ИКТ услуг до 74%¹².

Однако реализация «Цифровой повестки ЕАЭС» сталкивается с непредвиденными трудностями, в частности с отсутствием согласия относительно признания цифровой подписи, запуска общего реестра юридических лиц, с противоречиями в налоговом урегулировании в сфере электронной торговли, разными представлениями стран-партнеров об информационный безопасности¹³.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ И РОССИИ В ОБЛАСТИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В рамках российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества в 2020 и 2021 гг. с целью развития цифровых технологий был подписан Меморандум о взаимопонимании между Минцифры России и Министерством промышленности и информатизации КНР. За последние два года были проведены десятки специальных мероприятий, более 4 млн чел. приняли участие в них в формате онлайн и офлайн. Например, «Китайско-российский демонстрационный проект цифровой экономики 2021» сосредоточен на информационных технологиях, 5G, ИИ и других, связанных с цифровой экономикой. Проект способствует интеграции и развитию цифровой экономики и реальной экономики в Китае и России, стимулирует новые достижения в научно-техническом инновационном сотрудничестве между двумя странами и продвигает всеобъемлющее стратегическое партнерство между Китаем и Россией.

Китай и Россия взаимодействуют в продвижении цифровой экономики не только на двухсторонней основе, но и в рамках БРИКС. В ноябре 2020 г. в ходе 12-й встречи лидеров БРИКС была разработана Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г., где были определены цели сотрудничества в области цифровой экономики и создана инновационная база для партнерства. Документ предусматривает обмен опытом и изучение подходов к вопросам регулирования цифровой трансформации экономики; обмен лучшими практиками в сфере уникальных цифровых систем идентификации, управления большими данными, «умных городов»

¹² URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/Краткое%20изложение%20ОНЦП.pdf>

¹³ URL: <https://www.mk.ru/economics/2023/02/03/mishustin-predupredil-partnerov-po-eaes-ob-opasnosti-kolonialnoy-zavisimosti.html>

и «умных сообществ», реализацию совместных проектов¹⁴.

В феврале 2022 г. в ходе визита Президента России В.В. Путина в Китай было подписано Соглашение о сотрудничестве в области информатизации и цифровизации. В 2020 г. был создан Российско-китайский исследовательский центр цифровой экономики с филиалами в Москве и китайском городе Сямэнь. Задача центра — способствовать тесному сотрудничеству двух стран в цифровой сфере, полностью интегрировать и использовать их сильные стороны в цифровой экономике и изучить возможность создания специальной зоны для междисциплинарного развития.

Трансграничная электронная коммерция как важная часть цифровой торговли стала самым заметным явлением в китайско-российском торгово-экономическом сотрудничестве. Объем российского рынка трансграничной электронной коммерции в 2020 г. составил 440 млрд руб., при этом торговля с Китаем — 70% от общего объема трансграничной электронной коммерции¹⁵. Чтобы придать дополнительный импульс трансграничной торговле, Китай создал комплексные пилотные зоны в городах Суйфэньхэ и Хэйхэ. В результате к концу 2020 г. продажи российских товаров на платформе электронной коммерции Хэйхэ достигли почти 11 млн долл.¹⁶ В 2022 г. парк электронной трансграничной торговли Хэйхэ продал в Китае товаров на сумму примерно 47,5 млн долл. (323 млн юаней) — это преимущественно российское продовольствие¹⁷.

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ЦИФРОВОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ

Поскольку цифровая инфраструктура приобретает в геополитике все большее значение, безопасность и независимость цифровой инфраструктуры страны является вопросом не только кибербезопасности, но и национальной безопасности. И Россия, находящаяся под санкциями, и Китай, который стал

¹⁴ Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/636aa3eddbc0dcc2356ebb6f8d594ccb0/1148133.pdf>

¹⁵ Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество стабильно развивается. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0406/c31521-9836224.html>

¹⁶ Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество стабильно развивается. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0406/c31521-9836224.html>

¹⁷ URL: <https://biang.ru/ru/economics/v-2022-godu-park-transgranichnoj-elektronnoj-torgovli-xejxe-prodal-v-kitae-tovarov-na-323-mln-yuanej.html>

квивается с вызовами со стороны США, во многих областях должны создать систему безопасности данных, повысить уровень независимых инноваций, обеспечить самодостаточность в ключевых технологиях, создать барьеры для оттока высококвалифицированных кадров. Необходимо дальнейшее развитие совместных НИОКР и инноваций в таких областях, как Интернет вещей, облачные вычисления, большие данные, нанотехнологии, ИИ и 5G. Важно повышение уровня взаимосвязи инфраструктуры ИКТ между двумя странами, а также углубление сотрудничества в области цифровой экономики на многостороннем уровне, создание правовой

системы ее регулирования, устранение барьеров для цифровой торговли и защита законных цифровых прав предприятий. Россия и Китай также поддерживают идею установления регионального стратегического сотрудничества в области цифровой экономики, например дальнейшее повышение уровня либерализации и упрощения цифровой торговли в приграничных городах и создание благоприятной атмосферы цифровой торговли. Объединение усилий позволит в определенной степени обойти вызовы со стороны США. Хотя Китай и Россия имеют конкурентные отношения в цифровой экономике, потенциал для их сотрудничества велик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дынкин А.А., Барановский В.Г. Россия и мир: 2022. Экономика и внешняя политика. М.: ИМЭМО РАН; 2021.
2. Чэнь Ц. Возможности и проблемы развития сферы услуг, обусловленные цифровой экономикой. *Перспективы*. 2018;(17):3.
3. Ван Ю., Ковалев М. Особенности и основные этапы формирования цифровой экономики Китая. *Наука и инновации*. 2020;8(210):40–41.
4. Мэй Х. Развитие больших данных и цифровая экономика. *Китайская промышленность и информатизация*. 2021;(5):60–66.
5. Гао Ц., Сунь Ч., Ли Ч., Чжан Х. Развитие цифровой экономики и цифровая трансформация в России: цели, направления и основные успехи. Желтая книга России: доклад о развитии России. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам; 2021.
6. Гао Ц. Стратегический выбор и направления политики для цифровой экономики России. *Евразийская экономика*. 2018;(4):79–91.
7. Лю Ц. Цифровая экономика России: международное сравнение, исследование тенденций и перспективы российско-китайской конкуренции. *Сибирские исследования*. 2022;(6):49.
8. Чжан Д. Анализ текущей ситуации развития цифровой экономики в России. *Russian Studies*. 2018;(2):135–136.
9. Petrella S., Miller C., Cooper B. Стратегия России в области искусственного интеллекта: роль государственных фирм. *Science Direct*. 2021;65(1):5–100.

REFERENCES

1. Dynkin A.A., Baranovsky V.G. Russia and the world: 2022. Economy and foreign policy. Moscow: IMEMO RAN; 2021. (In Russ.).
2. Chen Q. Opportunities and challenges for the development of the service sector due to the digital economy. *Perspectives*. 2018;(17):3. (In Chinese).
3. Wang Yu., Kovalev M. Features and main stages of the formation of China's digital economy. *Nauka i innovacii = Science and innovation*. 2020;8(210):40–41. (In Russ.).
4. May H. Development of big data and digital economy. *Chinese industry and informatization*. 2021;(5):60–66. (In Chinese).
5. Gao Q., Sun Zh., Li Zh., Zhang H. Development of the digital economy and digital transformation in Russia: goals, directions and main successes. The Yellow Book of Russia: a report on the development of Russia. Beijing: Social Science Literature Publishing House; 2021. (In Chinese).
6. Gao Ts. Strategic choice and policy directions for Russia's digital economy. *Eurasian economy*. 2018;(4):79–91. (In Chinese).
7. Liu Q. Russia's digital economy: international comparison, research on trends and prospects for Russian-Chinese competition. *Siberian Research*. 2022;(6):49. (In Chinese).
8. Zhang D. Analysis of the current situation in the development of the digital economy in Russia. *Russian Studies*. 2018;(2):135–136. (In Chinese).
9. Petrella S., Miller C., Cooper B. Russian strategy in the field of artificial intelligence: the role of state firms. *Science direct*. 2021;65(1):5–100.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Вячеслав Васильевич Зубенко — доктор экономических наук, профессор департамента мировой экономики и международного бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия

Vyacheslav V. Zubenko — Dr Sci. (Econ.), Professor, Department of World Economy and International Business, Financial, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-1444-3884>

glorydent@yandex.ru

Вера Андреевна Зубенко — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Vera A. Zubenko — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of World Economy, Department of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8341-8896>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

vzoubenko@yandex.ru

Юаньюе Сунь — аспирант кафедры мировой экономики экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Yuan Yue Sun — postgraduate student of the Department of World Economy

Department of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2537-4802>

1966412554@qq.com

Заявленный вклад авторов:

В.В. Зубенко — разработка общей концепции статьи и ее структуры.

В.А. Зубенко — поиск и анализ информации о концепции и практике развития цифровой экономики России, разработка рекомендаций по совершенствованию взаимодействия России и Китая в области цифровой трансформации экономики. Общее редактирование статьи.

Ю. Сунь — анализ публикаций китайских авторов по вопросам развития цифровых технологий в Китае, сильных и слабых сторон цифровизации китайской экономики, анализ форм взаимодействия Китая и России в области развития цифровых технологий для достижения обеими странами технологической независимости.

Authors' contributions:

V.V. Zubenko — development of the general concept of the article and its structure.

V.A. Zubenko — search and analysis of information on the concept and practice of development of Russia's digital economy, development of recommendations for improving cooperation between Russia and China in the field of digital transformation of the economy. General editing of the article.

Y. Sun — analysis of publications by Chinese authors on the development of digital technologies in China, strengths, and weaknesses of digitalisation of the Chinese economy, analysis of the forms of interaction between China and Russia in the field of digital technology development for both countries to achieve technological independence.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.04.2023; принята к публикации 15.05.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 22.04.2023; accepted for publication on 15.05.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-94-100
УДК 32.019.5(045)

Политические представления и ценности российской молодежи в контексте их историко-культурных оснований

Т.В. Евгеньева^а, В.А. Евгеньев^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия; ^б Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

АННОТАЦИЯ

Центральный анализируемый концепт исследования, представленного в статье, – категория «Российское государство». Предметом анализа стали также политические представления о ценности патриотизма, непосредственно связанные с образом государства. Статья написана на основании результатов репрезентативного опроса российской молодежи, проведенного осенью 2022 г. (объем выборки – 2500 чел.). Авторами были сделаны некоторые выводы об особенностях образа Российского государства в сознании молодых граждан, а также об основных тенденциях понимания сопряженной с ним ценности патриотизма. Среди особенностей восприятия государства были выделены такие характеристики, как одновременное присутствие отчуждения и патернализма, оказывающие существенное влияние на понимание остальных исследуемых категорий. Авторы отмечают, что в сознании молодого поколения нет понятных образов, поведенческих образцов, которые бы соответствовали представлению о патриотическом поведении. Данный подход к пониманию и интерпретации этих значимых категорий, определяющих процесс самоидентификации и формирования единства нации, представляет опасность как возможный объект манипулирования со стороны внешних и внутренних врагов России.

Ключевые слова: государство; Русская земля; молодежь; патернализм; отчуждение; патриотизм; политические ценности

Для цитирования: Евгеньева Т.В., Евгеньев В.А. Политические представления и ценности российской молодежи в контексте их историко-культурных оснований. *Гуманитарные науки*. 2023;13(3):94-100. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-94-100

ORIGINAL PAPER

Political Perceptions and Values of the Russian Youth in the Context of Their Historical and Cultural Foundations

T.V. Evgenieva^a, V.A. Evgeniev^b

^a Financial University, Moscow, Russia; ^b Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

ABSTRACT

The category of the Russian state has become the central analyzed concept of the research presented in the article. The subject of the analysis was also the political perceptions of the values of patriotism, directly related to the image of the state. The article was written based on the results of a representative survey of Russian youth conducted in the fall of 2022 (sample size 2500 people). Based on the analysis of the survey results, some conclusions were drawn by the authors about the specific features of the image of the Russian state in the minds of young citizens, as well as the main trends in understanding the value category of patriotism associated with it. Among the features and peculiarities of the perception of the state, such characteristics as the simultaneous presence of alienation and paternalism, which have a significant impact on the understanding of the other categories under study, were highlighted. The authors note that in the minds of the younger generation there are no understandable or clear images, behavioral patterns that would correspond to the idea of patriotic behavior. This approach to understanding and interpreting these most significant categories that determine the process of self-identification and the formation of the unity of the nation is dangerous as a possible object of manipulation by external and internal enemies of Russia.

Keywords: state; Russian land; youth; paternalism; alienation; patriotism; political values

For citation: Evgenyeva T.V., Evgenyev V.A. Political perceptions and values of Russian youth in the context of their historical and cultural foundations. *Humanitarian sciences*. 2023;13(3):94-100. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-94-100

ВВЕДЕНИЕ

Современная молодежь, система ее представлений и ценностей в последние годы находится в центре внимания представителей различных направлений гуманитарного и социального знания. Отдельные авторы связывают с молодежью ожидание развития и преобразований в самых различных сферах жизни: экономической, политической, культурной.

При этом они подчеркивают неоднородность, разнонаправленность системы политических представлений и ценностей современных молодых людей. С одной стороны, значительная их часть сегодня включена в деятельность по защите интересов России — как непосредственно на фронтах специальной военной операции на территории Украины, так и в форме различных направлений волонтерской деятельности. С другой стороны, нельзя не замечать и ту часть, которая выступает с осуждением действий Российского государства или просто бежит от основных обязанностей гражданина за пределы своего Отечества.

В связи с этим в центре внимания исследований оказывается проблема патриотизма, форм его проявления и методов воспитания у молодого поколения. Главные вопросы: что такое для современной России патриотизм? каковы его исторические и культурные основания? кто является образцом настоящего патриота для молодежи?

Среди исследований, посвященных анализу особенностей представлений, ценностных ориентаций, установок отдельных категорий российской молодежи, определяющих тот или иной политический или социокультурный выбор, можно назвать работы таких авторов, как А. В. Селезнева [1–3], В. В. Петухов [4], В. А. Касамара, М. С. Максименкова, А. А. Сорокина [5], Ю. А. Зубок, А. С. Любутов [6].

При этом недостаточно исследованным остается вопрос о роли глубинных исторических и социокультурных оснований в этой системе представлений и ценностей, выявление которых — цель настоящей статьи.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Базовым концептуальным основанием исследования стал политико-психологический подход, предполагающий изучение политических ценностей и представлений с двух методологических позиций. Во-первых, это анализ данных явлений в качестве элементов политического сознания

личности, а во-вторых, изучение образно-символических форм их проявления.

Источником анализа и понимания историко-культурных оснований системы ценностей в современном российском обществе могут быть работы Ю. С. Пивоварова, в которых он доказывает, что государство, являющееся одновременно образом и ценностью, исторически служило центральным элементом самоидентификации русского общества [7].

Похожего мнения придерживаются С. В. Перевезенцев и его коллеги О. Е. Пучнина, А. Б. Страхов и А. А. Шакирова. По их мнению, «в XVI веке понятие “Русская земля” перестает быть синонимом понятия “государство”, но приобретает новый символический смысл: “общая территория”, “православный русский народ” — и становится своего рода мифологемой, характеризующей великое прошлое “Российского/Московского царства/государства” и потому выступающей важным связующим звеном между великим прошлым, великим настоящим и еще более великим будущим» [8].

Предлагаемые авторами выводы опираются на анализ результатов всероссийского репрезентативного опроса молодежи в возрасте 14–30 лет, проведенного осенью 2022 г., где использовались совокупность количественных (закрытые опросы, оценочное шкалирование) и качественных (неоконченные предложения, ассоциации) методов.

Центральной в исследовании стала категория «Российское государство», а также «Отечество», «Родина», «Русская земля». Кроме того, для анализа была выбрана ценность, которая имеет прямое отношение к образу государства: патриотизм.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ Представления о государстве

Стоит начать с того, что оценки деятельности Российского государства у большинства опрошенных молодых людей в целом оказались положительными. При этом в их представлениях о государстве можно выделить две основные особенности.

Первая — размытость, опора в первую очередь на ассоциации. В открытых вопросах, направленных на выявление ассоциативных связей, можно условно выделить три варианта понимания концепта «государство»:

- Нейтральные ассоциации, такие как «страна» или «территория» (эти определения предложили более половины респондентов). При более подробном анализе на уровне ассоциативного восприятия возникают «Родина» или «Отече-

ство». Следует отметить, что в последующих вопросах они осознаются респондентами, скорее всего, как синонимы («место, где родился») и в целом так же нейтрально. Дополнительная эмоциональная окраска данных определений появляется достаточно редко. Особенно это касается образа Отечества, в определении которого практически отсутствуют характерные для патриотических образно-символических ассоциаций прямые или косвенные отсылки к идеям любви или долга.

В ответах на отдельный вопрос о понятии «Родина» для двух третей респондентов она ассоциируется с местом рождения в различном его понимании — от России в целом до города и поселка; для одной трети — с семьей или родом. Образ Родины как Российского государства встречается достаточно редко.

К этому же направлению можно отнести определения, основанные на ассоциации государства с отдельными государственными институтами (Президент, Государственная Дума, Правительство).

- Второе направление восприятия включает категории, в которых прямо или косвенно подразумеваются ассоциации с силой государства: «держава» или «империя». Примерно треть респондентов, выбравших данную ассоциацию, оценивают эту силу негативно («империя зла», «тоталитарная диктатура»), две трети — позитивно. В этих оценках проявляются территориальные, гендерные и поколенческие различия. Негативные ассоциации чаще появляются в ответах респондентов из Москвы и Санкт-Петербурга мужского пола и граждан, принадлежащим к более старшим когортам молодежи (23–30 лет).

- Для представителей третьего направления (примерно одна треть) Российское государство ассоциируется прежде всего с народом.

При анализе ответов респондентов на открытые вопросы, более подробно определяющие ассоциативные характеристики образа российского государства, заметно, что доминируют ассоциации, базирующиеся на понятиях «народ», «природа» и «культура», а также «русская земля».

При этом для молодых людей, выделяющих последнюю категорию, «земля» не означает формальную или даже историческую территорию, а имеет неразрывную связь с народом и его культурой. Образ Русской земли как особенной включает и необыкновенно красивую природу, и недра с их природными богатствами, и культуру народа, и сам народ.

Данные представления о государстве имеют глубокие исторические корни. Их можно оценить как современную актуализацию взаимосвязи понятий «Русская земля» и «Российское государство».

Интересно, что и в ряде других исследований образно-символической составляющей представлений о российском государстве выступает тот же ассоциативный ряд, в котором Русская земля — это не просто территория, но и Российское государство, и российский народ («особенные люди»), и природные богатства, и богатство русской культуры [9].

Вторая особенность представлений молодежи о государстве — отсутствие или нечеткость понимания его основных функций. Это касается как вопросов, связанным с оценкой государства в целом, так и проблемы отношений между государством и гражданами.

Оценочные суждения респондентов о функциях имеют ярко выраженный разнонаправленный характер. В них отражается одновременно присутствующие в сознании молодежи запросы на свободу и порядок. При небольших гендерных и поколенческих различиях позиции респондентов разделились примерно поровну между большим порядком и большей свободой. Даже показатели крайних позиций (абсолютный контроль — абсолютная свобода) оказались одинаковыми у представителей разных возрастных когорт.

Можно отметить, что выбор респондентами вариантов ответа, связанных с большей свободой («минимальное участие государства»), часто не находит выражения на поведенческом уровне. Свобода от вмешательства государства в их понимании не предполагает собственного участия в общественно-политической жизни страны. Среди респондентов, выбравших вариант минимального участия государства во всех сферах жизни граждан, большинство (две трети) заявили о своей неготовности к участию или вообще затруднились с ответом.

Такая же нечеткость понимания функций проявилась в ответах на вопрос о роли Президента РФ, при том, что большая часть респондентов выбрала определение «государь/правитель». Количественные различия между понятиями «правитель» и «высший государственный чиновник», если смотреть в целом по России, не являются достаточно значимыми, — респонденты часто пытаются объединить их, не уточняя, однако, как именно они взаимосвязаны. Интерес в этом вопросе представляет существенная разница понимания

роли Президента жителями больших и маленьких городов. В небольших городах и поселках количество воспринимающих Президента в качестве правителя в два раза превышает число тех, кто считает его чиновником. В Москве и Санкт-Петербурге, соответственно, обратное соотношение.

Если же говорить о конкретных характеристиках государства, то в большинстве своем респонденты воспринимают его позитивно. При этом наличие негативных отзывов позволяет понять основания, по которым респонденты оценивают успешность его деятельности. Значительная часть молодых людей считают его, скорее всего, сильным и организованным, чем слабым и неорганизованным; скорее развивающимся, чем деградирующим. Наиболее высокие «оценки» государство получило по параметрам, имеющим отношение к внешней политике («проводящее грамотную внешнюю политику», «уважаемое в мире»). Однако при переходе к более конкретным вопросам о внутренней политике, качестве управления и степени ответственности показатели приближаются к средним с отсутствием существенных различий между полярными оценками. Можно предположить, что при недостатке информации о внешнеполитической активности государства молодые люди ориентируются на его медийный образ, а успешность внутренней политики определяют уже по собственным наблюдениям, подмечая недостатки. Кроме того, и средства массовой информации в своих материалах склонны, скорее всего, привлекать внимание к проблемам, чем к достижениям и успехам.

Наибольший процент негативных оценок принадлежит выделенной авторами группе: 18–22 года. Можно предположить, что в этом возрасте человек впервые всерьез сталкивается с необходимостью выстраивать отношения с различными государственными институтами и их представителями. Если проанализировать ответы представителей этой возрастной когорты, можно увидеть сопряжение между представлениями об успешности/неуспешности государства («плохо управляемое», «деградирующее») с такой характеристикой, как «забота о гражданах».

Чем лучше оценка последней, тем более высокими будут показатели деятельности государства и, прежде всего, его внутренней политики.

Таким образом, государство в целом представляется молодому поколению как самостоятельный, скорее абстрактный, чем структурированный политический субъект, от которого молодежь ожи-

дает не только обеспечения порядка, но и заботы о гражданах. Такое отношение отражает восприятие молодыми людьми государства в качестве источника благ, ответственного перед личностью, которая, в свою очередь, ответственностью перед государством и обществом зачастую не наделяется.

Здесь следует отметить двойственную тенденцию. С одной стороны, в ней проявляется неоднократно отмечавшийся исследователями запрос на патернализм, с другой — тенденция к отчуждению от государства и его институтов, что связано как с отсутствием представлений об их функциях, так и с недоверием к их представителям — чиновникам¹.

Представления о патриотизме

По результатам опросов, большинство респондентов назвали себя патриотами. Процент выбравших эту позицию увеличивается соответственно возрасту отвечавших. При этом в ответе на вопрос: «Что такое патриотизм?» больше половины (52%) респондентов выбрали абстрактную позицию («любовь к Отечеству»), которую можно условно определить как пассивную, т.е. не предполагающую какой-либо собственной активности. Другая часть в своем выборе ориентировалась именно на активные проявления патриотизма («забота», «служение»). Здесь мы можем увидеть корреляцию с предыдущим выводом о том, что значительная часть молодежи ожидает от государства заботы и поддержки, но сама не готова предложить ему такую поддержку.

Однако интересно, что при ответе на открытый вопрос о том, в чем проявляется патриотизм, те же респонденты (более двух третей) называли именно варианты активного проявления патриотизма, абстрактная любовь встречается реже.

Такое недостаточно четкое и во многом противоречивое понимание сущности патриотизма особенно заметно проявилось в ответах на предложение привести примеры настоящих патриотов. В историческом контексте респонденты смогли назвать некоторые конкретные имена известных исторических персонажей: правителей (Петр I, Александр Невский, Ленин), военачальников (А. Суворов, М. Кутузов), в том числе представителей белого движения (А. Деникин, М.Г. Дроздовский), реже ученых или писателей (М. Ломоносов,

¹ Более подробно данный вопрос был рассмотрен в статье автора, опубликованной в № 12 журнала «Гуманитарные науки» в 2022 г.

Ф. Достоевский, А. Ахматова), еще реже совершивших подвиги в мирное время (Ю. Гагарин). Из современников таких почти не нашлось. Иногда (как среди исторических, так и современных героев) появляются В. Путин и В. Жириновский.

Небольшое исключение составили респонденты, назвавшие имена известных деятелей оппозиции. Выбор таких персонажей часто свидетельствует об отсутствии реальной информации о содержании их деятельности («Анна Политковская — она пожертвовала собой ради свободы»; «Илья Яшин, потому что он остался в России»).

В остальном ответы включали членов семьи («Мой дед», «Моя мама») или некоторые обобщенные образы граждан, действующих в интересах России («Каждый безымянный работник и научный сотрудник промышленности, электроники и IT-сферы, создающий реальные блага для граждан», «Работники регионального музея. Они не уехали из страны, а продолжили развивать культуру региона, не получив от этого никакой экономической выгоды», «Люди, которые идут на фронт защищать Родину», «Военкоры»). Периодически называли Игоря Стрелкова/Гиркина (других имен, связанных со спецоперацией, не появлялось). Возможно, это связано с тем, что системная пропагандистская деятельность со стороны государства в период проведения опроса (осень 2022 г.) еще велась недостаточно активно и носила, как правило, несистематизированный, фрагментарный характер. Однотипные билборды с фотографиями и основными данными героев вряд ли могли вызвать у граждан серьезную эмоциональную реакцию.

То есть образ оппозиционера, оцениваемого в качестве патриота, был персонифицирован, наполнен для молодых людей конкретным содержанием и мог (и продолжает до сих пор) реально выступать в качестве образца, остальные (неопозиционные) образы, как правило, не имеют ярко выраженных личностных качеств, которым можно было бы подражать.

Хотелось бы подчеркнуть еще одну особенность ответов на данный вопрос. Около 40% респондентов заявили, что настоящих патриотов в современной России не знают, а часть из них считает, что их в принципе нет. Около 30% назвали имена патриотов из прошлого.

То есть можно сказать, что представление о патриотизме (при том, что большинство респондентов оценивают его позитивно) чрезвычайно фрагментировано, размыто как на образно-

символическом, так и на поведенческом уровне. В сознании молодого поколения не существует понятно сформулированных образов, точнее — поведенческих образцов, которые бы соответствовали представлению о патриотизме и которым бы хотелось бы подражать.

ВЫВОДЫ

Обобщение и анализ результатов исследования позволяет сделать несколько выводов, касающихся как особенностей образа Российского государства, сложившегося в сознании представителей молодого поколения россиян, так и специфики понимания и интерпретации ими в контексте этого образа базовых ценностей отечественной культуры. Все это позволит выявить возможные культурно-исторические основания взаимосвязи исследуемых категорий.

Обобщая ответы на закрытые и особенно открытые вопросы респондентов, можно заметить фрагментированный и в целом нечеткий характер восприятия образа государства. При более глубоком анализе становятся заметными две основные тенденции в формировании этого образа.

Во-первых, большинство респондентов воспринимают государство как некий самостоятельный, отдельный от личности субъект, не очень понятный, скорее чужой, чем близкий нам, его гражданам. Одновременно от государства ожидается помощь и забота (именно показатель «забота о гражданах» во многом определяет общую оценку его активности), которые воспринимаются как его основная обязанность.

Во-вторых, говоря о заботе, молодые граждане подразумевают в первую очередь удовлетворение государством основных (в понимании респондента) потребностей как в узко личностном (самореализация), так и в широком смысле (обеспечение условий существования). При этом наиболее значимыми требованиями остаются в целом противоречащие друг другу свобода и порядок.

Такое сочетание отчуждения и патернализма можно оценить как современное проявление похожего двойственного отношения к государству, отмечаемое исследователями восприятия российского государства в разные исторические периоды и имеющее под собой глубинные культурно-исторические основания.

В-третьих, анализ восприятия Российского государства на ассоциативном уровне выявляет еще одну особенность этого процесса — образ государства ассоциируется в сознании молодых

граждан в меньшей степени с его политической составляющей, а в большей — с такими образами, как народ и его культура. В открытых вопросах также появляется понятие «Российская (Русская) земля», включающее не только народ и культуру, но и природу и ее богатства. Эти ассоциации коррелируют с сохранившейся в массовом сознании взаимосвязью между образом Российского государства и Русской землей, о которой говорилось выше.

Описанное восприятие российского государства во многом определяет особенности понимания (или непонимания) смысла концепции «патриотизм». Данная концепция, достаточно широко представленная сегодня в медийном пространстве, значительной частью молодых людей, скорее всего, воспринимается в качестве абстрактной, чем актуализирует переживания на личностном уровне. Воспроизводя общепринятые определения патриотизма, тиражируемые СМИ, многие респонденты не способны привести примеры настоящих патриотов.

Если в истории находятся имена тех, кого можно назвать успешными, то в примерах из сегодняшней жизни конкретика отсутствует. Нет не просто образа патриота — нет представления о патриотизме как образце поведения. Исключение составляют имена известных оппозиционеров, которых назвали некоторые респонденты. То есть получается, что одна из популярных персонифицированных поведенческих моделей не только патриотической, но и в целом политической активности — оппозиционная.

Как уже отмечалось выше, молодые граждане в большинстве своем не имеют четкого представления о правовых основаниях деятельности, об основных обязанностях государства и его институтов, но ожидают при этом заботы о себе. Данный подход может служить основанием для манипулирования их патерналистскими ожиданиями со стороны внешних и внутренних врагов, создавая угрозы для самоидентификации нации и единства государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Селезнева А. В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. М.: Аквилон; 2022. 288 с.
2. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В., Антонов Д. Е. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):63–71. DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–2–63–71
3. Евгеньева Т. В., Селезнева А. В. Моральное и политическое в представлениях российской молодежи в контексте ее социально-политической самоидентификации. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022;(65):278–288. DOI: 10.17223/1998863X/65/1
4. Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621
5. Касамара В. А., Максименкова М. С., Сорокина А. А. Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи. *Общественные науки и современность*. 2020;(4):20–30. DOI: 10.31857/S 086904990010748–4
6. Зубок Ю. А., Любутов А. С. Смысловое пространство реальности: структурная таксономия оснований саморегуляции взаимодействий в молодежной среде. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021;14(3):167–181. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.10
7. Пивоваров Ю. С. «Русская идея»: культурно-цивилизационные предпосылки. Синтез цивилизации и культуры. Международный альманах. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН; 2003.
8. Перевезенцев С. В., Пучнина О. Е., Страхов А. Б., Шакирова А. А. «Государствуем от великого Рюрика...»: к вопросу о формировании единого духовно-политического аксиологического комплекса «Русская земля — Российское государство — Российское царство». *Тетради по консерватизму*. 2021;(3):245–262. DOI: 10.24030/24092517–2021–0–3–245–262
9. Евгеньева Т. В., Смутькина Н. В., Цымбал И. А. Место России в мире в восприятии рядовых граждан: идентификационное измерение. *Полис. Политические исследования*. 2020;(4):181–191. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.13

REFERENCES

1. Selezneva A. V. Russian Youth: Political and Psychological Portrait Against the Background of the Epoch. Moscow: Akvilon; 2022. 288 p. (In Russ.).

2. Evgen'eva T.V., Selezneva A.V., Antonov D.E. Political culture of Russian student youth: value, figurative-symbolic and behavioral aspects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):63–71. DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–2–63–71 (In Russ.).
3. Evgen'eva T.V., Selezneva A.V. Moral and political in the perceptions of Russian youth in the context of their socio-political self-identification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2022;(65):278–288. DOI: 10.17223/1998863X/65/1 (In Russ.).
4. Petukhov V.V. Russian youth and its role in the transformation of society. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2020;(3):119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621 (In Russ.).
5. Kasamara V.A., Maksimenkova M.S., Sorokina A.A. Justice in the views of Russian student youth. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 2020;(4):20–30. DOI: 10.31857/S 086904990010748–4 (In Russ.).
6. Zubok Yu.A., Lyubutov A.S. Semantic space of reality: structural taxonomy of the bases of self-regulation of interactions in the youth environment. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2021;14(3):167–181. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.10 (In Russ.).
7. Pivovarov Yu.S. “Russian idea”: cultural and civilizational background. Synthesis of civilization and culture. International almanac. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2003. (In Russ.).
8. Perevezentsev S.V., Puchnina O.E., Strakhov A.B., Shakirova A.A. “We govern from the great Rurik...”: to the question of the formation of a single spiritual and political axiological complex “Russian land — Russian state — Russian kingdom”. *Tetradi po konservatizmu = Notebooks on conservatism*. 2021;(3):245–262. DOI: 10.24030/24092517–2021–0–3–245–262 (In Russ.).
9. Evgen'eva T.V., Smulkina N.V., Tsymbal I.A. Russia's place in the world in the perception of ordinary citizens: an identification dimension. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Policy. Political studies*. 2020;(4):181–191. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.13 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Татьяна Васильевна Евгеньева — профессор департамента политологии факультета социальных и политических наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Tatyana V. Evgenieva — Professor, Department of Political Science, Department of Social and Political Sciences, Finance University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4711-5476>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

etv133@mail.ru

Вячеслав Александрович Евгеньев — кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры востоковедения и африканистики Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

Viacheslav A. Evgenyev — Cand. Sci. (Political sciences), Senior Research Officer, Department of Oriental and African Studies, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

<https://orcid.org/0009-0005-5641-2201>

polmsl@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.02.2023; accepted for publication on 15.03.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-101-105
УДК 267.6(045)

Молодежное служение РПЦ в XXI веке: идеологические и практические принципы

Д.Л. Филатов

Кафедральный собор Храма Христа Спасителя, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Последние тридцать лет в Русской Православной Церкви происходит процесс возрождения, а значит, расширяется ее влияние на различные слои общества. Для Церкви во все времена было необходимо проводить просветительскую работу среди отдельных групп населения, однако в XXI в. это служение получило структурный характер. Данный факт подтверждается содержанием церковных официальных документов, определяющих мнение РПЦ по всем основным повесткам современного общества: политике, экономике, образованию и пр. Молодежь как наиболее энергичная и активно развивающаяся социальная группа населения также оказалась в центре внимания Церкви. Наряду с этим процесс структуризации и институционализации религиозно-социальной работы с молодежью Русской Православной Церкви является одним из важных теоретико-методологических и практических аспектов целостного формирования и эволюции молодежной политики в Российской Федерации. Более того, представителями Церкви такая работа воспринимается как часть внутренней миссии, целью которой является религиозная жизнь и поиск ответов на извечные вопросы человечества

Ключевые слова: Православие; Русская Православная Церковь; молодежь; миссионерство; Концепция молодежного служения; религия; воспитание; молодежная политика; литургическое общение

Для цитирования: Филатов Д.Л. Молодежное служение РПЦ в XXI веке: идеологические и практические принципы. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):101-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-101-105

ORIGINAL PAPER

Youth Ministry of the ROC of the XXI Century: Ideological and Practical Principles

Filatov D.L.

The Minster of Christ the Savior Cathedral, Moscow, Russia

ABSTRACT

The Russian Orthodox Church has been undergoing a process of revival for the last thirty years, which means that its influence on various strata of society is expanding. The Church has always seen it necessary to carry out educational work among certain groups of the population, but in the XXI century. this ministry has received a structural character. This fact is confirmed by the content of church official documents that determine the opinion of the ROC on all the main agendas of modern society: politics, economics, education, etc. Young people, as the most energetic and actively developing social group of the population, also found themselves in the focus of the Church's attention. Along with this, the process of structuring and institutionalization of religious and social work with the youth of the Russian Orthodox Church is one of the important theoretical, methodological and practical aspects of the holistic formation and evolution of youth policy in the Russian Federation. Moreover, representatives of the Church perceive work with young people as part of an internal mission, the purpose of which is religious life and the search for answers to the eternal questions of humanity

Keywords: Orthodoxy; the Russian Orthodox Church; youth; missionary work; the concept of youth ministry; religion; education; youth policy; liturgical communication

For citation: Filatov D.L. Youth ministry of the ROC of the XXI century: Ideological and practical principles. *Humanitarian sciences.* 2023;13(3):101-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-101-105

Воспитание молодого поколения в религиозной и общественной деятельности Церкви всегда имело главное значение, поскольку человек познается в детях своих (Сир. 11:28) [1, с. 16]. Родители-христиане прежде всего озабочены тем, чтобы дети выросли в православной вере, потому как только тогда в душе их изобразится Христос (Гал. 4: 19).

Иначе говоря, достойное воспитание детей заложено Церковью в Священном Писании, которое требует от старшего и младшего поколений взаимного уважения: *Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле. И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем* (Еф. 6:2–4).

Отсюда становится понятным, что работа с молодежью — дело сохранения и транслирования догматических вероучительных истин. Однако институционализация деятельности РПЦ в сфере молодежной политики произошла совсем недавно [2, с. 149]. На это есть веские идеологические причины.

Председатель Синодального отдела по делам молодежи епископ Бронницкий Игнатий в своем приветственном слове на первом форуме православной молодежи в Якутии в 2012 г. сказал: «В исторической практике Русской Православной Церкви прошлого, вплоть до 90-х гг. XX столетия, мы не встречаем аналогов такой деятельности по вполне понятным причинам: с самого рождения человека его жизнь проходила в обстановке, исполненной духа веры и церковности, семейное воспитание в православных традициях само по себе служило достаточным основанием преемственности поколений верующих. Определенные изменения произошли лишь в начале XX в., когда единство Церкви и общества оказалось в значительной степени нарушенным. Именно тогда в России возникло скаутское движение, в котором патриотическое и спортивное воспитание гармонично сочеталось с духовными традициями Православия. Десятилетия, следовавшие за трагическими событиями 1917 г., по вполне понятным причинам не позволяли и думать о формировании единой церковной политики в отношении молодежи. Лишь после существенных изменений в церковно-государственных отношениях такая деятельность стала не только возможной, но и насущно необходимой»¹.

Систематизация всей деятельности РПЦ, направленной на работу с молодежью, началась с создания в декабре 1990 г. молодежной организации, которая выступила в лице исполнительного органа Священного Синода Русской Церкви по вопросам молодежной политики.

Уже через месяц, 25 января 1991 г., на молодежном съезде в МГУ им. М.В. Ломоносова было сформировано Всецерковное православное молодежное движение Московского Патриархата (ВПМД), включившее в свой состав представителей всех молодежных объединений и обществ, движений и братств, сестричеств и скаутских групп [3, с. 118].

Далее по епархиям РПЦ, при содействии Патриарха Алексия II и местных архиереев, были организованы филиалы ВПМД.

Вместе с тем по всей России впервые после советского периода начали формироваться воскресные школы, приюты, была организована система единого православного образования и воспитания: православные детские сады, школы, гимназии, лицеи, духовные училища, семинарии, институты и университеты. Наряду с этим зародилось плодотворное сотрудничество с социальными и государственными институтами, стали проводиться общецерковные мероприятия с вовлечением в них активной православной молодежи.

Надо сказать, что участие молодежных групп в общественном процессе России выступает одним из основных элементов не только церковной, но и государственной политики. Вопросы моделирования и осуществления современной работы с молодежью исследуются представителями научной школы Московского гуманитарного университета В.И. Буренко, А.А. Королевым, А.Д. Бородаем, Б.А. Ручкиным, А.Н. Мацуевым [2, с. 90].

Мероприятия с активным вовлечением молодого поколения призваны приобщить молодежь к церковному служению, выраженному в просветительской, образовательной, социальной, информационно-издательской работе.

В этом отношении привлечение молодежи к альтруистской деятельности является результатом миссионерской работы, которая для представителей Церкви заключается в просвещении не только нехристианских народов, но и тех, кто уже является «народом Божиим» [4, с. 149]. Задачи миссии при этом, согласно определению V Общецерковного съезда епархиальных миссионе-

¹ URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2206262.html> (дата обращения: 23.01.2023).

ров Русской Православной Церкви, — развитие приходской и литургической жизни².

В конечном итоге целью всей миссионерской (просветительской) работы с молодым поколением является литургическая жизнь Церкви. Важно понимать, что эта миссия определена Священным Писанием, в котором говорится «о многообразии форм и методов апостольского служения Церкви, которая обращается с проповедью Евангелия ко всем людям без исключения»³.

Основную методологию, которой руководствуется в этом вопросе РПЦ, определил в своем послании ап. Павел: *Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных* (1 Кор. 9:22).

Таким образом, представители Церкви работают по принципу, приближенному к правилу инкультурации, предполагающему процесс полного вовлечения в жизнь и нормы какого-либо сообщества.

Подтверждением этому служит миссионерский опыт заместителя руководителя Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи при Даниловом монастыре, который отмечает, что опираться «в деле евангельского просвещения молодежи необходимо на саму молодежь, которая полна сил, находится в активном поиске правды, авторитетов, твердой внутренней основы» [5, с. 45].

Все эти факторы подтверждают, что молодые люди, в силу своей непринужденной темпераментности, являются благоприятной почвой для проповеди Христовой Истины.

Воспитание подрастающего поколения в духе христианской нравственности и морали поможет найти верный путь в этом мире. Духовно-нравственное развитие следует начинать с ранних лет, отчего в школах сегодня проводятся факультативные занятия на религиозные темы.

² Итоговый документ V Общецерковного съезда епархиальных миссионеров Русской Православной Церкви. URL: https://k-istine.ru/mission/mission_v_kongress_final_document-03.htm (дата обращения: 23.01.2023).

³ Об организации молодежной работы в Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1639899> (дата обращения: 23.01.2023).

А. К. Скотовиков отмечал, что политическая жизнь в XXI в. значительно сдвинулась в среде деятельных институтов гражданского общества и энергичное участие в политике стала принимать Русская Православная Церковь [6].

Переломным моментом в развитии работы с молодежью РПЦ являются события 2000 г.:

1. Определение «Концепции православного молодежного служения РПЦ» как главенствующего документа в сфере деятельности с молодежью.

2. Формирование на основе Всецерковного православного молодежного движения Синодального отдела по делам молодежи, призванного осуществлять координацию деятельности и реализовать на практике положения «Концепции» [3, с. 118].

Таким образом, в процессе формирования политики Русской Православной Церкви по работе с молодежью следует обозначить две фазы становления: с 1990 по 2000 г. и с 2000 г. по настоящее время.

Надо сказать, что относительно первого периода существует альтернативное мнение. Как считает В.А. Смирнов, первая стадия вписывается во временной отрезок с 1991 по 2000 г. и характеризуется «отсутствием в дискурсивном сознании большинства служителей церкви понимания необходимости особых форм и методов работы с молодежью» [7, с. 32].

Современная стадия, начавшаяся с 2000 г., «ознаменовалась трансформацией дискурсивного сознания чиновников РПЦ и изменением отношения к молодежи. Молодое поколение стало маркироваться как особая социальная группа, требующая, соответственно, особых форм работы с ней» [7, с. 33].

Поддерживая мнение В.А. Смирнова относительно значения институционализации работы РПЦ с молодежью и его высокую оценку этой деятельности, нельзя не согласиться с его словами о «дискурсивном сознании» представителей Церкви.

Думается, что Церковь во все времена обращала пристальное внимание на молодую аудиторию, окружая ее заботой и воспитанием. При этом переломный момент в 2000 г. не следует рассматривать отдельно от единого контекста возрождения Русской Церкви в середине 90-х гг. В это время совершенствовалась вся структура РПЦ в целом и ее молодежная политика в частности.

Так, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II 26 января 1998 г. в приветственном слове на V Рождественских образовательных чте-

ниях поднимал вопросы о трудностях современной молодежи. Он говорил о необходимости ее участия в церковном служении: «Непросто складывается жизнь современной российской молодежи. Пьянство, наркомания, разврат, безработица, заброшенность, дедовщина в армии. Молодежи нужнее всего живое дело. А в Церкви такое дело всегда есть. Ей нужны помощники, молодые, горячие сердца»⁴.

Анализируя содержание текстов важнейших документов в области реализации работы с молодежью Русской Православной Церкви, можно заметить, что само понятие «молодежная политика» в них отсутствует. Здесь фигурируют термины «молодежное служение» и «молодежная работа» [3, с. 119].

«Концепция» молодежного служения Русской Православной Церкви обосновывает необходимость работы с молодежью, устанавливает возрастные границы, а также обозначает цели, задачи, убеждения организации. Так, целями молодежного служения в документе определены:

1. «Воцерковление всех сторон жизни молодого человека.
2. Активное вовлечение молодых людей в диаконическое (социальное) служение Русской Православной Церкви.
3. Содействие лучшему пониманию молодыми людьми Православной веры и миссии Церкви в современном мире.
4. Содействие диалогу молодых людей в Православной Церкви.
5. Содействие священнослужителям, активным мирянам Русской Православной Церкви в приобретении опыта работы с молодежью»⁵.

⁴ URL: <http://patriarh-i-narod.ru/slovo-patriarha/rozhdestvenskie-obrazovatelnye-chteniya/12-slovo-na-otkrytii-rozhdestvenskikh-chtenij-1998-g> (дата обращения: 24.01.2023).

⁵ Концепция православного молодёжного служения Русской Православной Церкви. URL: <https://cyberpedia.su/11x117b3.html> (дата обращения: 24.01.2023).

Содержание каждого из представленных в «Концепции» пунктов подробно раскрывается и поясняется.

Важно также рассмотреть инструментальные принципы, которые были провозглашены для молодежного служения РПЦ, — они вполне соответствуют словам апостола Павла из первого послания к Коринфянам, поскольку предполагают:

1. «Личностный характер общения.
2. Учет индивидуальных и возрастных особенностей.
3. Не назидание, а живое общение.
4. Совместное участие в мероприятиях.
5. Жизнь в церковном приходе.
6. Общение в семье и через семью.
7. Простоту отношений.
8. Принцип системности и целостности»⁶.

Из этого следует, что молодежное служение Русской Православной Церкви сегодня можно назвать одним из результативно действующих примеров общественной молодежной политики в России⁷.

Ядро всей церковной жизни, а значит, и ее молодежной работы — литургическое общение, которое формирует цель, а вместе с тем — положительный результат служения: полноценное участие верующего в Таинстве Евхаристии [8, с. 79].

Таким образом, все направления и формы просвещения РПЦ имеют главную миссионерскую составляющую. Молодежное служение, как и любое другое внутри Церкви, является не самоцелью, а лишь тем инструментом, который должен открыть человеку истины о Боге.

⁶ Там же.

⁷ Молодежная политика Русской Православной Церкви в Российской Федерации. URL: <https://church-and-time.ru/1413> (дата обращения: 24.01.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Матюхина О.А., Дзюбан В.В. О некоторых направлениях работы с молодежью российского православного духовенства в конце XIX — начале XX веков (на материалах Орловской губернии). *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2016;(1):16–19.
2. Алексеев Н.В. Соработничество молодежных общественно-политических организаций и РПЦ: историко-политологический анализ. PolitBook. Чебоксары: Научно-исследовательский институт общественных и политических наук; 2014.
3. Елишев С. О. Молодежная политика Русской Православной Церкви в Российской Федерации. *Пространство и время*. 2013;1(11):117–124.
4. Марковский Е. Работа с молодежью на приходе в начале XXI века: особенности и пути развития. URL: <https://uchimsya.com/a/p4e11qxw>

5. Белановский Ю. О миссии среди молодежи. *Вестник Миссионерского отдела*. 2011;(3):45–55.
6. Сквиков А.К. Формирование гражданского общества: мировая практика и российская действительность. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8090>
7. Смирнов В.А. Институционализация региональной молодежной политики в условиях трансформации российского общества. Дис\... доктора соц. наук. СПб.: СПбГУ; 2011. 47 с.
8. Гликель А., свящ. Миссиология. М.: Миссионерский отдел Русской Православной Церкви; 2010. 400 с.

REFERENCES

1. Matyukhina O.A., Dzyuban V.V. On Some Directions of Work with the Russian Orthodox Clergy Youth in the Late 19th – Early 20th Centuries (on the Materials of the Oryol Province). *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova = Vestnik KSU named after N.A. Nekrasov*. 2016;(1):16–19. (In Russ.).
2. Alekseev N.V. Co-operation of youth socio-political organizations and the Russian Orthodox Church: historical and political analysis. PolitBook. Cheboksary: Research Institute of Social and Political Sciences; 2014. (In Russ.).
3. Elishev S.O. Youth Policy of the Russian Orthodox Church in the Russian Federation. *Prostranstvo i vremya = Space and Time*. 2013;1(11):117–124. (In Russ.).
4. Markovsky E. Work with youth in the parish at the beginning of the XXI century: peculiarities and ways of development. URL: <https://uchimsya.com/a/p4el1qxw> (In Russ.).
5. Belanovsky Y. On mission among youth. *Vestnik Missionerskogo otдела = Bulletin of the Missionary Department*. 2011;(3):45–55. (In Russ.).
6. Skovikov A.K. The formation of civil society: world practice and Russian reality. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8090>. (In Russ.).
7. Smirnov V.A. Institutionalization of regional youth policy in the conditions of transformation of the Russian society. Diss. Cand. Sci (Social). St. Petersburg: SPbSU; 2011. 47 p. (In Russ.).
8. Glickel A., Saint missiology. Moscow: Missionary Department of the Russian Orthodox Church; 2010. 400 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Даниил Леонидович Филатов — магистр теологии, священнослужитель Кафедрального Собора Храма Христа Спасителя, Москва, Россия

Daniil L. Filatov — Master of Theology, the Priest of the Minster of the Cathedral of Christ the Savior, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0009-6238-9369>

28121995@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-106-113
УДК 32.019.51(045)

Гейминг в его социальном и политическом контексте последних лет

И.И. Рогов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – проанализировать ситуацию, сложившуюся внутри и вовне гейм-среды – сообществ людей, длительное время играющих в компьютерные игры, в том числе на профессиональном уровне. Современная гейм-среда характеризуется широким охватом и вовлеченностью различных групп общества, но нас в первую очередь интересуют целевые предпочтения молодежи. Автор исходит из позиции, что в вопросах трансляции социокультурных кодов разработчики игр испытывают влияние со стороны медиа и иных социальных агентов. Базовыми теориями для анализа стали положения чикагской школы (в частности – социологический и психологический подходы) и часть положений культурного марксизма (Г. Маркузе). Анализ гейм-среды велся через положения подхода театрального представления, потоковых состояний (поток – ощущение счастья) и в контексте вызова ценностям индустриального общества с позиций постиндустриального общества. Для этого были проанализированы охваты постапокалиптических сценариев в играх и их роль в управлении сознанием.

Ключевые слова: гейминг; фэндом; культурный марксизм; чикагская школа; ощущение потока; подход театрального представления; RPG – role-playing game

Для цитирования: Рогов И.И. Гейминг в его социальном и политическом контексте последних лет. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):106-113. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-106-113

ORIGINAL PAPER

Gaming in Its Social and Political Context of Recent Years

I.I. Rogov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article is the first of two articles in the series, where the goal is to analyze the social function of gaming as a modern social institution. The purpose of the article is to analyze the situation that has developed inside and outside the game environment – communities of people who have been playing computer games for a long time, including those who do it on a professional level. The modern game environment is characterized by wide coverage and involvement of various groups of society; First of all, we are primarily interested in the target preferences of young people. The author proceeds from the position that in the matters of transmitting socio-cultural codes, game developers are influenced by the media and other social agents. The basic theories for analysis were the provisions of the Chicago school (in particular, sociological and psychological approaches) and part of the provisions of cultural Marxism (G. Marcuse). The analysis of the game environment was carried out through the provisions of the theatrical performance approach, flow states (flow is a feeling of happiness) and in the context of a challenge to the values of an industrial society from the perspective of a post-industrial society. For this purpose, the coverage of post-apocalyptic scenarios in games and their role in mind control were analyzed.

Keywords: gaming; fandom, cultural Marxism; Chicago school; sense of flow; theatrical performance approach; RPG – role-playing game

For citation: Rogov I.I. Gaming in its social and political context of recent years. *Humanitarian sciences.* 2023;13(3):106-113. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-106-113

ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Игра — один из базовых культурных кодов по обучению, передаче навыков, социальных стереотипов, а также — вполне конкретных физиологических рефлексов. Игры тренируют самые разные индивидуальные и социальные функции [1, с. 39].

В конце XX в. появился новый вид игр — компьютерные игры, которые (параллельно с распространением индивидуальных гаджетов) быстро стали флагманским пространством трансляции социокультурных кодов, образцов поведения, политических идентичностей, а индивиду дали возможность почувствовать себя другим в повседневной жизни.

Если мы хотим понять социальную сущность гейминга, необходимо определить: (1) структуру и роли гейм-среды; (2) взаимодействие гейминга с внешней средой; (3) что по этому поводу думают ученые; (4) контуры социальной динамики.

Пока готовилась эта статья, Государственная Дума приняла (Совет Федераций одобрил, а Президент подписал) закон о защите русского языка от чрезмерных иностранных заимствований¹. Однако гейминг — среда, в которой, несмотря на максимальное заимствование иностранных (а зачастую жаргонных) слов, отсутствуют русскоязычные аналоги. Причины просты: наша страна катастрофически отстает в производстве гейм-контента, поэтому заимствование иностранных слов является вынужденной мерой.

ТЕОРИЯ ИГРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

Один из ярчайших представителей чикагской школы, Ирвинг Гофман, еще в середине XX столетия обратил внимание на странные тенденции. Объекты исследований Гофмана — игроки, верящие в реальность собственных фантазий, поэтому его метод часто называют «подходом театрального представления». Гофман разглядел нечто, что до сих пор игнорируют структурные функционалисты: то, чего не существует на самом деле, приобретает в мире игры атрибуты подлинной реальности [2, с. 29].

Значительную часть своих исследований ученый уделил разнообразным закрытым социальным общностям — преимущественно тюрьме

и больнице, он не мог знать, что спустя двадцать лет после его смерти сформируются социумы, которые не просто будут верить в реальность игры, но и станут жить по ее законам. Термин «фэндом» (fandom) используется для обозначения общности фанатов сегмента поп-культуры (самой субкультуры, вселенной фильма или книги и т.д.), в которой созданы уникальные закономерности. С точки зрения социологии — это открытое неформальное воображаемое сообщество, варьирующееся от малой группы до широкой общности. Тем не менее четкости и консенсусности в его использовании до сих пор нет.

Ирвинг Гофман умер в 1982 г., и потому в его работах в качестве примеров фигурируют всяческие социальные девианты. Что бы он сказал, знай, что именно с 80-х гг. XX в. начнет формироваться целая индустрия развлечений, которая постепенно захватит сознание уже не пациентов психиатрических клиник, а вполне обычного индивида — представителя среднего класса, гражданина открытого общества?

Примерно за двадцать лет до Гофмана, в середине XX в., леворадикальный марксист, младший представитель чикагской (франкфуртской) школы, Герберт Маркузе в известной работе «Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда» (1955 г.) приходит к известному выводу: нынешняя цивилизация заточена на прогресс, а прогресс — на материальный достаток (самолеты, автомобили, телевизоры), следовательно, современная культура репрессивна [3, с. 27]. Маркузе выдвигает идею слома поведенческих стереотипов через достижение удовольствия: «Отринь прошлую культуру и живи в удовольствии!» Принцип удовольствия становится вершиной леворадикальной марксистской мысли, механизмом слома традиционной протестантской культуры.

В 1990 г. ведущий психолог чикагской школы Михай Чиксентмихайи издает книгу «Поток: Психология оптимального переживания», в которой проводит простые и понятные мысли: поскольку счастье (оно же — удовольствие) — то, что каждый сам культивирует в себе, необходимо создать такие поведенческие стандарты, чтобы люди были убеждены, что они счастливы. «Я “открыл”, — пишет Чиксентмихайи, — что счастье — это вовсе не то, что с нами случается. Это не результат везения или счастливой случайности. Его нельзя купить за деньги или добиться силой. Оно зависит не

¹ Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации»». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028>

от происходящих вокруг событий, а от нашей их интерпретации. Счастье — это состояние, к которому каждый должен готовиться, растить его и хранить внутри себя. Люди, научившиеся контролировать свои переживания, смогут сами влиять на качество своей жизни. Только так каждый из нас может приблизиться к тому, чтобы быть счастливым» [4, с. 135].

Ирфинг Гофман, Герберт Маркузе и Михай Чиксентмихайи прямо не связаны ни с теорией игр, ни с фэндомами геймерского сообщества, но знание их концепций даст нам понимание объективных трендов, позволит понять кое-какие закономерности.

ГЕЙМИНГ: ОХВАТЫ

Если в сегменте пользователей персонального компьютера комьюнити еще делится на тех, кто использует его для работы, и тех, кто — для игр, смартфон стер эти границы: мобильный гейминг захватывает почти всех своих пользователей. Примерно одна треть игроков хотя бы стремятся к профессионализации своего хобби, а многие уже зарабатывают на этом. Геймеры как класс (а в пору говорить о новом социальном классе) объединены в локальные сетевые общества — *фэндомы*.

Глобальный рынок видеоигр в 2000 г. составил 8 млрд долл.; в 2009–20 млрд долл., а в 2020 г. — 180 млрд долл. — 20% глобального рынка. Одновременно глобальный рынок блокбастеров в 2020 г. — всего 100 млрд долл.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕБЯ ДРУГИМ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

RPG — role-playing game (ролевая игра) — это «бродилки»: квесты плюс hack and slash («руби и кромсай»). RPG — один из самых популярных и старейших жанров в секторе гейминга. Факторами, обеспечивающими прирост интереса, выступают инвариантность выполнения квестов и «гринд» — действия, направленные на получение внутриигровых ресурсов.

На заре становления (1990–2000 гг., отчасти — до 2005 г.) RPG характеризовались следующими факторами:

- 1) однопользовательский офлайн;
- 2) как правило, трехэтапная система сложности (легкий, нормальный, сложный);
- 3) параллельные квесты разного уровня сложности, не связанные с основной системой и непроходимые на низких уровнях;

4) ограниченный выбор концовок (1–2, редко — 3).

Значительную долю охвата обеспечивало отсутствие конкуренции (и/или незначительная конкуренция) и/или неискушенность целевой аудитории, поэтому выход каждой новой игры был событием. Однако продажи осуществлялись только на дисках, что приносило мало прибыли.

В период 1990–2005 гг. соотношение доходов от продаж к суммам, необходимым для инвестирования в новые игры (или аддоны), было таково, что даже успешные компании попадали в риск банкротства и прогорали. Реклама (предсказуемо) ограничивалась телевидением, но малое финансирование не позволяло ставить ее в час пик, что сокращало перечень рекламируемых игр до минимума: рекламировались только игры-события, создатели которых были уверены в их окупаемости.

Выход World of Warcraft в 2004 г. открыл новую эру и задал новые тренды — онлайн. Этот фактор стал причиной/инструментом бесконечного повышения доходов/капитализации рынка, поскольку упростил создание потенциально платного контента. Ранее — в эпоху офлайн — необходимо было вложить идеи, средства, время и работу в аддон, но никто не давал гарантии, что диск окупит затраченные средства; кроме того, были проблемы с локализацией/налогами. Эпоха широкополосного интернета полностью изменила весь сектор: постепенно начали формироваться системы Pay-to-Win (плати, чтобы победить), контроль за поведением игроков и микротранзакции. Тем не менее переход в онлайн занял почти 10 лет: еще было сильно желание работников старой школы делать качественный контент за 5–7 (вплоть до 10) лет; не все компании смогли перестроиться, проанализировать финансовые выгоды от онлайн-формата, а целевая аудитория (геймеры) не была готова к перманентным (даже ежемесячным) донатам (оплате за контент). По завершении переходного этапа сектор коммерциализировался окончательно, и доминирующую роль в нем заняли компании-гиганты.

Современная ситуация в жанре RPG характеризуется следующими факторами:

1. Тотальное доминирование онлайн-формата. Все оффлайн-овые RPG стали нуждаться в обосновании: почему они не переведены в онлайн и что понижает их статус в восприятии ЦА.
2. Отказ от сложного, требующего высокого индивидуального скилла прохождения в пользу

«пати» — командной игры, ивентов и сезонов. Статус индивидуального игрока, ранее зависящий только от его скилла, теперь зависел от статуса (рейтинга) клана, следовательно, важнейшей задачей стало интегрирование в статусный клан. Формирование и поддержка кланов (а не рядового игрока) со стороны корпораций выступали инструментом контроля за комьюнити. Этот фактор породил значительный рост черного рынка — так называемого «спонсорства», когда обеспеченный человек покупает себе статусную позицию, не соответствующую его реальным умениям (скиллу).

3. Исчезли квесты разного уровня сложности, их заменили сезоны/ивенты, что породило профессиональных бустеров.

4. Сложилась система Pay-to-Win (плати и выигрывай): иногда — официальная, в 90% случаев — полуофициальная. Ее суть проста: ты покупаешь у корпорации-производителя товары в официальном магазине, и... тебе становится легче играть. Как правило, товары находятся в категории «boost» (помощь в прокачке). Однако в большинстве систем в момент покупки индивидуальному аккаунту присваивается негласный рейтинг (как правило, выражающийся в двоичном исчислении — «1» или «0»). Все знают о сложившейся проблеме, и, как правило, возмущаются, но продолжают играть в игры, т.е. — идти на условия корпораций.

5. Многократно увеличилось количество самих игр RPG — жанр «растекся» по смежным областям. Теперь это всякая игра, где участник задействован в развитии персонажа, любой онлайн-фэнтези-контент называется «RPG». Как следствие, сам нейминг «RPG» стал если не брендом, то указанием на группу брендов.

6. Объемы рекламы значительно возросли, но локализуются на платформах, нацеленных на гейминг, а также на YouTube и Twitch. Реклама — всплывающая, банерная; у блогеров; на официальных порталах корпораций; в Steam и на подобных площадках. Пробная игра — в виде ограниченного по времени бесплатного контента.

7. Главный инструмент дохода корпораций — постоянный донат со стороны комьюнити, а следовательно, главная цель — максимально удерживать внимание игроков. Для этого созданы системы поддержания внутреннего рейтинга (перманентная), ежедневного накопления ценного внутриигрового имущества, а также микро-транзакции («онлайн-казино»).

Согласно статистике за 2020 г. (более поздние данные спорные из-за пандемии COVID-19), до 22% корпораций использовали микро-транзакции, чтобы привлечь внимание игроков и задержать их в игре (соответственно, повысить их внутриигровой статус)².

История микро-транзакций началась с игровых аркадных автоматов, прошла стадию расширений, DLC (дополнительный контент, помимо основной игры) и превратилась в основную бизнес-модель для онлайн. Как заявил Кристин Кокс, одна из идеологов данной системы: «Если игрок не понимает свой уровень мастерства в игре и хочет обменять свое время на деньги — предоставьте ему такую возможность»³. Дело дошло до того, что микро-транзакции стали флагманским направлением в системе Pay-to-Win и, что важно — непосредственным механизмом «обретения индивидуальности в игре», т.е. представления себя другим в предпочитаемом фендоме.

В чем причина подобной мотивации? Обычно называются следующие: (1) эскапизм (бегство от реального мира); (2) пубертатные переживания (в том числе детские травмы); (3) чувство одиночества; (4) негативные переживания (зависть к богатым и успешным, желание снять стресс) и т.д. Автор, не отрицая актуальности перечисленных причин, главной полагает тезис М. Чиксентмихайи (счастье — то, что каждый сам культивирует в себе), или, расширенно, «принцип удовольствия» Маркузе-Чиксентмихайи (то, что человек сам считает главным удовольствием в своей жизни). Значит, чтобы управлять человеком, необходимо внушить ему стандарты, по достижении которых он считал бы себя счастливым.

Мои соображения подтверждает тот факт, что, хотя большая часть критики направлена на нечестность системы донатов (Pay-to-Win), даже в той ситуации, когда человек покупает только «косметику» (то, что визуально украшает игру), он приобретает индивидуальность, а с ней — и удовольствие. Фактически в играх уже реализована концепция современного брендинга: покупая бренд, ты приобретаешь не товар, а индивидуальность, удовольствие и статус.

Легко предположить, как будут развиваться тренды. С каждым последующим поколением игр

² Most common gaming business models used by game developers worldwide in 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1183087/game-developers-business-models/>.

³ Good Design Makes Happy Customers: A Microtransaction Design Primer. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f4Hdyl0avz8>

корпорации станут придумывать новые способы совершенствования системы Pay-to-Win, проще говоря — выколачивая денег. Если в 2023 г. нормой (к которой все привыкли!) является ситуация, когда человек покупает саму игру, платную подписку, ускоренную прокачку и (по желанию) косметические предметы, то спустя примерно пять лет опция «платный дополнительный режим игры», уже реализованная в ряде проектов («Ведьмак»), станет привычной нормой. Дальше будут продаваться разнообразные эксклюзивные концовки и все то, что придает индивидуальность игре.

Геймдизайнеры всегда тратили много времени на изучение человеческого поведения для последующего управления им. Однако, как мы увидим впоследствии, дело сводится не только к освоению сегмента рынка.

Однако маркетинговые решения — не основная причина, по которой участники проводят за игрой так много времени. Есть два условия, с помощью которых достигается эффект погружения, многочасового ежедневного присутствия: (1) стремление исследовать мир; (2) идентификация себя с образом своего героя.

«Представление себя другим в повседневной жизни» — название классической работы Ирвинга Гофмана. В ее главах «Вера в исполняемую партию», «Коммуникация с выходом из представляемого характера», «Инсценирование и социальное Я человека» проанализированы законы и ритуалы социального поведения людей в «драматургическом» или «театральном» сценарии.

ПЕРВОМУ ГЕЙМЕРУ — ПРИГОТОВИТЬСЯ!

Тот факт, что ЦРУ курировало и контролировало рынок блокбастеров Голливуда, отмечен многократно. Рынок гейминга был свободен примерно до XXI в., но после теракта 11 сентября 2001 г. постепенно попал под влияние спецслужб. В 2001 г. в шутере Tom Clancy's Ghost Recon бравые американские спецназовцы в 2008 г. уничтожали русских на территории «Южно-Осетинской автономии». Игра, повторюсь, 2001 г., про гипотетические события 2008 г. Если приведенный пример — не свидетельство программируемого сознания, единственным объяснением будет то, что в кампании Ubisoft работают пророки. С такой точностью даже Ванга не предсказывала!

Понятно, почему выбран жанр шутера: максимально близкий к реальности с максимальным же охватом целевой аудитории: от подростков 10 лет до пенсионеров.

Анализируя сюжеты одного из наиболее брендированных шутеров — серии Call of Duty, которая ведет начало с 2003 г. (на 2022 г. вышло 18 серий), несложно предположить, что процесс разработки курируют профильные офицеры ЦРУ. Например, Call of Duty 4: Modern Warfare образца 2007 г. — откровенно провокационная игра. Хотя формально ее нельзя назвать антироссийской, она моделирует в сознании среднестатистического геймера-тинейджера реальность, которая могла бы многих устроить на Западе: в России — гражданская война, страна разделена на враждующие сегменты и т.п. В Call of Duty 4 масса практических заданий: сбивать российские вертолеты и т.п. По состоянию на 2020 г., эта русофобская игра входит в топ-5 самых популярных шутеров в мире с наибольшим количеством активных пользователей.

После возвращения Крыма в 2014 г. и начала СВО в 2022 г. данная игра видится несколько иначе: как подготовка общественного мнения в адресной среде (среди геймеров, которые в 2007 г. были еще тинейджерами, а с 2014 г. уже могли служить в армии) к нападению Запада на Россию — «Евромайдана», а на деле — госпереворота и перевода Украины под внешнее управление в 2014-м г.

Одним из «кирпичиков» в навязывании повестки и перекраивании исторической памяти стала Company of Heroes 2 (2013 г.), анонсированная как игра по мотивам произведений Василия Гроссмана. Градус русофобии в ней был таков, что впервые издатели — под давлением общественности — свернули продажи.

В жанре action-adventure есть один очень старый, но абсолютно узнаваемый бренд: «Лара Крофт, Расхитительница Гробниц». Во второй части (после перезапуска серии) — Rise of the Tomb Raider (2016 г.) бессмертная героиня впервые попадает в Россию, в Сибирь, и узнает душеспасительную историю о том, как русская армия поработала свободолюбивые народы Сибири, отправляя их работать на урановые рудники. Подчеркнем: данную легенду нельзя списать на стандартные требования сюжета, поскольку в первой части «Tomb Raider» 2013 г., место действия которой — затерянные острова на востоке от Японии, ни на йоту не опорочены ни японская и иная восточная культура, ни страна, ни народ. Финал же неадекватности с позиций здравого смысла и доказательство психоисторической войны — задание сжигать портреты Юрия Гагарина.

Российские исследования по трендам стереотипизации сознания уже есть, но еще маргинализированы: в научных журналах ВАК автор их практически не встречал. Прочитав статью из электронных медиа: «Подтверждают тотальную русофобию в играх и зарубежные исследователи... Хуже русских врагов для американских геймеров только мутанты Generic Human. Русские выступали врагами в 21% игр. Меньшими врагами предстают в играх инопланетяне и террористы, не говоря уже о монстрах и прочих исчадиях виртуального ада» [5]. Все это уже воспроизвело старый стереотип «Bad boy Iwan» на новом, геймерском уровне коммуникации.

Русскоязычный кластер тоже не обошелся без скандалов на антироссийском поприще. Речь идет о сверхпопулярной франшизе «Метро», созданной по одноименному фантастическому циклу Д. Глуховского, в частности — Metro Exodus. Тогда на канале «Россия 24» появился сюжет, где Metro Exodus прямо обвиняли в русофобии. Хотя гейм-сообщества насчитывают десятки миллионов игроков, а цифры по планете приближаются к астрономическим (от 1,5 до 3 млрд, телевизионные медиа обычно не замечают этого огромного и разнообразного мира. Тот факт, что ТВ-канал посвятил сюжет игровой индустрии, объясняется просто: в одной из игр усмотрели контент, который можно подать как скандальный инфоповод.

Масло в огонь подлил и автор, Д. Глуховский (внесен Минюстом России в реестр СМИ и физлиц, выполняющих функции иностранного агента): «Да, Metro Exodus — это политическое заявление. Это история о том, как вы можете манипулировать нацией, запирая ее в бункере, симулируя вечную войну, указывая пальцем на внешнего врага и обвиняя его во всех своих провалах» [6].

Суть конфликта в следующем: одна из ачивок (достижений) в игре называется «декоммунизация» и дается за уничтожение статуи В.И. Ленина. Ведущий «России 24» справедливо указал, что западная аудитория в восторге, поскольку игра идеально укладывается в их представление о России, формируя и подтверждая ее негативный образ. Глуховский, наоборот, заявил, что русофобия — это то, что делает наше ТВ.

Отмечу, что большинство блогеров и стримеров (а в российском сегменте франшиза предсказуемо имеет максимальный охват) встало на защиту игры и против телеканала: «Политика в Metro Exodus — не русофобия, а беззубая критика российской власти», — написал один из игро-

вых порталов⁴. Здесь можно сделать выводы как об успешном управлении сознанием среднестатистического российского геймера с Запада, так и о нежелании общества, особенно молодежной его части, возвращаться к советскому прошлому (безотносительно объективной характеристики этого прошлого). Стоит отметить, что Андрей Прохоров — создатель и креативный директор компании — разработчика 4AGames — активно поддерживал Евромайдан и не скрывал своей антироссийской позиции.

Если бороться против русофобии и антигосударственных трендов в гейм-дизайне, то делать это необходимо на начальных стадиях, когда контент только выходит на российский рынок. Однако никаких барьеров для платформы Steam (или иных, подобных) у нас не было, геймерское сообщество потребляло данный продукт, и потому большинство блогеров выступили против «России 24» и поддержали Metro Exodus.

По счастью, возвращение в СССР (как и в любое прошлое) невозможно. Однако ситуация тоньше — она относится к явлению «мягкой силы» — soft power (термин Дж. Найя) [7]. Большинство игрового комьюнити не знает (в силу возраста), что в период 90-х гг. снос статуй В.И. Ленина означал не только и не столько борьбу против коммунистического прошлого, но и вызов всем русским. Дело в том, что во всех бывших союзных республиках стояли памятники Ленину. Это было элементом внутренней политики СССР и частью национальной политики, проводимой КПСС. В 1989–1992 гг., когда страна начала распадаться, а республики — объявлять самостоятельность, снос статуй был символическим актом сброса груза советского прошлого. Но одновременно волна негатива (а в некоторых республиках — и гонений) обрушилась на русскоязычное население, вне зависимости от отношения этого населения к самому Ленину и КПСС. Вторая волна «ленинопада» произошла на Украине в период политического кризиса 2013–2014 гг., а последний Ленин в селе Старые Трояны Килийского района Одесской области простоял... до 2021 г.⁵ Поэтому ситуация, реализованная в Metro Exodus, — не просто игровая ачивка, а проекция реальной политической ситуации и социального, мировоззренческого выбора.

⁴ URL: <https://dtf.ru/games/41204-politika-v-metro-exodus-ne-rusofobiya-a-bezzubaya-kritika-rossiyskoy-vlasti>.

⁵ На Украине снесли последний памятник Ленину. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10561453>

Вывод очевиден: влияние «мягкой силы» идет от украинского разработчика (и его зарубежных хозяев) на отечественный сегмент игрового рынка и сознание отечественного геймера.

Все вышеупомянутые игры дали предсказуемые всходы. После начала операции по денацификации Украины в 2022 г. на Западе вовсю звучали призывы к расправе уже со всем русским народом, а в саму Украину отправились наемники. Некоторые из них, как, например, известный снайпер с позывным «Валли» (ник тоже взят из игр) в свободное время... играет в шутеры!

Отмечу, что нет ни одной игры, в которой русские как нация были бы положительными героями. Однако не стоит думать, что видеоигры — исключительно русофобия. Нет, просто это наиболее эффективная среда подготовки и трансляции будущих поведенческих и политических трендов и нарративов. Так, еще в далеком 2007 г. вышла первая *Assassin's Creed* — самая известная из action-adventure, где прослеживались спорные моменты. Заложенные Ubisoft латентные тренды развивались, и спустя 10 лет двадцать первая часть саги явила миру неприкрытую пропаганду гомосексуализма. А еще в 2004 г. вышел один из лучших шутеров эпохи — *Far Cry*, сразу ставший культовым. Действия в открытом мире и с непредсказуемым результатом разворачивались на выдуманном тропическом острове без названия. Затем были еще три части: в Африке и Гималаях. В каждой из них главный герой боролся с бандитами, наркобаронами и иными реальными силами зла. И вот в феврале 2018 г. был анонсирован *Far Cry 5* (тоже Ubisoft), в котором действие разворачивалось в США в округе Хоуп, штат Монтана, где по сюжету надо отстреливать фанатичных сектантов — свидетелей секты судного дня «Врата Эдема». Силы зла в *Far Cry 5* представлены исключительно реднеками (жителями глубинки). *Far Cry 5* вышел в 2018 г., и до расцвета культа ВЛМ оставалось два года (хотя само движение возникло в 2013 г.).

В последнее время максимум ресурсов брошено на раскрутку постапокалиптического телесериала канала НВО «Один из нас» (*The Last of Us*), который создан по одноименной игре в жанре зомби-апокалипсиса. Действие происходит на территории США спустя 20 лет после начала пандемии легочного вируса. Главные герои в игре выживают, сражаясь с полчищами зомби, а в сериале... просто показан мир постапокалипсиса, который... выглядит вполне нормальным

и в котором можно жить! Полагаю, дальнейшие параллели излишни.

Факты, доказывающие, что не только Ubisoft давно стал софтверным подразделением ЦРУ, можно обнаружить и в жанре RPG. В марте 2021 г. стало известно, что должность вице-президента по корпоративным вопросам компании Activision Blizzard заняла Фрэнсис Таунсенд — высокопоставленный офицер ЦРУ, одна из основателей министерства внутренней безопасности (*Department of Homeland Security*)⁶. Таунсенд работала личным советником Джорджа Буша-младшего по внутренней безопасности, выступала экспертом телеканала CNN по вопросам противодействия терроризму. Она является автором «списка Таунсенд» — особо опасных врагов США. То есть эта дама определяла приоритетные цели как для внешней разведки Соединенных Штатов, так и для спецслужб внутренней безопасности.

Можно представить, какое негодование царило бы в Рунете, если бы высокопоставленный сотрудник ФСБ (или из Администрации Президента РФ) занял бы любую должность, скажем... в WoT (хотя только наивное комьюнити считает WoT белорусской игрой) — тоталитарный контроль со стороны имперского государства!

Результаты назначения Ф. Таунсенд не заставили себя ждать: в 2022 г. Blizzard ограничила возможности игроков из России и Белоруссии по общению и приобретению новой продукции (бизнес и экономика вне политики?) и ушла из Китая. Это стоило Ф. Таунсенд должности в Activision Blizzard: ее обвинили в сексуальных домогательствах и заставили покинуть компанию.

Одновременно, в начале того же 2022 г., Microsoft анонсировала покупку Activision Blizzard за рекордные 68,7 млрд долл.⁷ Это не просто слияние и поглощение: под контроль поставлена одна из крупнейших и, безусловно, самая известная в гейм-мире корпорация, которая почти 30 лет делала культовые фэнтези-сеттинги, свободные от soft power, без скрытой политической повестки.

Полагаю, выводы по реальной, а не декларированной значимости гейм-сообщества для

⁶ URL: <https://shazoo.ru/2021/03/04/106737/ekspert-po-borbe-terrorizmom-stala-vice-prezidentom-activision-blizzard>

⁷ Microsoft купит разработчика Warcraft и Call of Duty за \$ 68,7 млрд. ПБК: URL: <https://www.rbc.ru/business/18/01/2022/61e6c2609a7947a4c06a191b> (дата обращения: 06.03.2023).

продвижения повестки дня и иных социально-политических нарративов очевидны: миллионное сообщество не может остаться без пристального внимания со стороны спецслужб, различных правительственных структур и подчиненных им медиа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. Пер. с нидерл. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха; 2011.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. Пер. с англ. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле; 2000.
3. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. Киев: Port-Royal; 1995.
4. Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. Пер. с англ. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн; 2011.
5. Илющенко Р. Практическая игровая русофобия. URL: <https://vpk-news.ru/articles/57777>
6. Кинский Д. Дмитрий Глуховский: «Метро: Исход» — это политическое высказывание». URL: <https://kanobu-ru.turbopages.org/kanobu.ru/s/news/dmitrij-gluhovskij-metro-ishod-eto-politicheskoe-vyiskazyivanie-411395/>
7. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs; 2004.

REFERENCES

1. Heyzing J. Homo Ludens. The person playing. Transl. from Dutch. St. Petersburg: Publishing house by Ivan Limbakh; 2011. (In Russ.).
2. Hoffman I. Presentation of oneself to other people in everyday life. Translated from English. Moscow: KANON-press-C, Kuchkovo pole; 2000. (In Russ.).
3. Marcuse G. Eros and civilization. Freud's philosophical study. Kyiv: Port-Royal; 1995. (In Russ.).
4. Chiksentmihayi M. Flow state: Psychology of optimal experience. Translated from English. Moscow: Sense and Meaning: Alpina non-fiction; 2011. (In Russ.).
5. Ilyushchenko R. Practical game Russophobia. URL: <https://vpk-news.ru/articles/57777> (In Russ.).
6. Kinsky D. Dmitry Glukhovsky: "Metro: Exodus" is a political statement." URL: <https://kanobu-ru.turbopages.org/kanobu.ru/s/news/dmitrij-gluhovskij-meto-oto-politicheskoe-viskaZyivanie-411395/> (In Russ.).
7. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs; 2004.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Илья Игоревич Рогов — кандидат философских наук, доцент департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия

Ilya I. Rogov — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Mass Communications and Media Business, Financial University under the Government of the Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0003-6181-5692>

iirogov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.02.2023; принята к публикации 20.03.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.02.2023; accepted for publication on 20.03.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-114-120
УДК 32.019.51(045)

Метод анализа мифов (по Р. Барту) как инструмент для исследования процесса легитимации политической системы на примере переосмысления исторического опыта СССР в современной России*

Е.С. Чимирис

Российская академия наук, Москва, Россия;
Всероссийская академия внешней торговли при Минэкономразвития РФ, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор делает попытку проанализировать ряд базовых мифов, которые основываются на событиях или особенностях исторических событий периода СССР, но оказывают непосредственное влияние на процесс легитимации современной политической системы России. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью научно осмыслить существующий опыт в формировании идейных основ государственности России с учетом запроса на анализ ее генетического кода. Для анализа автором выбраны следующие мифы: «Памятник Гагарину как символ прорывного технологического наследия СССР и России как преемницы этого наследия»; «Экономический рост как символ экономического детерминизма, заложенного идеологией марксизма». Определение механизма формирования мифов на основе исторического опыта СССР позволило выявить перспективные направления для выработки мифов в будущем.

Ключевые слова: миф; легитимность; СССР; семиотика; дискурс

Для цитирования: Чимирис Е.С. Метод анализа мифов (по Р. Барту) как инструмент для исследования процесса легитимации политической системы на примере переосмысления исторического опыта СССР в современной России. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):114-120. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-114-120

ORIGINAL PAPER

Approach to the Method of Myths Analysis (according to R. Bart Methodology) as a Tool for Studying the Process of Legitimation of the Political System on the Example of the Rethinking of the Historical Experience of the USSR in Contemporary Russia**

E.S. Chimiris

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian Foreign Trade Academy, Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

ABSTRACT

In this article, the author attempts to analyze several basic myths that are based on the events or peculiarities of the historical events of the USSR period, but at the same time have a direct impact on the process of legitimation of the modern political system in Russia. The relevance of this topic is conditioned by the need to scientifically comprehend the existing experience both scientifically and analytically in the formation of the ideological foundations of the statehood of Russia, considering the request for the analysis of the "genetic code" of the Russian political system. As a material for analysis, the author of the article uses generally accepted ideas and artifacts of Russian modernity. The author identified the following three myths for the

* Проект «Генетический код Российской государственности. Политическая система периода СССР» № 122101100042-2 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

** Project "Genetic code of Russian statehood. The Political System of the USSR Period" No. 122101100042-2 was implemented at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences following the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research

analysis: St. George's Ribbon as a symbol of the victory of the USSR over fascism, the Gagarin Monument as a symbol of the breakthrough technological heritage of the USSR and Russia as the successor of this heritage; Economic growth as a symbol of economic determinism embedded in the ideology of Marxism. The identification and determination of the mechanism for the formation of myths based on the historical experience of the USSR has made it possible to identify promising directions for the development of myths in the future.

Keywords: myth; legitimacy; USSR; semiotics; discourse

For citation: Chimiris E.S. Approach to the method of myths analysis (according to R. Bart methodology) as a tool for studying the process of legitimation of the political system on the example of the rethinking of the historical experience of the USSR in contemporary Russia. *Humanitarian sciences*. 2023;13(3):114-120. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-114-120

ВВЕДЕНИЕ

Поиск «генетического кода» российской государственности становится темой, которая активно набирает актуальность как в публичном, так и научном поле. Сама по себе метафора «гена», который считается «вшитым» в политическую и общественную «ткань» российского общества, предопределяет выбор объекта и методов исследования процессов легитимации власти и основ функционирования российского государства. В этой связи поиск метаязыка для описания генетического кода становится одной из важных исследовательских проблем, требующих решения в настоящий момент. В рамках данной статьи автор предпринимает попытку использовать метаязык, предложенный Роланом Бартом [1] для деконструкции и анализа мифов, где используется исторический материал периода СССР, который адаптируется для легитимации политического порядка в современной России.

Отметим, что в данной статье мы не говорим о том, что миф — это некий негативный феномен, структура мифа — один из способов деконструировать образы и смыслы и разобраться в особенностях их функционирования.

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

Проблематика легитимности государств была вынесена в научное поле достаточно давно и связана с различными аспектами [2]. Причин, по которым государство может утратить легитимность, множество — это и национальные движения сецессионного характера, и экономические кризисы, и сбои в функционировании институциональных систем и т.п. В связи с этим исследователи пытаются ответить на вопросы: насколько сильным и устойчивым должно быть государство? как обеспечить легитимность институтов в условиях нарастающих внешних и внутренних вызовов и угроз [3].

В рамках политической теории мы можем выявить различные подходы к пониманию и исследованию

легитимности государственной власти и институтов, начиная классическими трудами М. Вебера [4] и его последователей [5] и заканчивая социо-психологическим [6], кросс-национальным [7, 8], когнитивным подходами [9].

Отдельно стоит отметить отечественные разработки концепта легитимности в рамках подходов, базирующихся на анализе политического дискурса [10]. Несомненно, особое внимание российские ученые уделяют процессам легитимации в России как на федеральном уровне, так и в регионах. Особую актуальность вопросы легитимации власти приобретают, когда складывается предреволюционная ситуация и после революции.

В связи с лингвистическим поворотом и переосмыслением роли языка в социально-политических процессах появились дополнительные инструменты для исследования истоков государственности, принятия решений, а также легитимации власти. В рамках когнитивного подхода мы предполагаем, что ключевыми факторами легитимации власти становятся ценности, представления о хорошем и плохом, правильном и неправильном, которые отражены в формальных институтах, а также корпусе неформальных практик и представлений. Во многом в процесс легитимации существующей системы власти вовлечено понимание истории и знаковых исторических событий, которые призваны логическим образом обосновать решения, принимаемые в текущей политической ситуации.

В этой связи возможные санкции за неисполнение установленных правил не являются самым значимым аспектом легитимности власти. В большей степени срабатывает вера в правильность установленных государством и общественной системой правил [11]. Как показал Э. Дюркгейм, общественно одобряемое поведение человека зависит не столько от угрозы реальных санкций, сколько от силы *социального факта*, который является продуктом коллективного сознания и имеет принудительную силу над индивидом [12]. Если

сила социального факта не ощутима в данный момент, это не значит, что он отсутствует. Индивид принимает нормы и правила, и это не задевает его внутренние установки. Воздействие социальных фактов чаще всего не замечается индивидом, пока он не начинает противиться этому действию. Наличие общественного мнения вынуждает его к совершению определенных поступков. Иными словами, общество задает тот социальный и политический порядок, который становится легитимным для индивида, если он его принимает и если его ценности совпадают с общепризнанными.

Идеи Дюркгейма относительно механизма легитимации получили развитие у ряда современных авторов. Все они так или иначе пишут о легитимности как восприятию существующего порядка в качестве справедливого и правильного в глазах населения. Так, К. Хорн рассматривает легитимность не как индивидуальную установку, а как социальную норму, которая обязывает индивидов к послушанию и поддержке лидера. В свою очередь, выполнение нормы обеспечивается угрозой социальных санкций за невыполнение [13]. Т.Р. Тайлер пишет о том, что ключевой детерминантой легитимности государства является восприятие процесса принятия решений как справедливого. Регулярный опыт использования этих процедур создает социальные ценности, которые побуждают людей чувствовать длительную личную обязанность следовать установленным правилам [14, 15]. Политическая функция власти по управлению обществом приобретает легитимность в том случае, если она отражает идентичность общества [16].

Б. Ротстайн последовательно показывает, что институты электоральной демократии — не единственные определяющие факторы легитимности. Автор отмечает, что многие этнические меньшинства никогда не получают электоральное большинство в демократиях, но, тем не менее, продолжают считать правительство легитимным. Поэтому для легитимности важнее не процедура избрания правительства, а осуществление им честной политики [17].

С точки зрения Р. Баркера, важную роль в формировании легитимности играют элиты и лидеры. Исследователь называет процесс достижения элитами особого, по сравнению с остальными людьми, статуса *эндогенной* легитимацией [18]. Элиты выстраивают такую систему отношений, в которой они занимают особое положение, и именно этот факт предопределяет легитимность их власти.

Если мы ведем речь о правильном и справедливом порядке, то логично было бы поговорить о ценностях. Установленный легитимный порядок должен соответствовать той системе ценностей и верований, которая существует у населения. Согласно П. Бурдье ценности (или смыслы и понятия) создаются лидерами, которые монополизируют это право. Парадокс заключается в том, что любая группа людей для того, чтобы заявить о своем существовании, вынуждена делегировать часть полномочий по представлению себя лидеру, который тем самым получает власть над этой группой. Однако, с другой стороны, если бы не было группы, то и лидер был бы не нужен, и, следовательно, у него не было бы того ресурса власти, который выражается в формировании смыслов и трактовок. «Обозначающий — это не только тот, кто выражает или представляет означаемую группу, но и тот, благодаря которому группа узнает, что она существует, и кто имеет возможность обеспечить ей видимое существование с помощью мобилизации» [19].

Таким образом мы постепенно подходим к когнитивной концепции легитимности П. Бергера и Т. Лукмана, которые считают, что процесс легитимации состоит в «объяснении» институционального порядка. Однако, по мнению авторов, легитимация — это не только вопрос ценностей, но и формирование системы знания о социальной системе. Знание о социальных ролях, о правильном и неправильном формирует ценностную картину мира. Исследование мифов как семиотических конструкций может приблизить нас к пониманию легитимной картины мира, которая присуща тому или иному обществу на определенном историческом этапе развития.

МИФ КАК ОСНОВА ДЛЯ ЛЕГИТИМАЦИИ ЧЕРЕЗ ДИСКУРС

Миф, предложенный Р. Бартом в качестве метаязыка для описания социальной реальности, представляется одним из таких дискурсивных инструментов, который способен усилить или ослабить легитимацию власти в определенном смысловом контексте. Способность сформировать «сильный» миф во многом определяет успех модели легитимации, избранной элитами.

Язык является важнейшей основой для формирования легитимационных моделей: «Тот, кто обладает властью, в значительной степени определяет употребление и значение слов и выраже-

1. Означающее	2. Означаемое		
3. Знак I. ОЗНАЧАЮЩЕЕ		II. ОЗНАЧАЕМОЕ	Язык
III. ЗНАК			Миф

Рис. 1 / Fig. 1. Конструкция мифа (Р. Барт) Myth Construction (R. Bart)

Источник / Source: [1].

ний» [20]. Различные языковые средства помогают власти задать необходимый тон коммуникации, определить допустимую к использованию терминологию. Формирование легитимности через дискурс основано не только на личных предпочтениях политической элиты, но и на исторических традициях и культурных ценностях. Создание новых институтов, появление нового политического лидера зачастую сопровождается появлением нового дискурсного поля легитимации, принятием новых легитимирующих моделей и мифов [21].

Миф — это коммуникативная система, которая берет факты и знаки и добавляет к ним дополнительные значения, формируя сложные и сильные символические структуры, оказывающие влияние на общественное сознание. Исходным материалом для мифа становятся не только слова и тексты, но и изображения (картины, фотографии, плакаты, памятники), кинофильмы, телепередачи и т.п., иным словом — знаки. В семиотической системе выделяют означающее, означаемое и знак. Миф становится вторичной семиологической системой, а сам знак для него — означающим (рис. 1).

Через призму мифа люди воспринимают мир, в том числе — мир политического. Таким образом, миф формирует отношение к миру и в конечном счете — поведение.

В политической сфере наиболее важными становятся государствообразующие мифы, которые объясняют, почему существует именно такое государство, именно в этих границах, и почему граждане этой страны называют себя именно так, а не иначе. Не последнюю роль в формировании подобных мифов играет трактовка исторических фактов. Рассмотрим несколько вариантов формирования мифов в рамках современной российской семиотической системы на основе фактов советской истории.

СОБЫТИЯ ВРЕМЕН СССР КАК МИФЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Памятник Гагарину

Памятники Юрию Гагарину как человеку, который впервые в истории полетел в Космос — один из

примеров современного мифа в России, который призван поддерживать вполне конкретную смысловую конструкцию для легитимации политической системы (рис. 2).

Данный миф планомерно поддерживает идею о том, что СССР — страна с передовыми космическими технологиями. Россия как преемник СССР также претендует на этот статус. В этой связи показательно, что памятники Гагарину были установлены в разных городах мира: Ираклион (Греция), Хьюстон (США), Карловы Вары (Чехия), Тривандрум (Индия), Монтевидео (Уругвай), Эрфут (Германия), Буэнос-Айрес (Аргентина), Байконур (Казахстан), Берген (Норвегия), а также на Шри-Ланке.

Важно, что полет первого человека в Космос имел общемировое значение для развития научно-технического процесса. Тот факт, что именно советская наука и технологии позволили совершить такой прорыв, делает данное событие особенно важным для демонстрации значимости советского научно-технического наследия во всем мире. В силу того, что базовый миф «Памятник Гагарину» строится на способности страны производить технологические инновации, основная угроза для этой модели мира заключается в способности современной российской науки формировать технологические инновации, которые будут интересны мировому сообществу.

Экономический рост

Миф экономического роста находит свое физическое и символическое воплощение в запросе политической системы на числовые показатели различного рода улучшений в области экономики. Классическим примером формирования данного смыслового поля становится запрос на рост ВВП (рис. 3).

Способ показывать эффективность экономики через постоянный рост ВВП, а не иных показателей (к примеру, уровня образования, развития науки и культуры, технологических инноваций), берет свое начало в экономическом детерминизме, который бал характерен для СССР.

1. Означающее Памятник Гагарину	2. Означаемое Первый человек в Космосе		
3. Знак I. ОЗНАЧАЮЩЕЕ Уникальный первый опыт полета человека в Космос		IV. ОЗНАЧАЕМОЕ Впервые в Космос полетел советский человек	Язык
III. ЗНАК СССР – страна с передовыми космическими технологиями			Миф

Рис. 2 / Fig. 2. Деконструкция мифа «Памятник Гагарину» / Myth Deconstruction “Gagarin’s Monument”

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

1. Означающее Рост показателей ВВП	2. Означаемое Рост национальной экономики		
3. Знак V. ОЗНАЧАЮЩЕЕ Россия – эффективная развивающаяся экономика		VI. ОЗНАЧАЕМОЕ Решения, принимаемые в области экономики	Язык
III. ЗНАК Россия – перспективная, сильная и самостоятельная экономика			Миф

Рис. 3 / Fig. 3. Деконструкция мифа «Экономический рост» / Myth Deconstruction “Economic Growth”

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

С одной стороны, примат экономики последовательно и регулярно утверждался в рамках всей системы образования и общественной науки СССР. С другой стороны, сложности в области экономического развития (провалы, перенапряжение сил общества для достижения значимых экономических результатов, стремление догнать и перегнать Запад в области технологий) вызывали постоянный интерес к экономической тематике.

Стоит обратить внимание на то, что все сферы общества рассматриваются через призму экономики: если в образовании и науке есть проблемы, значит, их недостаточно финансируют; экологические проблемы возникают, потому что бизнесу экономически невыгодно ими заниматься. Наследие экономического детерминизма, прочно усвоенного в период СССР, до сих пор с нами в нашем повседневном и профессиональном дискурсе [22].

В силу того, что данный миф прочно укоренен в семиотическом поле России, его важно учитывать при поиске и формировании «генетического кода» российской государственности.

ВЫВОДЫ

В данной статье предпринята попытка рассмотрения двух мифов, которые уходят корнями в историю СССР, но оказывают влияние на про-

цесс легитимации современной политической системы России. Мифы «Памятник Гагарину» и «Экономический рост» в терминологии Р. Барта являются «сильными», они эффективно помогают объяснять происходящее и расставлять акценты и приоритеты. Эти мифы прочно вплетены в ткань общественного сознания и тем самым поддерживают и структурируют понимание повседневности и политических процессов.

Однако каждый миф имеет ограниченный срок актуальности, и перемены во внешней среде рано или поздно приведут к необходимости выработки новых — для поддержания социальной структуры общества. Предварительно можно отметить, что таковым может стать история о достижениях культуры и искусства периода СССР, которые важно помнить, развивать на их базе новые направления и форматы, выходить на мировой уровень. Еще одним вариантом потенциально успешного мифа может стать система высшего образования, которая в свое время помогла СССР сформировать новое поколение интеллигенции после массового оттока людей интеллектуального труда за рубеж во время Революции и Гражданской войны. Данный список можно дополнять, поскольку многие аспекты истории СССР пока не нашли должного отображения и переосмысления в современном общественно-политическом дискурсе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект; 2008. 351 с.
2. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства. URL: https://travellingscience.blogspot.com/2013/11/blog-post_5995.html
3. Fukuyama F. State Building. Governance and World Order in the Twentieth-First Century. DOI: <https://doi.org/10.7591/9780801455360>
4. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс; 1990.
5. Истон Д. Категории системного анализа политики. Пер. с англ. Зубова К.А. *Антология мировой политической мысли*. 1997;(2):630–642.
6. Canetti E. *Crowds and Power*. England: Middlesex; Victoria; 1973.
7. Gilley B. The meaning and measure of state legitimacy: Results for 72 countries. *European Journal of Political Research*. 2006;(45):499–525. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00307.x>
8. Hegtvedt K.A., Johnson C. Power and Justice: Toward an Understanding of Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):376–399. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764209338798>
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум; 1995.
10. Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта. *Полис*. 2001;(2):113–131.
11. Hetcher M. Legitimacy in the Modern World. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):280–287.
12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон; 1996.
13. Horne C.A. Social Norms Approach to Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):400–415. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764209338799>
14. Tyler T.R. A psychological perspective on the legitimacy of institutions and authorities. *The psychology of legitimacy: Emerging perspectives on ideology, justice, and intergroup relations*. 2001;57(1):416–436. DOI: <https://doi.org/10.2307/1191958>
15. Tyler T.R. Psychological perspectives on legitimacy and legitimation. *Annual Review of Psychology*. 2006;(57):375–400. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.57.102904.190038>
16. Coicaud J.M. Legitimacy and Politics. A Contribution to the Study of Political Right and Political Responsibility. Cambridge: Cambridge University Press; 1997.
17. Rothstein B. Creating Political Legitimacy. Electoral Democracy Versus Quality of Government. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):311–330. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1338615>
18. Barker R. Legitimizing Identities. The Self-Presentation of Rulers and Subjects. Cambridge: Cambridge University Press; 2001. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511490163>
19. Бурдьё П. Социология социального пространства. Пер. с фр. М.: Социо-Логос; 2007.
20. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти. URL: https://www.studmed.ru/view/blakar-rm-yazyk-kak-instrument-socialnoy-vlasti_5562e1ca816.html
21. Leeuwen T.V. Legitimation in Discourse and Communication. *Discourse & Communication*. 2007;1(1):91–112. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750481307071986>
22. Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Издательский сервис; 2004.

REFERENCES

1. Bart R. Mythologies. Moscow: Academic project; 2008. 351 p. (In Russ.).
2. Habermas Yu. The European Nation State: Its Achievements and Limits. On the Past and Future of Sovereignty and Citizenship. Nations and Nationalism. Moscow; 2002:364–381. (In Russ.).
3. Fukuyama F. State Building. Governance and World Order in the Twentieth-First Century. 2004. DOI: <https://doi.org/10.7591/9780801455360>
4. Weber M. Selected works. Moscow; 1990. (In Russ.).
5. Easton D. Categories of systemic policy analysis. *Anthology of world political thought*. Moscow: 1997;(2):630–642. (In Russ.).
6. Canetti E. *Crowds and Power*. England, Middlesex; Victoria. 1973.
7. Gilley B. The meaning and measure of state legitimacy: Results for 72 countries. *European Journal of Political Research*. 2006;45:499–525. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00307.x>

8. Hegtvedt K.A., Johnson C. Power and Justice: Toward an Understanding of Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):376–399. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764209338798>
9. Berger P., Lukman T. Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge. Moscow; 1995. (In Russ.).
10. Zavershinskiy K.F. Legitimacy: genesis, formation, and development of the concept. *Polis. Political Studies*. 2001;2:113–131. (In Russ.).
11. Hetcher M. Legitimacy in the Modern World. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):280–287.
12. Durkheim E. On the Division of Social Labor. Moscow; 1996. (In Russ.).
13. Horne C.A. Social Norms Approach to Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):400–415. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764209338799>
14. Tyler T.R. A psychological perspective on the legitimacy of institutions and authorities. *The psychology of legitimacy: Emerging perspectives on ideology, justice, and intergroup relations*. J.T. Jost & B. Major, eds. Cambridge, UK; 2001:416–436. DOI: <https://doi.org/10.2307/1191958>
15. Tyler T.R. Psychological perspectives on legitimacy and legitimation. *Annual Review of Psychology*. 2006;(57):375–400. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.57.102904.190038>
16. Coicaud J.M. Legitimacy and Politics. A Contribution to the Study of Political Right and Political Responsibility. Cambridge; 1997.
17. Rothstein B. Creating Political Legitimacy. Electoral Democracy Versus Quality of Government. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):311–330. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1338615>
18. Barker R. Legitimizing Identities. The Self-Presentation of Rulers and Subjects. Cambridge; 2001:9–10. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511490163>
19. Bourdieu P. Sociology of Social Space. Moscow; 2007. (In Russ.).
20. Blakar R.M. Language as an instrument of social power. *Language and modeling of social interaction*. Moscow; 1987:88–124. (In Russ.).
21. Leeuwen T.V. Legitimation in Discourse and Communication. *Discourse & Communication*. 2007;1(1):91–112. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750481307071986>
22. Biryukov N.I., Sergeev V.M. Formation of institutions of representative power in modern Russia. Moscow: Publishing service; 2004. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Сергеевна Чимириц — научный сотрудник отдела глобальных проблем, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия; руководитель Центра социально-политических исследований, Институт развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли при Минэкономразвития РФ, Москва, Россия

Ekaterina S. Chimiris — research associate of the Department of Global Issues, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Head of the Center for Social and Political Studies, Institute for Integration Processes Research and development, Russian Foreign Trade Academy, Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9837-8014>
chimiris@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.04.2023; принята к публикации 20.05.2023.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 13.04.2023; accepted for publication on 20.05.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-121-127
УДК 339.138(045)

Разработка решений для маркетинговой стратегии креативного кластера на основе применения метода «мозговой штурм»

Ю.В. Логинова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет. Креативные индустрии являются перспективным направлением для сохранения и создания рабочих мест и развития творческого потенциала человека, а также обладают потенциалом высокой добавленной стоимости. В связи с этим актуальным является развитие мест их концентрации – креативных кластеров, а для этого необходимо разрабатывать эффективные маркетинговые стратегии с учетом мнения целевой аудитории. **Цель.** Выявить идеи для формирования маркетинговой стратегии креативного кластера на основе проведения мозгового штурма с представителями целевой аудитории. **Методология.** Автором использованы такие методы исследования, как мозговой штурм, сравнение, анализ. Основу исследования составило проведение мозгового штурма со студентами. В исследовании приняли участие 74 представителя целевой аудитории из разных регионов страны, разделенные на три независимые группы. **Результаты.** Маркетинговая стратегия кластера должна содержать креативные решения, которые позволят ему выделиться на рынке, уникальность, а также популярные решения, которые будут пользоваться массовым спросом у аудитории. В результате исследований определены идеи по продвижению кластера, оценена популярность каждой из них; в ходе мозгового штурма проведена их классификация и выявлено пять наиболее предпочтительных видов деятельности кластера. По результатам исследований выяснены общие тенденции в предпочтениях по видам деятельности кластера в трех независимых группах и креативные идеи, которые позволят выделить уникальность кластера и станут основой его маркетинговой стратегии.

Ключевые слова: креативные индустрии; маркетинговая стратегия; креативный кластер; мозговой штурм; оценка креативности; маркетинговые исследования; классификация; поиск решений

Для цитирования: Логинова Ю.В. Разработка решений для маркетинговой стратегии креативного кластера на основе применения метода «мозговой штурм». *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):121-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-121-127

ORIGINAL PAPER

Development of Solutions for the Marketing Strategy of a Creative Cluster Based on the Application of the “Brainstorming” Technique

Yu.V. Loginova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Subject. Creative industries are a promising area for preserving and creating jobs, developing human creativity, and also have the potential for high added value. In this regard, the development of places of their concentration as creative clusters is relevant, and for this purpose it is necessary to develop effective marketing strategies, taking into account the opinion of the target audience. **Objective.** To identify ideas for the formation of a marketing strategy for a creative cluster based on brainstorming with representatives of the target audience. **Methodology.** The author used such research methods as brainstorming, comparison, analysis. The basis of the study was a brainstorming session with one of the important segments of the target audience of the cluster – the students. The study involved 74 representatives of the target audience from different regions of the country divided into three independent groups. **Results.** The marketing strategy of the cluster should contain both creative solutions that will allow you to stand out in the market and define uniqueness, as well as popular solutions that will be in mass demand among the audience. As a result of the research, ideas for promoting the cluster were identified and the popularity of each idea was determined. The classification of the ideas received in the course of brainstorming was carried out and the five most preferred types of cluster activity among the target audience were identified. Based on the results of the

research, general trends in preferences for the types of activities of the cluster in three independent groups were revealed. As a result of the study, creative ideas were identified that will highlight the uniqueness of the cluster and become the basis of its marketing strategy.

Keywords: creative industries; marketing strategy; creative cluster; brainstorming; creativity assessment; marketing research; classification; searching for solutions

For Citation: Loginova Y.V. Development of solutions for the marketing strategy of a creative cluster based on the application of the "brainstorming" technique. *Humanitarian sciences*. 2023;13(3):121-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-121-127

ВВЕДЕНИЕ

Креативные индустрии являются основой креативной экономики, которая стремительно развивается, и обладают потенциалом для создания высокой добавленной стоимости, сохранения рабочих мест и формирования новых, а также развития творческого потенциала человека¹.

«Креативный кластер — взаимосвязанные организации и предприятия, размещенные на территории компактно расположенных объектов недвижимости. Креативные кластеры развиваются управляющей компанией под единым брендом и объединяют резидентов (арендаторов) из секторов творческих (креативных) индустрий, субъектов творческого (креативного) предпринимательства в целом, имеют необходимую инфраструктуру для творческой и (или) предпринимательской деятельности, являются центром для создателей и потребителей творческого продукта и позитивно воздействуют на территорию своего присутствия». Кластер как элемент креативной экономики показывает свою жизнеспособность и экономическую эффективность. Наибольшая концентрация креативных кластеров представлена в крупных городах: Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Однако прогнозируется рост числа креативных кластеров в регионах [1].

С одной стороны, кластер должен обладать привлекательностью для резидентов и обеспечивать необходимые условия для создания творческого продукта. С другой стороны, он должен быть интересен и для внешней аудитории и туристов, что подтверждают успешные практики. В связи с этим актуальным представляется исследование по выявлению решений для наполнения кластера, что станет основой для разработки его маркетинговой стратегии. Креативный кластер, как в России, так и за рубежом, рассматривается как средоточие деловой и культурной жизни города. Его развитие зависит от таких отраслей, как туризм и развлечения; он также обеспечивает

сохранение историко-культурного наследия и повышение комфортности городской среды [2, 3]. Увеличение инвестиций в развитие креативных кластеров стало обычной практикой на муниципальном уровне, особенно в прогрессивных городах, которые давно озабочены экономическим развитием [4, 5].

«МОЗГОВОЙ ШТУРМ» КАК МЕТОД ПОИСКА РЕШЕНИЙ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ МАРКЕТИНГОВОЙ СТРАТЕГИИ КРЕАТИВНОГО КЛАСТЕРА

Существует необходимость научной организации генерирования бизнес-идей по продвижению продукции на региональных рынках, в том числе из-за усиления конкуренции, где популярностью пользуется метод «мозговой штурм» [6]. Данный метод позволяет получить большое количество идей, с которыми можно работать в дальнейшем. Существует множество способов проведения мозгового штурма, а в данном исследовании он выбран с учетом поставленных задач на основе работ Ю. В. Сидельникова, О. Тоубиа и Н. Л. Титова [7–9].

МЕТОДОЛОГИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ РЕШЕНИЙ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОГО КЛАСТЕРА

Задачи исследования — сформировать общий список решений для кластера, определить его виды деятельности, выявить наиболее популярные идеи и выбрать самые креативные из предложенных. Исследование включает несколько этапов. На предварительном этапе определяется способ проведения мозгового штурма с учетом поставленных целей и задач, формулируется задача для участников, с учетом предъявляемых требований создается целевая группа. На основном этапе проводится непосредственно мозговой штурм, на заключительном — систематизация и анализ полученных в его ходе данных, интерпретация и представление результатов исследования.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р. URL: <http://government.ru/docs/all/136723/>

Таблица 1 / Table 1

**Топ-3 популярных идей для развития креативного кластера, по результатам оценки всех групп /
Top 3 popular ideas for creative cluster development, as assessed by all groups**

Идея	Значение, %
Группа 1	
Фестиваль уличной культуры	52
Постоянно действующая ярмарка образовательных проектов, вузов, ведущих компаний с целью образования нации и поиска новых кадров	52
Креативный коворкинг со студией создания контента	48
Группа 2	
Бесплатный коворкинг и нетворкинг-сессии	71
Фуд-зона с участием местных производителей	67
Выставки современного искусства с возможностью там выставляться	50
Группа 3	
Хорор-квест	72
Коворкинг	69
Фестиваль кинопоказов / творческий фестиваль / стендап	66

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

В качестве целевой группы участников исследования определена студенческая молодежь, имеющая отношение к креативным индустриям как перспективной профессиональной деятельности. Также важной составляющей исследования является наличие представителей различных регионов для определения региональной специфики развития существующих креативных кластеров. Креативные кластеры прежде всего ориентированы на креативный слой населения, который представлен как резидентами, так и потребителями его услуг. Поэтому студенческая молодежь, обучающаяся креативным профессиям, является наиболее перспективной и приоритетной целевой аудиторией кластера. В рамках исследования приняло участие 74 человека — студенты 2-го курса направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва) — представители Москвы, Республики Татарстан, Орловской, Свердловской и Саратовской областей и др. Исследование проводилось независимо в трех примерно равных по количеству участников группах. Проведение трех итераций мозгового штурма с разными участниками обусловлено необходимостью выявления общих тенденций у независимых групп.

При проведении мозгового штурма предусмотрено 4 роли: модератор, фиксатор, генератор и оценщик. Модератор не входил в состав учебной группы, а осуществлял знакомство участников с проблематикой исследования, следил за соблюдением установленных правил, собирал данные от участников по оценкам идей. Фиксатор выбирался из участников группы, в его задачи входила регистрация всех предложенных идей в авторской формулировке и оценка каждой из них. Фиксатор также принимал участие в исследовании в роли генератора, предлагающего идеи, и оценщика по установленным критериям.

Проведение мозгового штурма включало несколько последовательных этапов. На первом этапе участники были ознакомлены с существующей проблематикой. На втором им были представлены правила проведения мозгового штурма, заданы вопросы и проведен сбор данных. Время проведения сессии мозгового штурма в группах варьировалось в пределах 30–45 мин, в течение которых модераторы проводили активацию, задавая уточняющие вопросы. На третьем этапе осуществлялась оценка предложенных идей. Для интерпретации результатов исследования применялись такие методы научного познания,

Классификация идей по видам деятельности кластера / Classification of ideas by cluster activities

	Группа	Описание группы	Пример
1	Фестивали, выставки	Идеи с проведением различных творческих мероприятий разного формата: выставки, фестивали, которые носят временный характер	Проведение фестиваля уличной культуры
2	Ярмарки	Идеи, связанные с продажей продукции собственного производства и личных вещей	Гаражная распродажа
3	Досуг, саморазвитие	Постоянные мероприятия, направленные на получение некоторых навыков, или проведение досуга	Открытый кинотеатр и проведение мастер-классов по различным тематикам
4	Рабочее пространство	Идеи, связанные с организацией пространства для реализации трудовой деятельности	Креативный коворкинг со студией создания контента
5	Развитие бизнеса, образование	Идеи по проведению мероприятий, направленных на развитие бизнеса и получение профессиональных знаний и навыков	Профорентация и стажировка у резидентов кластера

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

как анализ и синтез, также была использована программа Microsoft Excel.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОПУЛЯРНЫХ ИДЕЙ ПО СОЗДАНИЮ КРЕАТИВНОГО КЛАСТЕРА

В результате проведения мозгового штурма получено 44 идеи, проведена их сортировка и выяснены наиболее (максимальное количество голосов) и наименее (минимальное количество голосов) предпочтительные. В табл. 1 представлены три наиболее предпочтительные идеи каждой группы. Предпочтения определены как процент количества проголосовавших за данную идею от общего количества участников группы.

Проведя анализ наиболее предпочтительных идей по развитию креативного кластера, можно сделать вывод, что его обязательной составляющей должен быть коворкинг, так как данная идея входит в Топ-3 в каждой группе независимо проведенного исследования. Предпочтительность коворкинга варьируется от 48 до 71%. В двух группах предлагается дополнить коворкинг студией создания контента и нетворкинг-сессией. От 50 до 66% получили идеи проведения мероприятий, связанных с культурой и искусством, которые также входят в Топ-3. Остальные идеи у групп не пересекаются, но при этом набрали большое количество голосов (от 52 до 72%).

Таким образом, нами выявлены общие тенденции при проведении исследований в трех независимых группах: коворкинг и мероприятия, связанные с культурой и искусством. Это позволит принимать решения в целях привлечения целевой аудитории.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОЛУЧЕННЫХ ИДЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВИДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕАТИВНОГО КЛАСТЕРА

В ходе анализа полученных идей выявлено, что они имеют схожие черты, в связи с чем проведена их классификация и определено 5 видов деятельности: фестивали, выставки; ярмарки; досуг, саморазвитие; рабочее пространство; образование, развитие бизнеса (карьеры) (табл. 2).

Для выявления общих тенденций в предпочтениях участников исследования в каждой группе было определено количество идей и общее количество голосов по каждому виду деятельности (рис. 1).

Среди выявленных тенденций можно отметить следующие. Во всех трех группах наибольшее количество голосов получают идеи, связанные с таким видом деятельности кластера, как «досуг и саморазвитие». Второй по предпочтениям в первых двух группах выступает идея «фестивали, выставки», а также «рабочее пространство». В третьей же группе она занимает второе место, а «рабочее пространство» — третье.

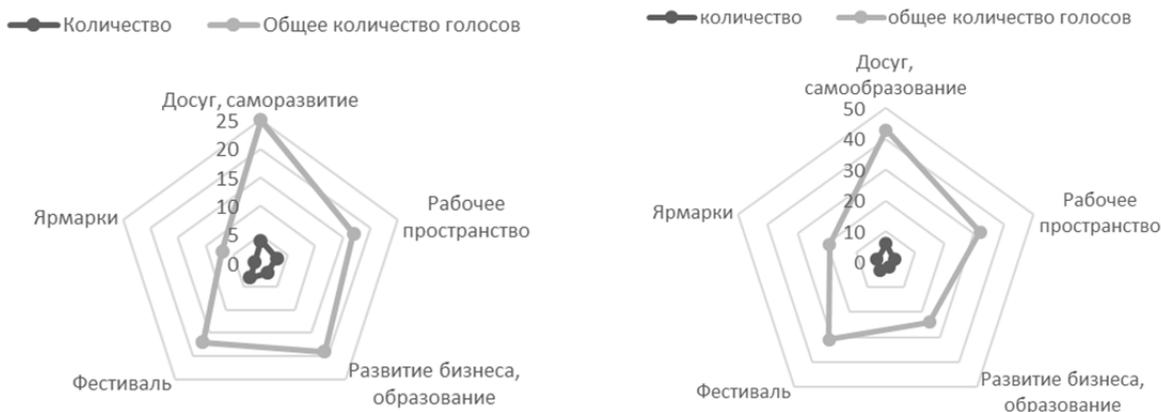


Рис. 1 / Fig. 1. Предпочтения по видам деятельности креативного кластера (слева группа 1, справа группа 2) / Preferences by type of activity of the creative cluster (on the left – group 1, on the right – group 2).

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее предпочтительными видами деятельности креативного кластера для данной целевой аудитории являются: «досуг, саморазвитие», «фестивали, выставки» и «рабочее пространство». Выявленные результаты позволят сформировать программу работы кластера, наиболее привлекательную для данной целевой аудитории.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОТБОРА КРЕАТИВНЫХ ИДЕЙ

Для разработки стратегии продвижения кластера также важно определить его уникальность, что является важной составляющей проекта.

В рамках данного исследования критерием креативности идеи выступала новизна. Для выявления креативных идей использовался метод сравнения. Каждая идея, полученная в результате мозгового штурма, сравнивалась с предложенными в других группах и в рамках одной группы. При совпадении в рамках одной группы выставлялся 1 балл, двух групп — 2 балла, максимальное количество у каждой идеи составляет 3 балла. Если по результатам оценки у идеи 0 баллов, значит, она обладает новизной и считается креативной.

Например, в первой группе была предложена идея «ярмарки народного творчества и обучения ремеслу», во второй — «ярмарка с самодельными вещами, молодежная ярмарка для творческих людей», «мастер-классы и ремесленничество», а в третьей — «ярмарки с тематической направленностью». В результате она получила оценку 3 балла (табл. 3).

В результате отбора из 44-х идей креативными являются 9, из них 2 имеют высокие оценки вну-

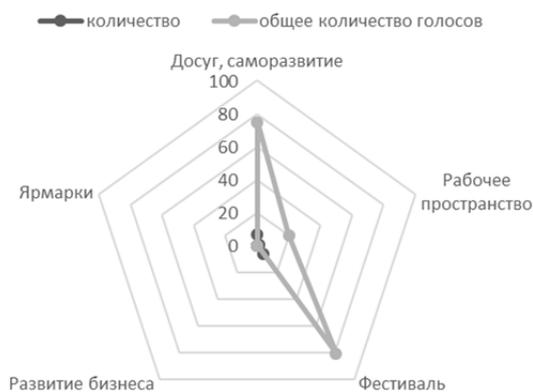


Рис. 2 / Fig. 2. Предпочтения по видам деятельности креативного кластера (данные по группе 3) / Preferences by type of activity of the creative cluster (group 3 data).

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

три исследовательской группы (более 50%) — это «ночной клуб» и «фуд-зона с местными производителями».

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволило определить идеи для создания и развития привлекательного креативного кластера, которые сгруппированы по видам его деятельности. При разработке продвижения кластера важно ориентироваться на те идеи и виды деятельности, которые предпочитает целевая аудитория, — это позволит разработать эффективную маркетинговую стратегию и максимально привлечь людей в кластер. При этом для позиционирования и определения места

Креативные идеи по результатам отбора / Creative ideas based on the results of the selection process

	Идея	Количество голосов
1	Фуд-зона с местными производителями	16
2	Ночной клуб	16
3	Бизнес-инкубатор	11
4	Ярмарка образовательных проектов, ведущих вузов и компаний	11
5	Гаражная распродажа	10
6	Этномир, преобразованный для фрилансеров	4
7	Конкурс непризнанных талантов	3
8	Пространство для тематических лагерей для детей	1
9	Бьюти-пространство для молодежи	1

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

на рынке креативных пространств необходимо использовать креативные идеи. Важную роль будут играть коммуникации с аудиторией, среди которых в настоящее время особенное место отводится интернет-коммуникациям, имеющим следующие преимущества: управление мнением аудитории, а также большое количество различных приемов и средств. Данные коммуникации

позволяют изучать потребителей, и у создателей кластера появится возможность совершенствовать собственное предложение, получая при этом моментальную обратную связь от аудитории [10].

Результаты исследования могут применяться как для развития существующих креативных пространств, так и при создании новых творческих кластеров, в особенности региональных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Власова В.В., Гершман М.А., Гохберг Л.М. и др. Креативная экономика Москвы в цифрах. М.: НИУ ВШЭ; 2021. 108 с.
2. Левшина О.Н. Креативные кластеры как способ преобразования городской среды и инструмент повышения туристической привлекательности города (на примере Санкт-Петербурга). *Общество: философия, история, культура*. 2022;(8):208–211.
3. Namys'lak B., Spallek W. Spatial concentration of creative industries and location of creative clusters in Poland. *GeoJournal*. 2022;(87):4837–4849.
4. Granpayehvaghei T., Bonakdar A. What makes for a creative-friendly community? Untangling the location attributes of creative clusters. *International Journal of Cultural Policy*. 2022;(5):621–636.
5. Gutierrez Posada D., Kitsosb T., Nathanc M., Nuccio M. Creative Clusters and Creative Multipliers: Evidence from UK Cities. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00130095.2022.2094237>
6. Петросян А.Д., Столярова А.Н., Боташева Л.С., Петросян Д.С. Модель управления продвижением продукции на региональные рынки. *Экономические исследования*. 2022;(4–2):127–131.
7. Сидельников Ю.В. Разработка и реализация подхода к корректному описанию экспертного креативного метода. Ч. 2. Реализация подхода на примере мозговой атаки. *Управление большими системами*. 2020;(84)130–151.
8. Титова Н.Л. Мозговой штурм. URL: <https://iq.hse.ru/more/psychology/metod-mozgovogo-shturma>
9. Toubia O. Idea Generation, Creativity, and Incentives. *Marketing Science*. 2006;25(5):411–425.
10. Баторшина Г.Д., Молодцов И.Н. Коммуникации цифровых платформ, на примере маркетплейсов агропромышленного комплекса. *ВЕСТНИК НГИЭИ*. 2022;11(138):57–70.

REFERENCES

1. Vlasova V.V., Gershman M.A., Gokhberg L.M. et al. Creative economy of Moscow in figures. Moscow: NRU HSE; 2021. 108 p. (In Russ.).
2. Levshina O.N. Creative clusters as a way to transform the urban environment and a tool to increase the tourist attractiveness of the city (on the example of St. Petersburg). *Obshchestvo: filosofii, istorii, kultura = Society: philosophy, history, culture*. 2022;(8):208–211. (In Russ.).
3. Namys'lak B., Spallek W. Spatial concentration of creative industries and location of creative clusters in Poland. *GeoJournal*. 2022;(87):4837–4849.
4. Granpayehvaghei T., Bonakdar A. What makes for a creative-friendly community? Untangling the location attributes of creative clusters. *International Journal of Cultural Policy*. 2022;(5):621–636.
5. Gutierrez Posada D., Kitsosb T., Nathanc M., Nuccio M. Creative Clusters and Creative Multipliers: Evidence from UK Cities. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00130095.2022.2094237>
6. Petrosyan A.D., Stolyarova A.N., Botasheva L.S., Petrosyan D.S. Model of product promotion management on regional markets. *Ekonomicheskie issledovaniya = Economic Research*. 2022;(4–2):127–131. (In Russ.).
7. Sidelnikov Y.V. Development and realization of the approach to the correct description of the expert creative method. Ch. 2. Realization of the approach on the example of brainstorming. *Upravlenie bol'shimi sistemami = Management over large systems*. 2020;(84)130–151. (In Russ.).
8. Titova N.L. Brainstorming. URL: <https://iq.hse.ru/more/psychology/metod-mozgovogo-shturma> (In Russ.).
9. Toubia O. Idea Generation, Creativity, and Incentives. *Marketing Science*. 2006;25(5):411–425.
10. Batorshina G.D., Molodtsov I.N. Communications of digital platforms, by the example of marketplaces of agroindustrial complex. *VESTNIK NGIEI = Bulletin of Nizhny Novgorod State Engineering and Economic Institute*. 2022;11(138):57–70. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Юлия Валентиновна Логинова — кандидат экономических наук, старший преподаватель департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
Yulia V. Loginova — Cand. Sci. (Econ.); senior lecturer of the Department of mass communications and media business, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8854-5886>
 YVLoginova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 30.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.
Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 30.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.

Измерение образа будущего Российской Федерации в сознании российской молодежи: когнитивистика и киберметрия в прикладном политическом исследовании*

А.Ю. Домбровская, А.С. Огнев

Финансовый университет, Москва, Россия; ИНИОН РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье обозначены методологические и методические проблемы изучения образа будущего страны в сознании молодежи. Обосновывается непригодность монодисциплинарного эмпирического анализа, ограничивающегося традиционным методом опроса для измерения образа будущего государства в сознании молодого поколения. Анализируется эвристика инструментальной и проективной когнитивистики и ее возможности в компенсации недостатков традиционных методов сбора информации. Рассмотрены принципы верификации данных когнитивистики методами автоматизированного социально-медийного анализа репрезентации в цифровом пространстве образа будущего России. Исследован потенциал комбинирования когнитивистских с психосемантическими методами: айтрекингом, полиграфологией, кардиометрией (инструментальной когнитивистикой) и ассоциативным и песочным моделированием (проективной когнитивистикой) в идентификации интеграционных образов, отражающих в сознании российской молодежи символы позитивного будущего России. Анализируются результаты эксперимента, позволившего установить визуальные образы, ассоциируемые российской молодежью с архетипами «Согласия», «Доверия» и «Гордости» как основы позитивного восприятия молодежью образа будущего РФ. Показана методика группировки испытуемых на основании данных инструментальной и проективной когнитивистики по критериям активности, осознания ответственности за свою судьбу и будущее своей страны, самостоятельной генерации целей, демонстрации готовности их добиваться, договариваться с партнерами, оппонентами, самоорганизации и навыкам вовлекать в реализацию своих планов других людей. Рассмотрены возможности валидации данных проективной когнитивистики средствами автоматизированного социально-медийного анализа. Выявлены возможности масштабирования семантического ядра риторики молодых людей – представителей различных стратегий восприятия образа будущего России – на информационные потоки социальных медиа Рунета. В заключение приводятся общие выводы по реализации методологии и методики проективной и инструментальной когнитивистики в изучении образа будущего страны в сознании российской молодежи. Осуществление мониторинга репрезентации будущего РФ в сознании молодого поколения может стать базой практических рекомендаций для органов власти, профильных министерств и государственных структур по формированию у молодых россиян позитивного образа будущего РФ.

Ключевые слова: образ будущего РФ; молодежь; инструментальная когнитивистика; проективная когнитивистика; айтрекинг; полиграфология; кардиометрия; песочное игровое моделирование; ассоциативное моделирование; киберметрия; социальные медиа

Для цитирования: Домбровская А.Ю., Огнев А.С. Измерение образа будущего Российской Федерации в сознании российской молодежи: когнитивистика и киберметрия в прикладном политическом исследовании. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):128-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-128-134

* Статья подготовлена на средства гранта ИЭСИ, выделенные ИНИОН РАН для реализации проекта «Моделирование позитивного образа будущего России в сознании российской молодежи средствами инструментальной и проективной диагностики» (гос. номер 122101100020-0).

Measuring the Image of the Russia's Future Among Russian Youth: Cognitive Science and Cybermetrics for the Political Study**

A. Yu. Dombrovskaya, A. S. Ognev

Financial University, Moscow, Russia; INION RAS, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents methodological problems of studying the image of the future of the country among Youth. The unsuitability of the mono-design of empirical analysis, which is limited to the traditional survey method for measuring the image of the future of the state among younger generation, is substantiated. The heuristics of instrumental and projective cognitive science and its possibilities in compensating for the shortcomings of traditional sociology are analyzed. The principles of verification of cognitive science data by methods of automated socio-media analysis of representation in the digital space of the image of the future of Russia are considered. The potential of combining cognitive and psychosemantic methods: eye tracking, polygraphology, cardiometry (instrumental cognitivism) and associative and sand modeling (projective cognitivism) in the identification of integration images reflecting in the minds of Russian youth symbols of the positive future of Russia is investigated. The results of the experiment are analyzed, which made it possible to establish visual images associated by Russian youth with the archetypes of "Consent", "Trust" and "Pride" as the basis for a positive perception by young people of the image of the future of the Russian Federation. The heuristics of combining the traditional survey with the methods of instrumental and projective cognitive science in clustering young people according to the criteria of activity, awareness of responsibility for their fate and the future of their country, self-generation of goals, demonstration of readiness to achieve them, willingness to negotiate with partners, opponents, self-organization and skills to involve other people in the implementation of their plans are shown. The possibilities of validating the data of projective cognitive science by means of automated social media analysis are considered. The possibilities of scaling the semantic core of the rhetoric of young people – representatives of various strategies for perceiving the image of the future of Russia on the information flows of social media on the Runet are revealed. In conclusion, the general conclusions on the implementation of the methodology and methodology of projective and instrumental cognitive science in the study of the image of the future of the country in the minds of Russian youth are presented. Monitoring the representation of the future of the Russian Federation in the minds of the younger generation can become a basis for practical recommendations to authorities, relevant ministries and state structures on the formation of a positive image of the future of the Russian Federation among young Russians.

Keywords: image of the future of the Russian Federation; youth; instrumental cognitive science; projective cognitive science; eyetracking; polygraphology; cardiometry; sand game modeling; associative modeling; cybermetry; social media

For citation: Dombrovskaya A. Yu., Ognev A. S. Measuring the image of the Russia's future among Russian youth: Cognitive science and cybermetrics for the political study. *Humanitarian sciences*. 2023;13(3):128-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-128-134

ВВЕДЕНИЕ

Изучение образа будущего в сознании молодого поколения — одно из наиболее значимых междисциплинарных исследований, требующих применения методологического аппарата социологии, политологии, социальной психологии, психосемантики.

В условиях современных вызовов развития российского общества образы будущего, содержащиеся в сознании молодежи, с одной стороны, служат важным маркером социальных установок молодого поколения; модальности; направленности его представлений о траектории развития страны; готовности проявлять личную

субъектность в достижении желаемого; существенным показателем информационной капсулы, к которой принадлежит молодой пользователь; с другой стороны — это объект формирующего воздействия.

В этой связи необходимо ответить на следующие вопросы:

- Какими методами и с помощью каких исследовательских инструментов следует аккумулировать данные из сознания молодежи об образе будущего?
- Каковы наиболее продуктивные технологии формирования позитивного образа будущего в сознании российской молодежи?

** The article was prepared with the funds of the Expert Institute for Social Studies grant allocated by the INION RAS for the implementation of the project "Modeling a positive image of the future of Russia in the minds of Russian youth by means of instrumental and projective diagnostics" (state number 122101100020-0).

Отметим, что методологическая дискуссия в поле обозначенных проблем, как в зарубежной, так и отечественной литературе, представлена несколько скромнее, чем проработка теоретического фундамента изучения образа будущего в представлениях граждан, в том числе молодого поколения.

Общим для структурирования образа будущего служит ориентир исследователей на учет персонологических характеристик индивидов (когнитивной карты личности, ее социальных ожиданий, установок, ценностно-потребностной сферы, мотивации).

Среди авторов, предлагающих структурные составляющие образа будущего в представлениях индивидов, назовем И. Бощенко [1], Е.Б. Быкову [2], Т.В. Евгеньеву [3], И.В. Желтикову [4], С.Г. Кара-Мурзу [5], А.А. Лаврикову и О.Е. Шумилову [6], А.Н. Леонтьева [7], Т.А. Нестика [8], С.Д. Смирнова [9], А.Д. Харичева, А.Ю. Шутова, А.В. Полосина, Е.Н. Соколову [10], Р.Н. Шестака [11], Е.Б. Шестопал [12], М.Л. Хазина [13], В. Алдерс [14]. Точкой сборки позиций этих и некоторых других авторов можно считать изучение степени сформированности и модальности образа будущего у граждан через призму значимых ценностных установок и социальных ориентиров. В этих работах предполагается, что эмпирические данные, полученные в ходе специально организованной беседы (анкетирования или интервью), позволяют оценить полноту, завершенность, направленность образа будущего у индивида.

Вместе с тем С. Каболи и П. Тапио [15], предложившие причинно-уровневую модель восприятия личностью реальности (уровень «мифа/метафоры», уровень мировоззрения, уровень социальных причин и уровень литании), утверждают, что лишь самый поверхностный уровень восприятия действительности (уровень литании) следует изучать на основе опросов: тестирования, анкетирования или интервью. Для исследования более глубоких уровней реальности необходимо применять метод так называемого активного воображения, создания фантазий, позволяющих приблизиться к архетипическим глубинам бессознательного.

Исходя из этого, методологическая дискуссия о способах получения информации о сформированном в сознании индивида образе будущего должна предполагать разговор о проективных методах аккумулярования релевантных данных. В этой связи проективная когнитивистика, инструментом которой могут служить метафорические ассоциативные карты, аттестованные наборы символических фигур или другие сти-

мулирующие воображение визуальные средства, способна обеспечить доступ к глубинам сознания и архетипам [16], представленным в подсознании участников исследования.

О безальтернативности проективной когнитивистики в изучении и формировании образа будущего говорится и в работах С. Ахвенхарьюа, М. Минккинена и Ф. Лалот [17]. Их концепция о пяти «измерениях» образа будущего (видение времени; убеждения и мотивы агентов влияния; открытость альтернативам; системное восприятие; забота о других) предполагает использование проективных диагностических техник, способных показать готовность индивида к осознанию перспектив и осуществлению деятельностного выбора в системе условий предвидения будущего и упреждения негативного будущего. Совершенно очевидно, что традиционные опросные методы не могут обеспечить получение такого рода данных. Лишь исключительно игровое моделирование и подобные проективные техники обладают такой эвристикой.

Таким образом, требуется апробация и критическая оценка качества получаемых данных об образе будущего в сознании индивидов с помощью когнитивистских проективных техник.

Проанализируем результаты исследования образа желаемого будущего с применением метафорических ассоциативных карт (500 испытуемых в возрасте от 18 до 25 лет, репрезентация по полу, уровню обучения, территории проживания). Каждый из испытуемых с помощью наборов метафорических ассоциативных карт подбирает визуальные иллюстрации для наиболее значимых целей как показателей реализации собственной мечты. После выбора подобных иллюстраций для каждой из них испытуемым подбирались картинка-антипод по принципу составления семантических дифференциалов. Из этих пар составлялась тестовая батарея визуальных стимулов, реакции на поочередное предъявление которых одновременно регистрировались с помощью таких инструментов когнитивной диагностики, как компьютерный кардиометр «Кардиокод» и компьютерный полиграф Барьер-14.

Подбор фраз производился в расчете на поочередную активизацию: прагматических составляющих в системе оценки респондентом предъявляемого ему контента — первое предъявление; аффективных составляющих — второе предъявление; социально обусловленных нормативных составляющих оценки — третье предъявление.

Эвристика такой методики заключается в возможности выявления рациональных, иррациональных (эмоциональных) и нормативных компонентов в образе будущего страны. Полученные в результате применения этой методики данные — это значимые паттерны, семантическое ядро, визуальные образы того, что в образе будущего страны молодежь воспринимает как прагматически значимое, аффективно ценное и престижное. Такие результаты могут быть использованы в процессе формирования цифрового контента (к примеру, в рамках информационной кампании), направленного на развитие у молодежи позитивного образа будущего страны.

Кардиометрия, айтрекинг и полиграфология позволяют по кардиологическим, глазодвигательным и кожно-гальваническим показателям оценить специфику отношения испытуемых к визуальному контенту [18]. Кардиометрические, айтрекинговые и полиграфологические методики дали возможность осуществить комплексную регистрацию психофизиологических реакций испытуемых (молодежь в возрасте от 18 до 25 лет) в ответ на информационные воздействия — батарею символов, организованных специальным образом.

Общим результатом стало выявленное сходство реакций на те образы, которые носят более стилизованный характер и более приближены к тому, что, по сути, придает им характер уже не символа, а знака. Так воспринимается слово «Россия», герб и флаг Российской Федерации. При этом, по результатам оценки глазодвигательных реакций испытуемых, эти образы могут претендовать и на статус символов гордости и доверия. Символом гордости довольно часто воспринималось изображение ледокола и улыбающегося Ю.А. Гагарина в экипировке космонавта. Контурные изображения карты Российской Федерации также могут служить символом согласия и гордости.

Итоги данного замера свидетельствуют о том, что вербализация названия Родины, ее герб и флаг обладают довольно высоким консолидационным потенциалом, так как служат универсальными формами визуальной поддержки ценностных доминант. Расшифровка психофизиологических показателей указывает на то, что слово «Россия», воспринимаемая как символ или знак, означает для испытуемых общество с высоким уровнем согласия и государство, власть которого заслуживает уважения и доверия. Наиболее эффективно как консолидационные крепки могут работать такие символы гордости, как изобра-

жения пробивающего дорогу в замершем море ледокола, контурные изображения территории нашей страны на карте, а также улыбающийся Гагарин. Данные образы воспринимаются как продуктивная визуализация символов достижений Российской Федерации.

Особо подчеркнем, что инструментальная когнитивистика (полиграфология, кардиометрия и айтрекинг), по сути, позволяет получить ответы от участников эксперимента в формате «согласен»-«не согласен», «поддерживаю»-«не поддерживаю», «принимаю»-«не принимаю» и т.д. При этом маркерами этих позиций служили кожно-гальванические, кардиометрические и глазодвигательные реакции испытуемых. По сути, инструментальная когнитивистика весьма близка по принципам получения информации к социологическим опросам, однако не ограничивается аккумуляцией данных, выраженных респондентом вербально, но валидизирует их с помощью оценки психофизиологических показателей информантов.

ВОЗМОЖНОСТИ МАСШТАБИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОЕКТИВНОЙ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ КОГНИТИВИСТИКИ СРЕДСТВАМИ КИБЕРМЕТРИИ

Для масштабирования результатов, полученных от испытуемых в ходе айтрекинга, полиграфологии и кардиометрии, примененных в работе с молодежью, исключительно важно использовать возможности автоматизированного социально-медийного анализа (инструмент — сервис мониторинга социальных медиа IQBuzz). Эта необходимость объясняется той ролью, которую играют новые медиа в воздействии на формирование социальных установок молодежи [17].

Исходя из перечисленного, чрезвычайно ценным представляется разработка на основе данных проективной когнитивистики корпуса языка образа будущего молодежи и аккумуляция на основе этого корпуса информационных потоков социальных медиа, в которых репрезентировано семантическое ядро молодежной риторики образа будущего страны.

Интерпретируя структуру семантического ядра изучаемого потока, следует отметить, что в его составе выделяются несколько контекстов. Фактически их все следует объединить под куполом общего триггера: текущая политическая ситуация на фоне проведения СВО и преодоления

вызовов, связанных с враждебными действиями западных стран в отношении российских экономики и культуры. Среди этих контекстов назовем следующие: «позитивная оценка присоединения новых территорий», «критика политики западных стран и руководства Украины», «поддержка СВО», «осуждение российских эмигрантов на фоне проведения частичной мобилизации», «конструирование позитивных перспектив и будущего страны».

Помимо динамики информационного потока в социальных медиа, киберметрия позволяет выявить его характеристики: платформы и ресурсы локализации; социально-демографическую структуру аудитории; типы размещаемых документов; хабы и лидеров общественного мнения, формирующих представления пользовательской аудитории о будущем РФ.

ВЫВОДЫ

В политологической практике исследования образа будущего в сознании индивидов наиболее распространено применение опросных методов в их традиционных форматах. Проблемы достоверности и объективности такой стратегии очевидны. Во-первых, качество опросных данных полностью зависит от достоверности ответов респондентов, что составляет значительную исследовательскую проблему. Во-вторых, любой опросный инструмент — это средство навязывания когнитивной схемы предмета исследования опрашиваемым, что значительно угрожает объективности анализа. В-третьих, даже если все опрашиваемые нацелены на предоставление искренних ответов, большая часть вопросов об образе будущего может предопределить получение данных, отличающихся излишней когнитивной простотой или даже примитивизмом. Другими словами, исследователи рискуют оказаться перед фактом отсутствия каких-либо представлений у респондентов об образе будущего. В этой связи следует говорить о необходимости привлечения методов стимулирования мышления и воображения для получения непримитивных, неупрощенных образов будущего — методов

и инструментов проективной когнитивистики (метафорические ассоциативные карты и песочное игровое моделирование).

Валидность и достоверность получаемых от информанта данных, поддающихся зачастую бессознательным когнитивным искажениям, можно проверить инструментально зафиксированными психофизиологическими реакциями. Аффективную составляющую субъективной значимости того или иного смысла (в нашем случае — в отношении образа персоналогического будущего и будущего страны) можно оценивать с помощью изменений variability сердечного ритма в ходе предъявления визуальных стимулов, собранных в виде тестовой батареи по методу контрольных вопросов. Дополнительную информацию о реальных предпочтениях человека и структуре его представлений о желаемом будущем можно получить с помощью регистрации сведений о произвольных электродермальных реакциях (наряду с кардиометрическими показателями), артериальном давлении, частоте и глубине дыхания.

Такие исследования сочетают в себе высокую структурированность и уникальность, креативность взаимодействия испытуемых и исследователей. Для последних, благодаря постоянно развивающемуся программному обеспечению современных айтирректоров, полиграфов и кардиографов, не составляет особого труда управлять процессом накопления и обобщения приобретаемого опыта. Но по той же причине это становится мощным стимулом к непрекращающемуся творческому развитию и самого стимульного материала, и используемых в работе с ним процедур. Наглядная демонстрация того, как именно люди принимают те или иные решения, постоянная объективная регистрация результатов реально протекающих когнитивных процессов заставляют исследователей прагматически оценивать используемые ими теоретические взгляды на природу изучаемых ими явлений. Все это помогает современным политологам-прикладникам отделять мифологизированные описания от научно обоснованных эмпирических данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бощенко И. «Образ Будущего». История — «Бесконечная книга». Наш ответ Фукуяме. URL: <http://neuroquad.ru/book/iof/>
2. Быкова Е. Б. Образ будущего в картине мира и Я-концепции личности. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; 2002. 18 с.

3. Евгеньева Т.В. Социально-психологические основы формирования политической мифологии. М.: Издательство РГГУ; 1996.
4. Желтикова И.В. Место социальных ожиданий в образе будущего. *Современные исследования социальных проблем*. 2010;4(04):235–246.
5. Кара-Мурза С.Г., Патоков В.В. Россия: точка 2010, образ будущего и путь к нему. М.: Общественный диалог; 2010.
6. Лаврикова А.А., Шумилова О.Е. Образ будущего страны в восприятии различных групп российского общества. *Известия Тульского государственного университета. Серия Гуманитарные науки*. 2022;(3):39–49.
7. Леонтьев А.Н. Образ мира. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика; 1983.
8. Нестик Т.А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ. *СОЦИО-ДИГТЕР*. 2021;9(14):6–48.
9. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Издательство МГУ; 1985.
10. Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России. *Журнал политических исследований*. 2022;6(3):9–19.
11. Шестак Р.Н. Образ мечты как модели будущего и смысложизненные ориентации личности. URL: <http://www.b17.ru/article/2146/>
12. Шестопал Е.Б. Образы власти в постсоветской России. М.: Алетея; 2004.
13. Хазин М.Л. России остро необходим свой «образ будущего». URL: <http://www.km.ru/node/624481/comments>
14. Aalders W.J. Toekomstbeelden van vijftiende eeuw. Groningen: J.B. Wolters; 1939. 234 p.
15. Kaboli S.A., Tapio P. How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults. *Futures*. 2018;(96):32–43.
16. Adler A., Brett C. Understanding Human Nature: The psychology of personality. London: One world Publications; 2014. 240 p.
17. Ahvenharjua S., Minkkinen M., Lalot F. The five dimensions of Futures Consciousness. *Futures*. 2018;(104):1–13.
18. Brodovskaya E., Vladimirova T., Dombrovskaya A., Leskonog N., Ognev A., Shalamova L., Shchegortsova Y. Intelligent search for strategies to minimize the risks of internet communication of teens and youth. In: proceedings of fifth international congress on information and communication technology London: Springer International Publishing; 2021.

REFERENCES

1. Boshchenko I. “Image of the Future”. The story is “The Neverending Book”. Our answer to Fukuyama. URL: <http://neuroquad.ru/book/iof/> (In Russ.).
2. Bykova E.B. The image of the future in the picture of the world and the self-concept of personality: Abstract of the thesis. Cand. psychol. sci. diss. Synopsis. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen; 2002. 18 p. (In Russ.).
3. Evgen'eva T.V. Socio-psychological foundations of the formation of political mythology. Moscow: RGGU Publishing House; 1996. (In Russ.).
4. Zheltikova I.V. The place of social expectations in the image of the future. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem = Modern studies of social problems*. 2010;4(04):235–246. (In Russ.).
5. Kara-Murza S.G., Patokov V.V. Russia: point 2010, the image of the future and the way to it. Moscow: Obshchestvennyj dialog; 2010. (In Russ.).
6. Lavrikova A.A., Shumilova O.E. The image of the future of the country in the perception of various groups of Russian society. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki = News of the Tula State University. Series Humanities*. 2022;(3):39–49. (In Russ.).
7. Leontiev A.N. The image of the world. Selected psychological works. Moscow: Pedagogika; 1983. (In Russ.).
8. Nestik T.A. Image of the future, social optimism and long-term orientation of Russians: a socio-psychological analysis. *SOCIO-DIGGER*. 2021;9(14):6–48. (In Russ.).
9. Smirnov S.D. Psychology of the image: the problem of the activity of mental reflection. Moscow: Publishing house of Moscow State University; 1985. (In Russ.).

10. Kharichev A. D., Shutov A. Yu., Polosin A. V., Sokolova E. N. Perception of basic values, factors and structures of the socio-historical development of Russia. *Zhurnal politicheskikh issledovanij = Journal of Political Studies*. 2022;6(3):9–19.
11. Shestak R. N. The image of a dream as a model of the future and meaningful life orientations of a person. URL: <http://www.b17.ru/article/2146/> (In Russ.).
12. Shestopal E. B. Images of power in post-Soviet Russia. Moscow: Aleteya; 2004.
13. Khazin M. L. Russia urgently needs its own “image of the future”. URL: <http://www.km.ru/node/624481/comments> (In Russ.).
14. Aalders W. J. Toekomstbeelden van vijftiende eeuw. Groningen: J. B. Wolters; 1939. 234 p.
15. Kaboli S. A., Tapio P. How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults. *Futures*. 2018;(96):32–43.
16. Adler A., Brett C. Understanding Human Nature: The psychology of personality. London: One world Publications; 2014. 240 p.
17. Ahvenharjua S., Minkinen M., Lalot F. The five dimensions of Futures Consciousness. *Futures*. 2018;(104):1–13.
18. Brodovskaya E., Vladimirova T., Dombrovskaya A., Leskonog N., Ognev A., Shalamova L., Shchegortsova Y. Intelligent search for strategies to minimize the risks of internet communication of teens and youth. In: proceedings of fifth international congress on information and communication technology London: Springer International Publishing; 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Анна Юрьевна Домбровская — доктор социологических наук, профессор департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва, Россия

Anna Yu. Dombrovskaya — Dr. Sci. (Sociology), Prof., Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia; science fellow of INION RAS, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2015-2349>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

an-doc@yandex.ru

Александр Сергеевич Огнев — доктор психологических наук, главный научный сотрудник Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва, Россия

Alexandr S. Ognev — Dr. Phi. (Philology), senior scientific fellow at the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia; science fellow of INION RAS, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-2944-6615>

altognev@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.03.2023; принята к публикации 15.05.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.03.2023; accepted for publication on 15.05.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-135-140
УДК 94(100)(045)

Экономические и идеологические причины использования Третьим рейхом принудительного труда «восточных рабочих»

Г.Э. Ирицян, Н.А. Гаража

Финансовый университет, Новороссийский филиал, Новороссийск, Россия

АННОТАЦИЯ

В настоящей работе внимание авторов акцентируется на взаимосвязи и взаимозависимости идеологической «обоснованности» и экономической «целесообразности» эксплуатации оstarбайтеров. В статье отмечена созвучность идей об особом статусе немецкого рабочего и тотальной мобилизации, выдвинутых лидерами Третьего рейха, с последующими практическими действиями национал-социалистов – эксплуатацией труда миллионов гражданских лиц и военнопленных. Эти действия были не просто направлены на снижение давления на немецкого рабочего и поддержание высокого уровня производства, но сопровождалась навязыванием иностранным рабочим этнических мифов и чуждых ценностей и, более того, – «зачисткой» от людей территорий при отступлении и уничтожением посредством непосильного и часто бессмысленного труда «расово-неполноценных» категорий. Анализ современных исследований проблемы показал, что в них доминируют рационалистические трактовки действий нацистских властей в отношении иностранной рабочей силы, особенно «восточных рабочих». Идеи войны и господства, приоритета Германии и ее интересов, сформулированные лидерами НСДАП, стали доминирующими в идеологии и политике Третьего рейха, где насильственное трудоустройство граждан оккупированных государств стало неотъемлемым элементом.

Ключевые слова: «восточные рабочие»; оstarбайтеры; Третий рейх; Великая Отечественная война; мобилизация; идеология

Для цитирования: Ирицян Г.Э., Гаража Н.А. Экономические и идеологические причины использования Третьим рейхом принудительного труда «восточных рабочих». *Гуманитарные науки*. 2023;13(3):135-140. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-135-140

ORIGINAL PAPER

Economic and Ideological Reasons for the Use by the Third Reich of Forced Labor of “Eastern Workers”

G.E. Iritsyan, N.A. Garazha

Financial University, Novorossiysk Branch, Novorossiysk, Russia

ABSTRACT

The analytical part of this work consists in a special emphasis on the relationship and interdependence of ideological “justification” and economic “expediency” in the exploitation of forced labor by Ostarbeiters. The article notes the consonance of the ideas about the special status of the German worker and total mobilization put forward by the leaders of the Third Reich with the subsequent software and practical actions of the National Socialists in Germany on the issue of labor exploitation of millions of civilians and prisoners of war of countries – military opponents. These actions were not just aimed at reducing pressure on the German worker and maintaining a high level of production, but were accompanied by the imposition of ethnic myths and alien values on foreign workers, moreover, by “cleansing” territories from people during the retreat and destruction through back-breaking and often senseless labor of “racially – inferior” categories. An analysis of the views of modern researchers of the problem showed that rationalistic interpretations of the actions of the Nazi authorities in relation to foreign labor, especially “Eastern workers”, dominate. The ideas of war and domination, the priority of Germany and its interests, formulated by the leaders of the NSDAP, became dominant in the ideology and politics of the Third Reich, where the forced labor of citizens of the occupied states became an integral element.

Keywords: “eastern workers”; ostarbeiters; Third Reich; Great Patriotic War; mobilization; ideology

For citation: Iritsyan G.E., Garazha N.A. Economic and ideological reasons for the use by the Third reich of forced labor of “eastern workers”. *Humanitarian sciences*. 2023;13(3):135-140. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-135-140

Лидеры нацистской Германии и их идеологи сформулировали, а далее попытались воплотить чудовищные планы по захвату огромных территорий во всем мире. Они мечтали о переустройстве мирового сообщества в свете фашистской идеологии, а также фундаментальном пересмотре самого смысла человека как социального и природного явления. Адольф Гитлер и его однопартийцы объявили о необходимости расширения для немецкого народа так называемого «жизненного пространства», разделив сферы влияния с группой союзных государств. Это жизненное пространство было решено расширять в Евразии, Африке, районе Тихого океана и некоторых других направлениях. Как известно, на Евразийском континенте это было продвижение через Польшу на Советский Союз. На восточном направлении десятки миллионов граждан планировалось превратить в рабов «расы господ», истинных арийцев. В связи с этим стоит обратить внимание на такой исторический документ, как «Генеральный план Ост», разработанный нацистскими теоретиками и военными, в котором обозначенная цель была прописана. Данный план инициировал уничтожение промышленности на Востоке и обеспечение немецких промышленных предприятий самой дешевой рабочей силой, а также предоставление этим организациям большого рынка для реализации своей продукции [1]. Главные пункты «Генерального плана Ост» продумывались и формулировались еще во время Первой мировой войны, но в законченном виде всевозможные реакционные и консервативные тенденции империализма воплотились по-новому к 30–40-м гг. прошлого века. В данном случае эти тенденции смешались с варварским расизмом и геноцидным вариантом империалистской немецкой экспансии на Восток, — полагает современный историк Дитрих Айххольц [2]. Исходя из этого, вина за совершение множества преступлений против человечества во время Второй мировой войны (и, в частности, Великой Отечественной войны) лежит не только на вдохновителях и идеологах Третьего рейха, но и на представителях крупного и среднего бизнеса нацистской Германии.

Английский экономист и историк Адам Туз выражает схожее мнение в отношении данного вопроса. В своей монографии «Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики» он замечает: «Несмотря на резкое усиление государственного контроля, промышленники и их управленческий и технический персонал оставались незаменимы-

ми — если не при определении политики развития страны, то, по крайней мере, при ее осуществлении» [3, с. 38].

Таким образом, важной частью экономической политики нацистов было привлечение иностранной рабочей силы, причем, в массовом порядке. Увеличивались объемы производства, интенсифицировалась сельскохозяйственная деятельность, решалась задача по захвату территорий европейских (и не только) государств. Все это в неуклонно растущей прогрессии требовало дополнительно большого количества рабочих рук.

В этом отношении перед нами встает задача поиска глубинных, скрытых истоков обоснования насильственного использования труда якобы неполноценных, неарийских народов. Невиданные масштабы и уникальная специфика подобного явления определяют особый исследовательский интерес и постановку целого ряда вопросов, ответы на которые должны задействовать как методологию исторической науки, так и философский анализ идей теоретиков национал-социализма, сформировавших свое понимание проблемы оправданности принудительного труда.

Наиболее важным и актуальным для нас представляется определение того, что доминировало в практике насильственной трудовой мобилизации: идеологическая или все-таки экономическая составляющая — хозяйственная необходимость?

В процессе увеличения производства и реализации экспансионистских планов к 1938–1939 гг. стало вызревать и оформляться в конкретные действия решение о принудительном использовании труда мирных граждан и военнопленных завоеванных государств. А. Людтке пишет о том, что в многовластии нацистского режима столкнулись два противоположных подхода к проблеме эксплуатации трудовых ресурсов: один подразумевал точный расчет, а другой — жесткое и беспощадное использование рабочих, невзирая на их физическое и моральное состояние [4, с. 193].

Альберт Шпеер¹, работая в должности рейхсминистра вооружений и боеприпасов, отмечал в своих воспоминаниях: «Вручая приказ о назначении, Гитлер указал, что проблемы нехватки рабочих рук просто не существует и повторил примерно то же, что уже говорил 9 ноября 1941 г.: “На территории, работающей прямо на нас, проживает 250 миллионов

¹ Альберт Шпеер — личный архитектор Гитлера, рейхсминистр вооружения и военного производства с 1942 по 1945 г.

человек. Ни у кого не должно быть сомнений, что мы сумеем этих людей полностью запрячь в работу»». Гитлер уполномочил Заукеля² самым решительным образом заполнять незанятые рабочие места рекрутами из оккупированных областей» [5, с. 202]. Шпеер пишет о том, что в последующие годы, вплоть до полной капитуляции нацистской Германии, забрасывал Заукеля просьбами о поставках все новой и новой рабочей силы для принудительных работ в военной промышленности. Заукель заявлял, что его ведомство способно организовать любое количество рабочих, включая мирных граждан с оккупированных территорий [5, с. 237].

В правилах по обращению с иностранными рабочими, занятыми в промышленности рейха, оговаривалось, что все должно быть подчинено одной цели — скорейшему и победоносному окончанию войны. На базе данного посыла были недвусмысленно определены критерии отношения к рабочим, «чтобы поддержать и сохранить их благонадежность, чтобы до минимума было сведено их влияние на их родине во вред Германии, чтобы их работоспособность сохранилась на долгое время для военного хозяйства Германии и даже более того, чтобы наступило дальнейшее повышение производительности труда»³.

Рабочим, прибывшим в Германию, строго запрещалось вступать в какие-либо контакты с гражданским населением Германии, нельзя было посещать церковь и пользоваться общественным транспортом без специального разрешения, на одежде необходимо было носить идентификационный знак, указывающий на национальность [6]. Кроме того, нормы германской юстиции не распространялись на судопроизводство по делам восточных рабочих⁴.

В то же время нацисты при помощи лжи и полуправды пытались привлечь добровольцев для работы на благо Третьего рейха. Это хорошо видно, например, из материалов пропагандистских брошюр того периода: «Иностранные рабочие сейчас в Германии работают для Европы. Они были доставлены сюда, чтобы обеспечить наших солдат в окопах, на батареях, в моторизованных войсках, в Люфтваффе и военно-морском флоте самым точ-

ным немецким оружием». Авторы этой листовки заверяют, что Германия нечего не скрывает от мировой общественности. Она, якобы, обеспечивает здоровые, чистые жилые помещения и достойное питание. Как признавался сам Заукель в 1944 г., «из пяти миллионов иностранных рабочих, которые пришли в Германию, добровольно приехали менее двухсот тысяч человек» [7].

Согласно материалам Нюрнбергского судебного процесса на протяжении войны в промышленности и сельском хозяйстве Германии использовалось около 10 млн рабочих 28 национальностей⁵, добровольно или принудительно вывезенных с оккупированных территорий, а также из числа военнопленных. Есть и другие данные, по которым во время Второй мировой войны в Германии использовался труд 13 млн 500 тыс. иностранных рабочих и заключенных концентрационных и иных лагерей, от 80 до 90% из них упоминаются как «подневольные работники» и «рабы». Необходимо также учитывать многократные изменения статуса (например, в августе 1944 г. нацисты перевели на положение гражданских работников около 500 тыс. венгров, более 388 тыс. поляков, 200 тыс. французов, многие тысячи сербских, советских, британских и американских военнопленных). В общей сложности это было 8 млн 400 тыс. гражданских работников, 4 млн 600 тыс. военнопленных и 1 млн 700 тыс. узников концентрационных лагерей и «еврейских рабочих»⁶.

По данным П.М. Поляна, общее число перемещенных из СССР на территорию, находившуюся под контролем Третьего рейха или его союзников, составило около 8 млн 700 тыс. человек, из которых около 5 млн 450 тыс. — мирные жители и 3 млн 250 тыс. — военнопленные [8, с. 95]. В категорию «остарбайтеров» (восточных рабочих) с 1942 г. включались жители старорусских областей. Они должны были носить знак «OST» на каждом комплекте одежды. Национальная принадлежность «восточных рабочих» не имела значения [9, с. 365].

У нацистов на основе приобретенного в ходе войны опыта бытовало убеждение, что с советскими гражданами необходимо обращаться максимально жестко, так как любые проявления либерализма рассматривались ими как признак слабости: «Кто верит, что мягким обращением добьется благодарности от славянина, тот свой политический опыт

² Эрнст Фридрих Кристоф «Фриц» Заукель — комиссар по рабочей силе в управлении четырехлетнего плана (1942–1945). Один из главных ответственных за организацию использования принудительного труда в нацистской Германии.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р-7021. Оп. 148. Д. 11. Л. 74.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 256. Л. 535.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 15. Л. 15.

⁶ URL: <http://www.bundesarchiv.de/zwangsarbeit/geschichte/auslaendisch/begriffe/index.html> ru

приобрел не в НСДАП и не на Востоке, а в каком-нибудь интеллигентском клубе»⁷.

Позже исследователи обнаружили примеры усиления этнической дискриминации и накопление военных проблем, которые отягощали всю рабочую политику Германии. Э. Хомзе, представляя программу Ф. Заукеля по привлечению иностранной рабочей силы, характеризует ее как рациональную и достаточно толерантную. Но при этом она была осложнена совокупностью слишком большого количества организаций, увеличения потребности в новых рабочих и существенного роста расовой пропаганды [10, с. 119].

В то же время М. Шперер утверждает, что противоречий между расовой идеологией и экономическими потребностями Германии не было: «Нацисты пришли к власти на пике безработицы и при достаточно низком уровне привлечения иностранной рабочей силы в страну. В первые же годы сросшаяся бюрократия и бизнес выработали долгосрочную программу развития, в которой использование труда иностранных рабочих показывало доминирование прагматических соображений». Это, конечно, позиция авторская, но она вызывает нарекания по причине ряда объективных данных. Например, поляки — традиционная национальная группа иностранных рабочих в Германии — не считались квалифицированными рабочими и не имели каких-либо послаблений по пребыванию в рейхе. «Для того, чтобы прожить, поляки должны были экспортировать свою собственную рабочую силу. ... Генерал-губернаторство является польским резервом, большим польским рабочим лагерем», — утверждал А. Гитлер⁸.

Выходит, что наиболее логичное обоснование трудоиспользования иностранных граждан в Германии — экономическое, но без бережного отношения к этим ресурсам, с достаточно жесткой сегрегацией. Особое внимание подобному видению данной проблемы уделяет У. Герберт (авторитетный исследователь проблемы иностранной рабочей силы в Третьем рейхе), назвавший одну из глав своей монографии «Работа как цель войны?» [11, с. 27]. Этот историк пишет, что вожди Германии заранее готовились к тому, что иностранная рабочая сила будет использоваться в крупных масштабах для обеспечения так называемого «экономического чуда» нацистской Германии. С учетом данной важнейшей задачи и формировались военные захватнические планы.

Один из высокопоставленных чиновников Третьего рейха Герберт Бакке — рейхсминистр продовольствия и сельского хозяйства — разработал «План голода» в отношении населения оккупированной части СССР. Предполагалось, что в результате реализации этого плана должно было умереть от голода и болезней около 30 млн ненужных Рейху человек [3, с. 539]. Насильственно перемещенные в Германию иностранные рабочие, как правило, использовались для выполнения самых опасных, тяжелых и грязных работ. Р. Лей⁹ говорил в своих выступлениях: «Из пролетарского народа немецкий народ превратится тогда в нацию господ. Через десять лет немецкий рабочий будет выглядеть лучше, чем нынешний английский лорд» [12, с. 339]. Адам Туз по этому поводу пишет: «В связи с кардинальной нехваткой рабочей силы складывается впечатление, что Третий рейх столкнулся с неразрешимым противоречием между своей расовой идеологией геноцида и практическими задачами военного производства» [3, с. 520].

Различные государственные и частные компании и предприятия больше всего выиграли от использования принудительного труда «восточных рабочих». Немецкие буржуа создали на своих фабриках, заводах и фермах для подневольных рабочих еще более суровый режим, чем тот, который рекомендовали власти. Есть немало примеров жестокого обращения с подневольными работниками и безразличия к их судьбе [1]. Более того, нацистская партия и немецкий крупный бизнес были склонны считать, что труд захваченных иностранцев был необходим и выгоден для немецкой экономики и после войны. Нацисты считали естественным, что население оккупированных стран после войны в Европе и некоторых частях Азии, находящихся под контролем Германии, останется в их распоряжении в качестве рабочей силы.

Адам Туз делает очень важный для нашего исследования вывод: «Начиная с весны 1942 г. и далее новые руководители германской военной экономики (Шпеер, Заукель, Бакке и др.) объединили экспансивные усилия по промышленной мобилизации с некоторыми из самых разрушительных компонентов идеологии нацизма, создав радикально новый синтез тотальной войны. Это обещало нацистской Германии шанс на победу. В этом смысле переломный момент в декабре 1941 г. был окончательным и решающим. Подобная политика позволила режиму просуществовать еще три с половиной года, несмотря на все трудности».

⁷ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 256. Л. 419.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 235. Лл. 1–5.

⁹ Лей Роберт — рейхслайтер, заведующий Организационным отделом НСДАП и одновременно руководитель Германского трудового фронта.

тря на подавляющее материальное превосходство своих врагов» [3, с. 550].

Часть современных исследователей вносит коррективы в объяснение и интерпретацию широкого использования принудительного труда Германией во время войны, продолжая традицию «заигрывания» с идеями исключительности (расовой, классовой) и лидерства. В частности, они говорят об исторической традиции использования рабского труда, включая захват рабов в качестве военнопленных и их последующее использование в шахтах в деревни. Они вспоминают практику формирования колоний европейцев в Северной Америке. Особо подчеркивается отсутствие понятия «депортация» в довоенных международных нормативных актах [13, с. 227]. Не пытаются ли они при этом постепенно и цинично подвести всех к мысли, что принудительное использование труда советских граждан в экономике Третьего рейха было предопределено недостатками международной правовой системы и казусами развития человеческого общества?

Еще одним новшеством является концепция «дискурса страдания» «восточных рабочих» [14], согласно которой принудительный труд приобрел значение «рабского» для СССР только с деокупацией советских территорий.

В результате, с определенной степенью нивелирования проблемы, исследователи сводят всю ответственность к бюрократической нерасторопности и личным «превратностям судьбы» «восточного рабочего». Акцент на экономических выгодах от использования труда советских граждан, на наш взгляд, делается для того, чтобы отвлечь внимание общественности от вопроса многочисленных фактов нарушения норм гуманности при обращении с «восточными рабочими». Доминирование рационалистических, экономических трактовок действий нацистских властей и промышленников по отношению к иностранной рабочей силе стало последовательной реализацией идей войны и господства, приоритета Германии и ее интересов, сформулированных лидерами Третьего рейха.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айххольц Д. «Генеральный план Ост»: о порабощении восточноевропейских народов. Пер. с нем. URL: http://scepsis.net/library/id_2108.html
2. Айххольц Д. Цели Германии в войне против СССР. Пер. с нем. URL: http://scepsis.net/library/id_704.html#a1
3. Tooze A. *The Wages of Destruction: The Making and Braking of the Nazi Economy*. London: Penguin Books; 2007. 848 p.
4. Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. Пер. с нем. М.: РОССПЭН; 2010. 271 с.
5. Шпеер А. Воспоминания. Пер. с нем. Смоленск: Русич; М.: Прогресс; 1997. 700 с.
6. Müller W. Utländers in Sülldorf — ausländische Zivil- und Zwangsarbeiter in der Sülldorfer Landwirtschaft zwischen 1939 und 1945. URL: <http://www.geschichtswerkstatt.lurup.de/suelldorf.htm>
7. Didier F. *Europa arbeitet in Deutschland. Sauckel mobilisiert die Leistungsreserven*. Munich: Zentralverlag der NSDAP, 1943. URL: <https://research.calvin.edu/german-propaganda-archive/sauckel.htm>
8. Полян П.М. Советские граждане в Рейхе: сколько их было. *Социологические исследования*. 2002;(5):95–100.
9. Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М.: Ваш выбор ЦИРЗ; 1996. 442 с.
10. Homze E.L. *Foreign labor in Nazi Germany*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press; 1967. 349 p.
11. Herbert U. *Hitler's Foreign Workers: Enforced Foreign Labor in Germany under the Third Reich*. Cambridge: Cambridge University Press; 1997. 510 p.
12. Смелзер Р. «Коричневая революция?» Роберт Лей, Германский трудовой фронт и социал-революционные концепции. Вторая мировая война. Пер. с англ. М.: Весь мир; 1997.
13. Pfeifer J. *Der Einsatz von Zwangsarbeitern und Kriegsgefangenen im deutschen Bergbau während des Ersten und Zweiten Weltkrieges, dargestellt an einigen Beispielen*. Bergbau und Krieg Tagungsband 12. Internationaler Montanhistorischer Kongress Sterzing. Wattens: Berenkamp Verlag; 2014.
14. Grinchenko G. (Re)Constructing Suffering: “Fascist Captivity” in Soviet Commemorative Culture. *Cuadernos de Historia Contemporánea*. 2013;(35):245–247.

REFERENCES

1. Eichholtz D. “The General Plan Ost”: On the Enslavement of the Eastern European Peoples. Transl. from German. URL: http://scepsis.net/library/id_2108.html (In Russ.).
2. Eichholtz D. The aims of Germany in the war against the USSR. Transl. from German. URL: http://scepsis.net/library/id_704.html#a1 (In Russ.).

3. Tooze A. The Wages of Destruction: The Making and Braking of the Nazi Economy. London: Penguin Books; 2007. 848 p.
4. Ludtke A. History of everyday life in Germany: New approaches to the study of labor, war and power. Translated from German. Moscow: ROSSPEN; 2010. 271 p. (In Russ.).
5. Speer A. Memories. Transl. from German. Smolensk: Rusich; Moscow: Progress; 1997. 700 p. (In Russ.).
6. Müller W. Utländers in Sülldorf — foreign civil and forced laborers in Sülldorf agriculture between 1939 and 1945. URL: <http://www.geschichtswerkstatt.lurup.de/suelldorf.htm>
7. Didier F. Europa works in Germany. Sauckel mobilizes the performance reserves. Munich: Central publishing house of the NSDAP, 1943. URL: <https://research.calvin.edu/german-propaganda-archive/sauckel.htm>
8. Polyan P.M. Soviet citizens in the Reich: how many there were. *Sociological research*. 2002;(5):95–100. (In Russ.).
9. Polyan P.M. Victims of two dictatorships. Ostarbeiters and prisoners of war in the Third Reich and their repatriation. Moscow: Vash vybor TSIRZ = Your choice; 1996. 442 p. (In Russ.).
10. Homze E.L. Foreign labor in Nazi Germany. Princeton, New Jersey: Princeton University Press; 1967. 349 p.
11. Herbert U. Hitler's Foreign Workers: Enforced Foreign Labor in Germany under the Third Reich. Cambridge: Cambridge University Press; 1997. 510 p.
12. Smelser R. Brown Revolution? Robert Ley, German Labor Front and Social Revolutionary Concepts. The Second World War. Transl. from Eng. Moscow: The whole world; 1997. (In Russ.).
13. Pfeifer J. The use of forced laborers and prisoners of war in German mining during the First and Second World Wars, illustrated by a few examples. Mining and War Proceedings of the 12th International Mining History Congress in Vipiteno. Wattens: Berenkamp Verlag; 2014.
14. Grinchenko G. (Re)Constructing Suffering: “Fascist Captivity” in Soviet Commemorative Culture. *Cuadernos de Historia Contemporánea*. 2013;(35):245–247.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Гурген Эдмундович Ирицян — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Информатика, математика и общегуманитарные науки», Новороссийский филиал, Финансовый университет, Новороссийск, Россия
Gurgen E. Iritsyán — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Informatics, Mathematics and General Humanities, Novorossiysk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-4421-1689>

Girits@yandex.ru

Наталья Алексеевна Гаража — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «Информатика, математика и общегуманитарные науки», Новороссийский филиал, Финансовый университет, Новороссийск, Россия

Nataliia A. Garazha — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Informatics, Mathematics and General Humanities, Novorossiysk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-4246-7699>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

nagarazha@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.01.2023; принята к публикации 15.02.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.01.2023; accepted for publication on 15.02.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-141-151
УДК 354(045)

Анализ взаимодействия государства и бизнеса в нефтегазовой отрасли на фоне санкционного давления в 2022 году: вызовы и возможности

В.Б. Наумов, Е.А. Просвирин
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена разбору взаимодействия институтов государственной власти РФ и нефтегазового бизнеса на фоне беспрецедентного санкционного давления со стороны коллективного Запада. Рассмотрено, как происходит взаимодействие между акторами, какие решения принимаются для сохранения темпов развития отрасли масштабов добычи, поставок углеводородных ресурсов в связи с вводимыми технологическими и экспортными ограничениями. Оценены возможности и промежуточные итоги данного взаимодействия, выдвинута гипотеза того, что развитие нефтегазовой отрасли по всем существующим трекам зависит от усилий совместной работы политических и экономических акторов в 2022 г. посредством анализа заявлений, информации из открытых источников и изменений в нормативно-правовой базе.

Ключевые слова: санкции; нефтегазовая отрасль; взаимодействие власти и бизнеса; импортозамещение; технологический суверенитет; дружественные страны; геополитическая турбулентность

Для цитирования: Наумов В.Б., Просвирин Е.А. Анализ взаимодействия государства и бизнеса в нефтегазовой отрасли на фоне санкционного давления в 2022 году: вызовы и возможности. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):141-151. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-141-151

ORIGINAL PAPER

Analysis of State-Business Interaction in the Oil and Gas Industry Against the Backdrop of Sanctions Pressure in 2022: Challenges and Opportunities

V.B. Naumov, E.A. Prosvirin
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article deals with the interaction between Russian government institutions and the oil and gas business against the backdrop of unprecedented sanctions pressure from the collective West. It considers how the interaction between the actors takes place, what decisions are made to maintain the pace of development of the industry, and the scale of production and supply of hydrocarbon resources in connection with the technological and export restrictions. The possibilities and intermediate results of this interaction are assessed, and a hypothesis is put forward that the development of the oil and gas industry along all existing tracks depends on the efforts of joint work of political and economic actors in 2022 by analysing statements, information from open sources and changes in the regulatory framework.

Keywords: sanctions; oil and gas industry; interaction between government and business; import substitution; technological sovereignty; friendly countries; geopolitical turbulence

For citation: Naumov V.B., Prosvirin E.A. Analysis of state-business interaction in the oil and gas industry against the backdrop of sanctions pressure in 2022: Challenges and opportunities. *Humanitarian sciences.* 2023;13(3):141-151. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-141-151

Активное взаимодействие государства и бизнеса является залогом успешного роста современной экономики. Данное взаимодействие позволяет актерам с обеих сторон снизить риски и неопределенности, сформировать предпосылки для развития на взаимовыгодных условиях¹. Так, для бизнеса такое партнерство означает повышение предсказуемости и надежности предпринимательской деятельности, а для государства — увеличение доходов бюджета, создание новых рабочих мест, поддержку со стороны предпринимательского сообщества в ходе выборов всех уровней [1].

Эффективность такого взаимодействия зависит как от заинтересованности государства в развитии тех или иных отраслей экономики и конкретных компаний, так и от лоббистских ресурсов и возможностей бизнеса². В данной статье будут рассмотрены особенности такого взаимодействия в рамках нефтегазового комплекса.

Нефтегазовая промышленность России формирует 25,5% ВВП страны, на долю РФ приходится около 20% всех международных поставок энергоресурсов³. Благодаря этому нефтегазовый комплекс играет большую роль как во внутренней, так и во внешней политике РФ.

Санкционное давление традиционно является инструментом внешней политики коллективного Запада. Санкции⁴ призваны ограничить развитие экономики страны, против которой они введены. Широкий набор ограничений против нефтегазового комплекса РФ вводился активно с 2014 г. Однако после начала специальной военной операции в Украине масштаб и потенциальный негативный эффект данных санкций существенно возросли.

В связи с этим Аналитический центр Правительства Российской Федерации⁵ выделил три сферы рисков:

1. Добыча и переработка нефти — запрет на закупку в России нефти и нефтепродуктов; ограничения на поставку в РФ оборудования для нефтедобычи и нефтепереработки.

2. Инвестиции — выход западных компаний из совместных проектов на территории России, запрет на инвестиции в ТЭК РФ.

3. Природный газ — снижение зависимости ЕС от импорта газа из России; отказ от продления контрактов с ПАО «Газпром»; приостановка сертификации «Северного потока — 2».

Для преодоления перечисленных угроз государству и бизнесу необходимо координировать свои усилия [2]. Это позволит избежать сокращения добычи и экспорта энергетических ресурсов (либо минимизировать их снижение), обеспечить географическую диверсификацию поставок, преодолеть возникающие технологические вызовы.

Для выявления механизмов взаимодействия [3] государства и бизнеса с целью снижения перечисленных вызовов представляется необходимым:

1. Рассмотреть и актуализировать проблемное поле рисков, с которыми столкнулись нефтегазовые компании.

2. Понять, какие действия предпринимают бизнес-акторы нефтегазовой отрасли для решения существующих проблем на фоне санкционного давления.

3. Изучить действия институтов государственной власти, направленные на поддержку и стимулирование дальнейшего развития нефтегазовой отрасли и расширение энергетического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) с целью переориентации поставок углеводородов на новые рынки⁶.

4. Сделать вывод относительно эффективности взаимодействия политической и экономической элит при решении проблем топливно-энергетического комплекса.

Рассмотрим направления взаимодействия государства и бизнеса с целью преодоления последствий санкционного давления⁷. Первое направление заключается в переориентации российского углеводородного экспорта на но-

¹ URL: <https://energypolicy.ru/neftegazovyy-kompleks-rossii-v-period-geopoliticheskoy-turbulentnosti-kak-najti-vernuyj-otvet-na-sankcii/neft/2022/21/25/> (дата обращения: 25.11.2022).

² URL: <https://energypolicy.ru/ekonomicheskaya-politikadlya-otraslej-tek-rossii-v-usloviyah-sankcij/energetika/2022/11/22/> (дата обращения: 22.08.2022).

³ URL: https://www.ng.ru/ng_energiya/2022-06-13/9_8459_sanctions.html (дата обращения 16.11.2022)

⁴ URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/10/14/tek-rossii-v-usloviyah-sanktsii-pomogli-ili-pomeshali (дата обращения: 13.11.2022).

⁵ URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo106.pdf> (дата обращения 07.11.2022).

⁶ URL: <https://journal.open-broker.ru/radar/podderzhka-biznesa-v-usloviyah-sankcij/> (дата обращения: 15.12.2022).

⁷ URL: <https://www.exocentr.ru/ru/press-center/press-releases/neftegaz-2022-perspektivy-rossiyskoy-neftegazovoy-otrasli/> (дата обращения: 12.12.2022).

Таблица 1 / Table 1

Взаимодействие государства и бизнеса по вопросу переориентации внешних поставок нефтегазовых ресурсов / Interaction between the state and business on the issue of reorientation of external supplies of oil and gas resources

Переориентация поставок нефтегаза, направления / Oil and gas supply reorientation, directions	Решения институтов государственной власти РФ / Decisions of the institutions of state power of the Russian Federation	Действия со стороны нефтегазового бизнес-сообщества / Actions by the oil and gas business community
КНР	<p>Переговоры президента РФ Владимира Путина и главы КНР Си Цзиньпина о сооружении магистрали «Сила Сибири – 3» и новых поставок нефти для китайской экономики</p> <p>Вице-премьер Александр Новак о сотрудничестве с Китаем: переход к оплате в рублях и юанях; дополнительные поставки 10 млрд м³ газа по дальневосточному маршруту</p>	<p>В октябре 2022 г. глава ПАО «НК «Роснефть» Игорь Сечин высказывался о необходимости переориентировки поставок УВС на восток</p> <p>Руководство «Газпрома» провело несколько встреч с коллегами из CNPC, на которых обсуждались поставки газа в КНР – проект «Сила Сибири – 2»</p>
Индия	<p>Александр Новак обсудил с индийскими партнерами вопросы инвестиций в российский нефтегазовый сектор</p> <p>Обсуждение представителями России и Индии вопроса о поставках нефти в объеме 15 млн барр. со скидками в размере до 35 долл. США за баррель с расчетами в рублях</p> <p>Повышение роли Индии как экономического агента, способствующего выходу российского бизнеса в страны АТР (с возможностью взаиморасчетов в местных валютах)</p> <p>Договоренность МИД РФ и МИД Индии – совместные договоренности о стабильных поставках нефти – РФ вышла на первое место по экспортерам в Индию</p>	<p>Россия в октябре 2022 г. стала крупнейшим поставщиком нефти в Индию. На долю РФ пришлось 22% всего импорта сырой нефти в Индию</p>
Иран	<p>Встреча А. Новака с первым вице-президентом ИРИ Мохаммадом Мохбером, договоренность по возможности использовать при торговле национальные валюты и бартер. Намерение России проинвестировать освоение новых нефтегазовых месторождений в Иране, строительство газопроводов и заводов по производству СПГ</p> <p>Развитие экспорта со сторон Ирана в РФ газовых турбин (40 штук)</p> <p>Договоренность с министром нефти Оуджи по вопросам своповых поставок нефти на местах, где сходятся экспорт стран</p> <p>Министр энергетики Шульгинов и министр нефти Оуджи выступили с созданием межправительственной комиссии по вопросам поставок и возможности распространять ресурсы на территории прикаспийских государств</p>	<p>В июле 2022 г. заместитель председателя правления ПАО «Газпром» Виталий Маркелов и исполнительный директор National Iranian Oil Company Мохсен Ходжастемехр подписали Меморандум о взаимопонимании по стратегическому сотрудничеству. Данный документ подразумевает сотрудничество в энергетической сфере, в частности – разработку месторождений и развитие проектов в сфере СПГ</p>

Переориентация поставок нефтегаза, направления / Oil and gas supply reorientation, directions	Решения институтов государственной власти РФ / Decisions of the institutions of state power of the Russian Federation	Действия со стороны нефтегазового бизнес-сообщества / Actions by the oil and gas business community
Ближнее зарубежье	Казахстан: разрешение противоречий относительно поставок казахской нефти в Европу по магистрале Каспийского трубопроводного консорциума. Вице-премьер А. Новак и первый заместитель премьер-министра Казахстана Роман Скляр договорились о сотрудничестве в сфере поставок нефти, газа и нефтепродуктов	Глава «Газпрома» Алексей Миллер в мае 2022 г. провел встречу с министром энергетики Казахстана и еще две встречи с первым заместителем премьер-министра республики Романом Скляром. В ходе встреч обсуждалось взаимодействие в энергетической сфере, а также поставки газа в страну и вопросы его переработки
	Узбекистан: принятие декларации о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и Республикой Узбекистан. В частности, предусматриваются увеличение поставок нефти, активизация сотрудничества в сфере проведения геологоразведочных работ, подготовки кадров и обмена опытом	В октябре 2022 г. состоялась рабочая встреча Алексея Миллера с премьер-министром Узбекистана Абдулой Ариповым, в ходе которой были рассмотрены вопросы сотрудничества в энергетике
	Туркменистан: принятие декларации о стратегическом партнерстве, включая обмен опытом, подготовку кадров, проведение совместных геологоразведочных работ, строительство новых и модернизацию действующих отраслевых объектов в Туркменистане. Укрепление позиций «Газпрома» и «Лукойла» на данном рынке	В августе состоялась рабочая встреча Алексея Миллера с президентом Туркменистана Сердаром Бердымухамедовым, в ходе которой были рассмотрены вопросы сотрудничества в энергетике
Турция	Увеличение импорта российской нефти Турцией с расчетом в национальных валютах (на основе договоренностей, достигнутых президентами двух стран) Договоренность президентов двух стран о создании в Турции газового хаба, что позволит переориентировать поставки российского газа в Европу с газопровода «Северный поток – 1» на турецкий маршрут Возможные ограничения поставок через проливы Босфор и Дарданеллы в связи с введением потолка цен на российскую нефть и запретами на страхование российских танкеров	В июле 2022 г. прошла встреча Алексея Миллера с заместителем министра энергетики и природных ресурсов Турции и председателем совета директоров, генеральным директором турецкой государственной нефтегазовой компании BOTAS Бурханом Озджаном. На встрече были обсуждены возможности сотрудничества в газовой сфере. Также отмечалась надежность проектов «Турецкий поток» и «Голубой поток» Алексей Миллер обсудил перспективы сотрудничества с министром энергетики и природных ресурсов Турции
Монголия	Заявление В. Путина на полях Восточного экономического форума после встречи с премьер-министром Монголии Оюун-Эрдэне. Предполагается налаживание поставок газа через Монголию в Китай; инвестиции в создание логистических цепочек Президент Монголии поддержал строительство магистрали «Сила Сибири – 2». Отметил необходимость подготовить технико-экономическое обоснование проекта	В сентябре на экономическом форуме во Владивостоке состоялась встреча Алексея Миллера с премьер-министром Монголии Оюун-Эрдэне. Главной темой обсуждения стал газопровод «Сила Сибири – 2» Обе стороны позитивно оценили темпы реализации проекта

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

вые рынки и налаживании связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Из *табл. 1* следует, что основным направлением преодоления последствий санкционного давления становится налаживание более тесных партнерских отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ. Активный диалог на уровне представителей государственной власти и топ-менеджеров крупнейших энергетических компаний создает предпосылки⁸ для увеличения поставок российских энергоресурсов в восточном направлении. Вместе с тем углубление энергетического сотрудничества формирует основу для усиления кооперации России и стран АТР и СНГ как в политической, так и в экономической сфере [4]. Благодаря расширению поставок относительно недорогих энергетических ресурсов в восточном направлении Россия обеспечивает своим азиатским партнерам конкурентные преимущества по сравнению с европейскими производителями и одновременно приобретает новые рычаги влияния в системе международных отношений, а отечественный бизнес сохраняет и укрепляет свой экспортный потенциал.

При этом взаимодействие государства и бизнеса строится по традиционной схеме: представители российского руководства проводят переговоры и деловые встречи на межгосударственном и межправительственном уровнях. После достижения общего политического консенсуса и очерчивания контуров перспективного экономического сотрудничества к переговорам подключаются представители бизнеса, которые заключают детальные соглашения с зарубежными контрагентами, приводящие к осуществлению инвестиций и реализации конкретных проектов. Данный тренд наиболее ярко прослеживается с лета 2022 г., т.е. с того момента, как процесс принятия антироссийских санкций со стороны коллективного Запада вступил в наиболее активную стадию.

Необходимо отметить, что такая активизация сотрудничества коснулась не только крупнейших стран — потребителей энергоресурсов (Китай, Индия), но и стран, которые могут выступать транзитерами российских углеводородов на различные рынки (Казахстан, Турция, Монго-

лия). Данный факт способствует формированию более широких международных политических и экономических альянсов, основанных, в том числе, и на энергетическом факторе⁹.

Наиболее эффективные совместные действия политической и экономической элиты РФ наблюдаются в тех странах, в которых планируется сооружение новых крупных инфраструктурных объектов по транспортировке углеводородного сырья. Показательным примером может служить создание новой газотранспортной системы «Сила Сибири — 2». В ходе проектирования этого маршрута в активное экономическое сотрудничество с Россией, помимо Китая, была также вовлечена Монголия, поскольку было принято важное политическое решение о прохождении маршрута нового экспортного трубопровода через эту страну. В перспективе возможна также реализация масштабных инфраструктурных проектов совместно с Турцией и Ираном, что открывает широкие возможности как для укрепления политических отношений с этими странами, так и для инвестиций российских компаний.

Особо стоит выделить кейс взаимодействия России и Турции, в перспективе позволяющего сохранить объемы российского газового экспорта на европейские рынки. В данном случае также достижение принципиальных договоренностей на высшем государственном уровне открывает широкие перспективы для национального бизнеса двух стран. Хотя в отношениях двух стран, в том числе и в нефтегазовой сфере, остается ряд не до конца урегулированных моментов. В частности, речь идет о намерениях Анкары не допускать прохода через турецкие проливы танкеров с российской нефтью, если они не будут иметь соответствующего страхового покрытия (ограничения на страхование таких судов вытекают из антироссийских санкций, в частности, касающихся установления потолка цен на нефть из РФ).

Перейдем к более подробному рассмотрению вопросов, касающихся формирования новых логистических цепочек.

Из *табл. 2* следует, что государственные органы РФ создают институциональные условия, с одной стороны, для формирования новой логистической инфраструктуры с целью поста-

⁸ URL: https://iadevon.ru/news/activity/transformatsiya_tek_v_usloviyah_sanktsiy_stanet_glavnoy_temoy_natsionalnogo_neftegazovogo_foruma-12654/ (дата обращения 22.10.2022).

⁹ URL: <https://dprom.online/oilngas/rossijskaya-neft-v-2022-godu/> (дата обращения: 24.11.2022).

**Анализ взаимодействия власти и бизнеса по вопросу формирования новых цепочек логистики /
Analysis of the interaction between government and business on the formation of new logistics chains**

Развитие новых систем логистики, направления / Development of new logistics systems, directions	Решения институтов государственной власти РФ / Decisions of the institutions of state power of the Russian Federation	Действия со стороны нефтегазового бизнес-сообщества / Actions by the oil and gas business community
Строительство/ фрахт танкеров	Обращение В. Путина по вопросу использования судов «Совкомфлота» в интересах отечественных грузоотправителей в ходе совещания с руководством Министерства транспорта В. Путин поручил Правительству РФ разработать план развития нефте- и газотранспортной инфраструктуры Создание «теневого флота» из нефтяных танкеров для преодоления санкционных мер	«Роснефть» расширила масштабы фрахтования судов для доставки нефти потребителям Относительно прошлого года поставки нефти марки Urals в страны АТР увеличились в шесть раз
СПГ-терминалы	Правительство РФ поддержало реализацию 11 технологических направлений в рамках программы «Прорыв на рынки СПГ» Министерство промышленности и торговли заявило о поиске источников финансирования в целях повышения доли российского оборудования в СПГ-проектах до 80% Правительство РФ выделило 2 млрд бюджетных средств для разработки оборудования для СП-проектов Путин – «проекты СПГ-терминалов будут поддерживаться государством»	«Новатэк» находится в поиске новых подрядчиков для работы над проектом «Арктик СПГ – 2» вместо зарубежных компаний, ушедших из РФ из-за санкций «Новатэк» вложит около 40 млрд руб. в создание регазификационного терминала и причальной стенки на Камчатке с целью поставок СПГ в данный регион. Активизация эксплуатации «Газпромом» комплекса СПГ «Портовая», в том числе для отправки СПГ тем странам, которые ранее получали газ по трубопроводу
«Сила Сибири – 1» и «Сила Сибири – 2»	Заявление В. Путина о том, что Россия скоро начнет строительство монгольского участка (результат переговоров в рамках Российской энергетической недели)	Запуск «Газпромом» в эксплуатацию Ковыктинского месторождения в Иркутской области, служащего ресурсной базой для наращивания поставок по «Силе Сибири – 1»
Северный морской путь – атомные ледоколы	Поручение президента РФ о передаче контроля над Северным морским путем госкорпорации «Росатом» Правительство РФ намерено увеличить финансирование программы по развитию Севморпути для усиления потенциала данного транспортного коридора в период до 2035 г. Договоренность «Росатома» с нефтегазовыми компаниями по использованию атомных ледоколов для проводки нефтегазовых танкеров	«Новатэк» и «Росатом» подписали меморандум, который предусматривает оценку возможности внедрения технических решений «Росатома» в процессах производства СПГ и низкоуглеродного водорода, аммиака, генерации и хранения электроэнергии. Председатель правления ПАО «Новатэк» Леонид Михельсон и председатель правления ПАО «Газпром» Алексей Миллер подписали соглашение о сотрудничестве по устойчивому развитию Арктической зоны Российской Федерации. «Роснефть» активизирует реализацию проекта «Восток Ойл», предусматривающего поставку до 115 млн т нефти в год по СМП к 2033 г.

Окончание таблицы 2 / Table 2 (continued)

Развитие новых систем логистики, направления / Development of new logistics systems, directions	Решения институтов государственной власти РФ / Decisions of the institutions of state power of the Russian Federation	Действия со стороны нефтегазового бизнес-сообщества / Actions by the oil and gas business community
Газификация внутреннего рынка	Президент поручил расширить программу газификации регионов и включить в нее максимальное число населенных пунктов. Также необходимо увеличивать предложение нефтепродуктов на внутреннем рынке по приемлемым ценам А. Новак заявил о необходимости расширить газификацию регионов РФ с укреплением внутреннего спроса на энергоресурсы. Разрабатываются также инструменты поддержки крупных проектов в области нефтегазохимии Планы Министерства энергетики РФ по газификации Северо-Запада России и Заполярья	Олег Аксютин заявил, что полная газификация российских регионов позволит к 2030 г. увеличить поставки газа на внутренний рынок на 20 млрд м ³ . Дополнительный спрос в 10 млрд м ³ в ближайшие годы может обеспечить российский рынок газомоторного топлива. Но компенсировать потерю экспортной выручки такая стратегия не способна. «Новатэк» подписал соглашения о взаимодействии в области малотоннажного СПГ с правительствами Московской и Самарской областей

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

вок российских углеводородов на новые рынки («серый флот» танкеров, ледоколы для проводки нефтяных танкеров и газозовов в сторону АТР в круглогодичном режиме). С другой стороны, формируются предпосылки для роста спроса на углеводородное сырье, в первую очередь на газ, на внутреннем рынке. Такая «внутренняя диверсификация» поставок позволяет как смягчить последствия западных санкций, так и решить важные социальные задачи, связанные с обеспечением населения доступными и недорогими энергоресурсами. В свою очередь, бизнес включается в работу по формированию логистической инфраструктуры [5], а также берет на себя обязательства по снабжению российских регионов энергоресурсами (газом) и топливом (газомоторным). Большие перспективы открываются в связи с развитием отечественной нефтегазохимии, что позволит перейти от экспорта сырья к производству и поставкам товаров высоких переделов, произведенных из данного сырья.

Особо стоит отметить важность развития Северного морского пути — как в плане диверсификации направлений поставок углеводородов, так и в контексте развития северных российских

регионов. Повышение загрузки Северного морского пути является важнейшей общей задачей для российского государства и бизнеса. Ее решение, в частности, возможно благодаря реализации компанией «Роснефть» мегапроекта «Восток ойл», предусматривающего добычу и поставку по СМП до 115 млн тонн нефти к 2033 г.

Еще одной важной сферой взаимодействия государства и бизнеса является увеличение поставок газа на мировые рынки в сжиженном виде. Это позволит расширить географию поставок и частично вывести российский энергетический экспорт из-под действия санкций. Представляются также перспективными проекты по газификации ряда удаленных российских регионов на основе СПГ, что также обеспечит дополнительный спрос на газ.

Третий важнейший блок вопросов, связанных со взаимодействием государства и бизнеса в нефтегазовой сфере, касается обеспечения технологического суверенитета России в данной сфере.

В табл. 3 отражена лишь малая шагов и мероприятий государства и бизнеса, направленных на обеспечение импортозамещения и достижение технологического суверенитета в нефтегазо-

Взаимодействия власти и бизнеса по вопросам технологического развития / Interaction between government and business on issues of technological development

Технологический аспект – импортозамещение и не только, направления / Technological aspect – import substitution and not only, directions	Решения институтов государственной власти РФ / Decisions of the institutions of state power of the Russian Federation	Действия со стороны нефтегазового бизнес-сообщества / Actions by the oil and gas business community
Программы импортозамещения	<p>Министерство промышленности и торговли активизирует процесс импортозамещения в области нефтегазового машиностроения. Принята программа государственной поддержки, предусматривающая широкий набор стимулирующих мер (в частности, компенсация процентов по кредитам, выданных на цели импортозамещения)</p> <p>Министерство энергетики обозначило 11 критериев импортозамещения ПО в нефтегазе</p>	<p>Вице-президент «Транснефти» Андрей Бадалов: почти 96% оборудования «Транснефти» уже замещено на российское, компания стремится достичь показателя в 97%</p> <p>«Лукойл» и «Росатом» подписали соглашение о развитии в технологической сфере (внедрение цифровых продуктов, энергоэффективных решений и т.д.)</p> <p>Снижение зависимости от импортных катализаторов. «Роснефть» переходит на катализаторы гидроочистки и гидрокрекинга собственного производства</p>
Идеи «технологического суверенитета»	<p>Поддержка программ импортозамещением в области программного обеспечения нефтепереработки и нефтедобычи для развития суверенитета от Указа Президента РФ от 30.03.2022 № 166</p> <p>Новак о том, что необходимо к 2025 г. повысить до 80% отечественного оборудования в рамках добычи газа и нефти</p>	<p>Маганов, генеральный директор «Татнефть», не видит ограничений в дальнейшем развитии компании из-за введенных санкций в отношении России</p> <p>Маргелов, бывший вице-президент: «Новые санкции США не повлияют на выполнение обязательств «Транснефть» перед российскими и зарубежными партнерами»</p>
Технологические партнерства с другими странами	<p>Развитие взаимодействия с дружественными странами по вопросу поставки оборудования. Например, импорт газовых труб из Ирана</p> <p>Развитие сотрудничества с Ираком – советник посольства России в Ираке Илья Лобов – совместные проекты и развитие, обмен опытом</p> <p>«Большое значение приобретает развитие межрегиональных связей с дружественными государствами. С уходом из России целого ряда западных компаний, которым запретили работать у нас на отечественном рынке, открываются перспективные ниши, которые могли бы заполнить их экономические операторы», заявил министр иностранных дел РФ С. Лавров.</p> <p>Расширение сотрудничества с компаниями из КНР</p>	<p>Иран подписал с Россией контракт на поставку 40 газовых турбин для тепловых электростанций</p>

Окончание таблицы 3 / Table 3 (continued)

Технологический аспект – импортозамещение и не только, направления / Technological aspect – import substitution and not only, directions	Решения институтов государственной власти РФ / Decisions of the institutions of state power of the Russian Federation	Действия со стороны нефтегазового бизнес-сообщества / Actions by the oil and gas business community
Создание отраслевых стандартов для нефтегаза (институт ИНТИ)	В. Путин при обращении к правительству и бизнесу заявил о необходимости к переходу к отечественным системам стандартизации и сертификации нефтегазовой отрасли для обеспечения технологической независимости	Создание рядом энергетических компаний Института нефтегазовых технологических инициатив. Вовлечение в деятельность ИНТИ нефтегазовых компаний дружественных государств

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

вой сфере [6]. При этом данные процессы ведут не к технологической самоизоляции страны, а к созданию предпосылок для формирования новых технологических альянсов с дружественными странами. Наряду с увеличением поставок углеводородных ресурсов, реализация совместных технологических проектов может послужить фундаментом для расширения политического и экономического партнерства, появления принципиально новых международных форм кооперации.

При этом важнейшей задачей является создание новых стандартов в сфере нефтегазовой промышленности. Она обусловлена тем, что в последние десятилетия данная сфера оказалась, по сути, монополизирована США, которые при помощи политических и экономических рычагов навязывали всему миру стандарты, разработанные Американским нефтяным институтом (American Petroleum Institute, API). Данные стандарты служили механизмом формирования зависимости нефтяной и газовой промышленности многих стран от западных технологий и оборудования, препятствовали развитию национального бизнеса в данной сфере. Это выразилось, в частности, в повышении доли иностранного нефтегазового сервиса в НГК России до критически опасного уровня. Уход из РФ иностранных сервисных компаний под воздействием санкций сделал эту проблему, на которую давно обращали внимание отраслевые эксперты, особо яркой и очевидной.

В связи с этим сегодня активизировалась работа по созданию новой отечественной системы стандартов для НГК. Результатом взаимодействия государства и бизнеса в данной

сфере служит создание Института нефтегазовых технологических инициатив (ИНТИ), который вовлек в орбиту своей деятельности ряд нефтегазовых корпораций из стран СНГ и ОПЕК. К настоящему моменту в состав ИНТИ входят семь иностранных компаний. К 2025 г., по словам директора ИНТИ по работе с ключевыми партнерами, в рамках объединения компаний планируются процессы разработки более 500 отраслевых стандартов нефтегазовой отрасли с привлечением более 3 тыс. оценок при участии более 5 тыс. экспертов — так 30 отечественных и иностранных компаний смогут пользоваться всеми комплексными работами института¹⁰.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что институты государственной власти РФ ведут активную коммуникацию с нефтегазовым бизнесом для преодоления всех существующих рисков. Организована двухуровневая работа, позволяющая координировать усилия государства и бизнеса, соответственно, в политической и экономической сферах. Можно также говорить о наличии консенсуса политической и экономической элиты (по крайней мере, имеющей отношение к нефтегазовому комплексу), направленного на преодоление негативных последствий западных санкций [7].

В перспективе представляется необходимой дальнейшая активизация данной работы с особым акцентом на развитии новых логистических маршрутов и укреплении технологического суверенитета Российской Федерации. Также крайне важно подчеркнуть, что такая совместная работа

¹⁰ URL: <https://www.neftegas.info/news/24-noyabrya-v-moskve-v-otele-metr/> (дата обращения: 25.12.2022).

бизнеса и государства ведет не только к решению внутренних проблем страны, но и к укреплению международных позиций России, она открывает новые широчайшие возможности для формирования различных международных альянсов с дружественными странами. А это, в свою очередь, благоприятно скажется и на внешней политике страны, и на финансово-экономических показателях отечественного бизнеса в условиях геополитической турбулентности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Голяшев А., Курдин А., Коломиец А., Некраш А., Федоренко Д., Федоров С. ТЭК России в условиях санкционных ограничений. *Энергетические тренды*. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo106.pdf> (дата обращения: 22.12.2023).
2. Балашов А.М. Влияние санкций на развитие бизнеса нефтегазовых корпораций России. *Горная промышленность*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sanktsiy-na-razvitie-biznesa-neftegazovyh-korporatsiy-v-rossii> (дата обращения: 14.11.2022).
3. Долгов В. В. Взаимодействие с государством как составляющая стратегии развития нефтегазовых компаний в современной России. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-s-gosudarstvom-kak-sostavlyayuschaya-strategii-razvitiya-neftegazovyh-kompaniy-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 14.11.2022).
4. Колодин В. С., Давыдова Г. В. Проблемы модернизации нефтеперерабатывающей промышленности в России в условиях санкционного давления. *Baikal Research Journal*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-modernizatsii-neftepererabatyvayushey-promyshlennosti-rossii-v-usloviyah-sanktsionnogo-davleniya> (дата обращения: 14.11.2022).
5. Лукьяненко К. Т. Перспективы развития политико-экономических аспектов экологической повестки в условиях антироссийских санкций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):77–81.
6. Митрофанов А.А. Лоббистские технологии в международном GR: анализ практики нефтегазовой сферы. Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы III Международной научно-практической конференции. Т. 1. Екатеринбург: УрФУ; 2017.
7. Толкачев С.А., Комолов О.О. Государственная политика поддержки обрабатывающих отраслей промышленности России в условиях международных санкций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):72–81.

REFERENCES

1. Golyashev A., Kurdin A., Kolomiets A., Nekrash A., Fedorenko D., Fedorov S. Russian fuel and energy complex under sanctions restrictions. *Energeticheskie trendy = Energy trends*. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo106.pdf> (accessed on 22.12.2023) (In Russ.).
2. Balashov A.M. Impact of sanctions on business development of oil and gas corporations in Russia. *Gornaya promyshlennost' = Mining industry*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sanktsiy-na-razvitie-biznesa-neftegazovyh-korporatsiy-v-rossii> (accessed on 14.11.2022). (In Russ.).
3. Dolgov V.V. Interaction with the state as a component of the strategy for the development of oil and gas companies in modern Russia. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk = Topical problems of the humanities and natural sciences*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-s-gosudarstvom-kak-sostavlyayuschaya-strategii-razvitiya-neftegazovyh-kompaniy-v-sovremennoy-rossii> (accessed on 14.11.2022). (In Russ.).
4. Kolodin V. S., Davydova G. V. Problems of modernization of the oil refining industry in Russia under sanctions pressure. *Baikal Research Journal*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-modernizatsii-neftepererabatyvayushey-promyshlennosti-rossii-v-usloviyah-sanktsionnogo-davleniya> (accessed on 14.11.2022). (In Russ.).
5. Lukyanenko K. T. Prospects for the development of political and economic aspects of the environmental agenda in the context of anti-Russian sanctions. *Humanities and social sciences. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):77–81. (In Russ.).

6. Mitrofanov A.A. Lobbying technologies in international GR: an analysis of the practice of the oil and gas sector. Strategies for the development of social communities, institutions and territories: materials of the III International scientific and practical conference: volume 1. Ekaterinburg: UrFU; 2017. (In Russ.).
7. Tolkachev S.A., Komolov O.O. State policy to support the manufacturing industries of Russia in the context of international sanctions. *Humanities and social sciences. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):72–81. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владислав Борисович Наумов — студент 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Vladislav B. Naumov — 4th year student, Department of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0004-7402-7174>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

naumov386@gmail.com

Егор Алексеевич Просвирина — студент 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва Россия

Egor A. Prosvirin — 4th year student, Department of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow Russia

<https://orcid.org/0009-0001-3571-907X>

prosvirin1617@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.01.2023; принята к публикации 10.02.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.01.2023; accepted for publication on 10.02.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Эффективность действия режима параллельного импорта в условиях экономических санкций

Л.Ш. Уличкина

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор раскрывает понятие «параллельный импорт» и механизм его действия в российской экономике. Указываются причины и условия внедрения режима параллельного импорта. Рассматриваются правовые основы действия этого режима. Дается характеристика видов принципов исчерпания права. Приводятся примеры успешного импортозамещения в России. Также указываются сферы экономики, сталкивающиеся с определенными проблемами при импортозамещении. Рассматриваются альтернативные точки зрения экспертов на введение режима параллельного импорта. Анализируется правовая история вопроса, приводятся особенности подходов к данной теме в судебной практике. Указываются основные проблемы и преимущества внедрения режима параллельного импорта и перспективы его развития в России.

Ключевые слова: импортозамещение; санкции; импорт; промышленная сфера; отрасли экономики; нормативно-правовые акты

Для цитирования: Уличкина Л.Ш. Эффективность действия режима параллельного импорта в условиях экономических санкций. *Гуманитарные науки*. 2023;13(3):152-158. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-152-158

The Effectiveness of the Parallel Import Regime in the Context of Economic Sanctions

L. Sh. Ulichkina

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The presented article briefly summarizes the concept of parallel import, the mechanism of its action in the Russian economy. The reasons and conditions for the introduction of the parallel import mode are indicated. The legal basis of the operation of this regime is considered. The characteristics of the types of principles of exhaustion of an entitlement are given. Examples of successful import substitution in Russia are given. The spheres of the economy that face certain problems with import substitution are also indicated. Alternative expert points of view on the introduction of a parallel import regime are considered. The legal history of the parallel import issue in Russia is analyzed. The features of approaches to parallel import in judicial practice are given. The main problems and advantages of the introduction of the parallel import regime and the prospects for its development in Russia are indicated.

Keywords: import substitution; sanctions; imports; industrial sphere; economic sectors; regulatory and normative legal acts

For citation: Ulichkina L. Sh. The effectiveness of the parallel import regime in the context of economic sanctions. *Humanitarian sciences*. 2023;13(3):152-158. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-152-158

Импорт традиционно является значительной составляющей внешнеэкономической деятельности каждой страны. При этом объем, состав и структура импорта отражают общую экономическую и политическую конъюнктуру в государстве.

Начиная с 2014 г. в нашей стране проводится активная политика импортозамещения. Рассмотрим вкратце причины перехода к данной политике, а также ее основные промежуточные результаты.

Необходимость перехода к активной политике импортозамещения в России была

обусловлена значительными изменениями в геополитической ситуации, происходившими начиная с 2014 г. Ранее российская экономика была сильно зависима от импорта продовольствия и товаров народного потребления, особенно в сфере технологий, машин и оборудования, фармацевтической и химической продукции и пр. Принятие санкций в отношении российской экономики, а также уход многих иностранных брендов с нашего рынка послужили катализатором процесса импортозамещения.

Уже первый пакет введенных санкций показал, в каких сферах импортозамещение наиболее необходимо. В первую очередь это коснулось пищевой промышленности. Ускоренные темпы материальных вложений в развитие крупнейших агрокомплексов позволили России в кратчайшие сроки практически полностью отказаться от импорта зарубежного продовольствия. Вполне успешно идут процессы импортозамещения в фармакологии: общеизвестный факт, что Россия стала первой страной, разработавшей и внедрившей промышленное производство вакцины от коронавирусной инфекции.

Также особое внимание уделялось развитию приоритетных отраслей: современных информационных технологий, фармацевтики, машиностроения, — начали создаваться технопарки, хабы, высокотехнологичные предприятия. Была внедрена национальная платежная система «Мир», не зависящая от зарубежных процессинговых центров, а также система быстрых платежей (СБП).

В 2022 г. процессы импортозамещения получили дополнительный импульс. Госдумой был принят ряд законопроектов, направленных на стимулирование внутреннего рынка. Постановлением правительства от 31.03.2022 № 552 введена специальная грантовая программа для производителей аналогов деталей, ранее закупаемых за рубежом. Постановлением правительства от 06.03.2022 № 297 предусматривает использование упрощенной схемы при госзакупках медицинского оборудования.

В результате принимаемых мер доля отечественного оборудования в российской экономике возросла с 40% в 2014 г. до 55% в 2021 г.

Однако, несмотря на ряд довольно быстрых позитивных изменений, существуют и определенные проблемы. Наиболее сложно процесс импортозамещения проходит в промышленной

сфере. К тому же есть ряд отраслей, для которых требуются импортные комплектующие, — это автомобиле- и самолетостроение, где импортозамещение несколько тормозится.

Большие сложности имеются и в функционировании национального программного обеспечения. Несмотря на ряд беспрецедентных льгот в сфере информационных технологий, процесс создания собственного софта протекает крайне медленно. Приходится констатировать, что в данной сфере Россия пока не может достойно конкурировать с иностранными производителями.

В 2022 г. процессы импортозамещения получили дополнительный импульс. Госдумой был принят ряд законопроектов, направленных на стимулирование внутреннего рынка. Постановлением правительства от 31.03.2022 № 552 введена специальная грантовая программа для производителей аналогов деталей, ранее закупаемых за рубежом. Постановлением правительства от 06.03.2022 № 297 предусматривает использование упрощенной схемы при госзакупках медицинского оборудования.

Выходом из сложившейся ситуации во многом послужит официальное введение режима параллельного импорта. Рассмотрим правовую историю данного вопроса.

Впервые понятие параллельного импорта и принципа национального исчерпания права в России законодательно было введено в 2002 г. Это было одним из условий привлечения в страну крупных зарубежных компаний и иностранных инвестиций. Поясним: принцип исчерпания исключительного права на товарный знак означает, что правообладатель больше не может контролировать и запрещать

Сравнительный анализ стран по уровню ВВП в зависимости от принципа исчерпания прав на товарный знак / Comparative analysis of countries by GDP level depending on the principle of exhaustion of trademark entitlements

Место в рейтинге по уровню ВВП	Страна	Режим исчерпывания права на товарный знак
1	США	Международный
2	Китай	Международный
3	Япония	Международный
4	Германия	Региональный (ЕС)
5	Индия	Международный
6	Великобритания	Региональный в составе ЕС (в настоящее время не определен)
7	Франция	Региональный (ЕС)
8	Италия	Региональный (ЕС)
9	Бразилия	Национальный (внутреннее законодательство), международный (международные соглашения)
10	Канада	Международный
11	Южная Корея	Международный
12	Россия	Национальный с региональным (ЕС) в совокупности
13	Испания	Региональный (ЕС)
14	Австралия	Международный
15	Мексика	Международный

Источник / Source: составлено по URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11188> / compiled according to data from URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11188>

оборот своих товаров на территории другой страны и объединения стран.

Дело в том, что в мировой юридической практике принято делить принцип исчерпания права на три вида: национальный, региональный и международный. Рассмотрим, в чем же состоит разница между ними.

Итак, национальный режим исчерпания права подразумевает, что товар подлежит свободной продаже после его первой официальной реализации на территории определенной страны (например, в России или Бразилии).

Региональный режим предполагает, что товар может продаваться без разрешения правообладателя в стране, которая входит в какой-либо союз или объединение государств (ЕС, ЕАЭС и др.) при условии, что в другой стране такого объединения разрешение на продажу уже действует. То есть, к примеру, если есть разрешение на продажу какого-либо товара только в одной из стран ЕС, то его можно продавать на всей территории Союза.

Международный — это такой режим, при котором товар может продаваться в любой стране без разрешения правообладателя после первой же продажи в любой точке мира.

Отметим, что принцип исчерпания права имеет непосредственную взаимосвязь с уровнем ВВП страны, что представлено в *табл. 1*.

Как следует из представленных данных, на более высокие показатели по уровню ВВП демонстрируют страны с международным принципом (режимом) исчерпания прав.

В России с параллельным импортом велась достаточно жесткая борьба на законодательном уровне. Он был запрещен ст. 1487 ГК РФ¹. Сначала к нарушителям прав о товарном знаке применялись как гражданско-правовые, так и административно-правовые меры воздействия, но с 2009 г. стала применяться только гражданско-правовая ответственность.

Однако новые геополитические реалии побудили законодателей изменить регулирование параллельного импорта. В 2018 г. Конституционный суд пересмотрел практику работы с параллельным импортом и предложил внедрить новые подходы. Их суть заключалась во введении обязанности для импортера осуществлять реэкспорт товара, нарушающего правила

параллельного импорта. В судебной практике в отношении ввоза оригинального товара в отсутствие разрешения правообладателя был выработан следующий подход (постановление Конституционного Суда от 13.02.2018 № 8-П², абз. 4 п. 75 постановления Пленума Верховного Суда от 23.04.2019 № 10³):

Национальный принцип прекращения исключительного права на товарный знак применяется во взаимосвязи с регулированием принципа исчерпания прав международными договорами, участником которых является Российская Федерация, в том числе п. 16 приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе.

Региональный режим предполагает, что товар может продаваться без разрешения правообладателя в стране, которая входит в какой-либо союз или объединение государств (ЕС, ЕАЭС и др.) при условии, что в другой стране такого объединения разрешение на продажу уже действует. То есть, к примеру, если есть разрешение на продажу какого-либо товара только в одной из стран ЕС, то его можно продавать на всей территории Союза.

Суды могут полностью или частично отказать в применении последствий импорта на территории нашего государства без согласия правообладателя товарного знака конкретной партии товара, на котором товарный знак размещен правообладателем или с его согласия и который законно выпущен в оборот за пределами РФ. Такой вариант возможен в тех случаях, когда в силу недобросовестного поведения правообладателя применение по его требованию таких последствий может создать

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290909/

³ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/

угрозу для жизни и здоровья населения, иных публично значимых интересов.

Товар, ввозимый при параллельном импорте, не является поддельным, поэтому меры гражданско-правовой ответственности в таком случае не могут быть такими же, как и при ввозе поддельного товара, если по обстоятельствам конкретного дела это не влечет для правообладателя убытков, сопоставимых с убытками от введения в оборот поддельного товара.

Товар, ввезенный при параллельном импорте, может быть изъят из оборота и уничтожен в порядке применения последствий нарушения исключительного права на товарный знак лишь в случае его ненадлежащего качества или для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей.

Товар, ввозимый при параллельном импорте, не является поддельным, поэтому меры гражданско-правовой ответственности в таком случае не могут быть такими же, как и при ввозе поддельного товара, если по обстоятельствам конкретного дела это не влечет для правообладателя убытков, сопоставимых с убытками от введения в оборот поддельного товара.

В марте 2022 г. правительством Российской Федерации было принято постановление № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы». Целью постановления является разрешение параллельного импорта отдельных товаров путем замены национального принципа исчерпания права на международный.

Пояснения по данным понятиям были даны выше.

Примеры товаров из списка параллельного импорта приведены в приказе Минпромторга от 19.04.2022 № 1532⁴, который был зарегистрирован Минпромторгом 06.05.2022. В настоящее время в ГК РФ внесены поправки, согласно которым нормы ст. 1487 не применяются по отношению к перечню товаров (групп товаров), указанных в приказе № 1532.

Также 28 июня 2022 г. был принят Федеральный закон № 213-ФЗ, ст. 1 которого устанавливает, что именно не является нарушением исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности⁵.

Таким образом, параллельный импорт в России был официально легализован. Это позволило продавцам ввозить продукцию из недружественных стран без разрешения правообладателя. Полный список импортозамещения включает более 50 групп товаров в разных отраслях. Следует отметить, что список товаров параллельного импорта продолжает расширяться. Минпромторг объявил о пересмотре данного списка как минимум раз в квартал.

Ряд экспертов называет данный документ легализацией так называемого «серого» импорта. Однако такая трактовка не является корректной, поскольку, согласно законодательству, разрешается ввоз не контрафактной продукции, а оригинальной, произведенной официально правообладателями. По сути, разрешение параллельного импорта — это контрмера российского правительства в ответ на западные санкции против российской экономики. Она направлена на обеспечение российского населения необходимым ассортиментом самых востребованных товаров. В настоящее время любая российская компания или частный предприниматель могут напрямую закупать товары у зарубежных производителей и реализовывать их на территории РФ. При этом особо следует отметить, что введение режима параллельного импорта обусловлено, прежде всего, экономическими мотивами. Конечно, имеет место и политическая подоплека, своего рода ответ на вводимые пакеты зарубежных санкций. Однако, с нашей точки зрения,

⁴ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416496/

⁵ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420360/

экономическая составляющая все же играет главенствующую роль.

Единственным условием является предоставление документов о происхождении товара, чтобы доказать, что он не является контрафактным, а имеет легальное происхождение. Сокращение формальных требований к документации позволит, по мнению законодателей, в максимально короткие сроки устранить на российском рынке дефицит той продукции, с производством которой отечественные производители пока не справляются в полном объеме. Кроме того, легализация параллельного импорта даст возможность закупать продукцию в недружественных странах по более конкурентным ценам. Также упростится процедура ее ввоза и реализации.

Подобную схему использует ряд стран для удовлетворения потребностей своих граждан в товарах, по тем или иным причинам запрещенных к ввозу в страну (разумеется, речь не идет о тех, что законодательно запрещены к обороту). Такая практика используется, к примеру, в Индии, Бразилии и даже США.

Введение режима параллельного импорта довольно быстро принесло положительные результаты. Уже 15 августа 2022 г. министр промышленности и торговли Денис Мантуров объявил, что с мая 2022 г. объем параллельного импорта в России составил 6,5 млрд долл., а по итогам года при заданных темпах эта цифра может достичь 20 млрд долл. По словам министра, данная схема позволяет наладить альтернативные схемы поставки товаров в условиях возможного возникновения их дефицита.

Минэкономразвития, в свою очередь, сообщило, что объемы импорта в III квартале 2022 г. начали восстанавливаться именно за счет активизации параллельного импорта. То есть пока идет восстановление импорта за счет его потребительской составляющей (по итогам III квартала 2022 г., в рамках потребительского импорта в Россию уже ввезено более 1,3 млн тонн товаров). В 2023 г. ожидается восстановление темпов роста инвестиционного и промежуточного импорта.

Рассмотрим несколько альтернативных точек зрения экспертов на легализацию параллельного импорта. Ряд аналитиков соглашается с официальным подходом правительства и отмечает, что без параллельного импорта российская экономика столкнулась бы с беспре-

дентным дефицитом. Другие эксперты считают, что фактическая легализация параллельного импорта приведет к наплыву контрафактной продукции на российском рынке. Третьи же полагают, что введение данной инициативы сулит значительные выгоды большинству производителей, по-прежнему нуждающихся в зарубежных товарах (к примеру, в комплектующих и деталях, необходимых для внутреннего производства).

Некоторые эксперты полагают, что, с юридической точки зрения, легализация параллельного импорта в России в определенной степени нарушает права иностранных производителей. Позволим себе назвать данное

Параллельный импорт в России был официально легализован. Это позволило продавцам ввозить продукцию из недружественных стран без разрешения правообладателя. Полный список импортозамещения включает более 50 групп товаров в разных отраслях. Следует отметить, что список товаров параллельного импорта продолжает расширяться. Минпромторг объявил о пересмотре данного списка как минимум раз в квартал.

предположение не вполне корректным, поскольку, как уже отмечалось ранее, в большинстве стран действуют либо региональные, либо международные принципы исчерпания права, фактически разрешающие действие режима параллельного импорта. Таким образом, разрешив параллельный импорт отдельных групп товаров, правительство РФ ни в коем случае не лишает иностранных правообладателей исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, а всего лишь временно ограничивает их в экономических привилегиях, которые им давали принцип национального исчерпания прав и полный запрет параллельного импорта.

При этом нельзя отрицать, что легализация параллельного импорта создаст иностранным производителям определенные неудобства. Так, как уже отмечалось выше, ранее зарубежные контрагенты выстраивали экономические отношения с российскими партнерами исключительно через дистрибьютеров, зачастую эксклюзивных, действующих в интересах иностранных производителей. На текущий момент российские компании имеют право самостоятельно выстраивать деятельность по ввозу и реализации иностранной продукции, не оглядываясь на иностранных производителей и действуя исключительно в собственных интересах.

Среди определенных трудностей для отечественных потребителей при использовании продукции параллельного импорта можно отметить следующие: возможность запрета российским компаниям реализовывать собственную продукцию-аналог; отсутствие адаптации товаров к особенностям российского рынка (например, автомобилей с правым рулем); несовместимость иностранных товаров с российскими системами бытовой техники и электроники; отсутствие возможности создать русскоязычный интерфейс такой техни-

ки; отсутствие инструкции на русском языке; отсутствие гарантийного обслуживания товаров, ввезенных по параллельному импорту; отсутствие поставок необходимых запчастей и комплектующих и т.д.

В заключение следует отметить, что в сложившихся экономических и геополитических условиях действия режима санкций в отношении нашей страны легализация параллельного импорта несет очень много преимуществ для российской экономики в целом, а также для производителей, поставщиков и потребителей. Конечно, как и любое экономическое явление, легализация параллельного импорта обладает не только положительными эффектами, но и несет определенные риски, а также имеет недостаточную правоприменительную практику.

В то же время следует сказать, что юридическая проработка данного вопроса основывалась на нормах международного права и будет в дальнейшем совершенствоваться. К тому же введение параллельного импорта является вынужденной мерой и, возможно, временной. Но пока именно его легализация позволит российской экономике пережить период турбулентности с минимальными потерями.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Людмила Шухратовна Уличкина — магистрант 2-го курса юридического факультета, Финансовый университет, Москва, Россия

Ludmila Sh. Ulichkina — 2nd year Master student, Department of Law, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0008-5950-4218>
211556@edu.fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.04.2023; принята к публикации 10.05.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.04.2023; accepted for publication on 10.05.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.